

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 1 (70) — 2014

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 19.02.2010 г.)*

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (Ивановский государственный университет; *главный редактор*;
доктор исторических наук, профессор),
- С. Г. Айвазова** (Институт социологии РАН, г. Москва; доктор политических наук, главный научный сотрудник),
- В. Н. Егоров** (Ивановский государственный университет; доктор экономических наук, профессор),
- И. С. Клёцина** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
доктор психологических наук, профессор),
- З. Х. Саралиева** (Нижегородский государственный исследовательский университет;
доктор исторических наук, профессор),
- Н. Л. Пушкарёва** (Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),
- Т. Б. Рябова** (Ивановский государственный университет; доктор социологических наук, профессор),
- Н. А. Шведова** (Институт США и Канады РАН; доктор политических наук, главный научный сотрудник),
- Н. Б. Гафизова** (Ивановский государственный университет; *ответственный секретарь*;
кандидат исторических наук, доцент),
- И. Н. Кодина** (Ивановский государственный университет; кандидат социологических наук,
старший преподаватель)

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»

Тел./факс в Иваново: (4932) 41 75 79
E-mail: gafizovanb@mail.ru, kodina_inna@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
Электронная копия журнала размещена на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2014
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2014

WOMEN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 1 (70) — 2014

Russian Ministry of Education and Sciences
Ivanovo State University

*The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws
on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77–16955 on January 9, 2004*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

Editorial Board:

Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University),

S. G. Aivazova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher

(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University),

Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Russian State Pedagogic University, St. Petersburg),

Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (Nizhniy Novgorod State Research University),

Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences),

Prof. **T. B. Ryabova**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo State University),

N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences),

Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo State University),

I. N. Kodina (Ivanovo State University)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39

Publishing House «Ivanovo State University»

Tel./Fax: (4932) 41 75 79

E-mail: gafizovanb@mail.ru, kodina_inna@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

The e-copy of the issue can be accessed at www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

The issues may be sent by the preliminary request
Subscription index in catalogue «Press of RF» 41513

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА

ББК 87.223.5

Н. Л. Пушкарёва

ОБ ЭМПАТИИ В АНТРОПОЛОГИИ И ВАЖНОСТИ РАЗДЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

К теме «история повседневности» мне как этнологу, уделяющему особое внимание изучению быта и одновременно истории и историчности человеческих эмоций, приходилось обращаться уже много раз. В ранее опубликованных работах легко найти и подборку релевантных теме ссылок на обширную историографию проблемы [6—12]. Ставшее трюизмом соотношение представительниц и представителей двух полов с функционально разделенными частной и публичной сферами [15] дает основание полагать, что образ жизни людей разного пола, их ежедневные практики заметно отличались и различия эти значимы для понимания как общих социальных процессов прошлого, так и для современной социальной прогностики.

Историку, знакомому с подходами повседневноведов из других стран, прежде всего германских, не надо объяснять, что женская повседневность, формально сопряженная в истории со сферой приватного, как минимум, не менее релевантна для интерпретации социокультурного контекста, чем якобы противостоящая ей, а точнее — несводимая к ней, мужская, поскольку женская повседневность всегда составляла особое измерение в культуре и по-особому функционировала. Я уже обращала внимание на то, что само слово «повседневность» — женского рода в русском и некоторых западных языках. В английском нет обобщающего понятия для этого феномена, можно высказаться лишь описательно («повседневная жизнь» — и никак иначе).

Все чаще обращаясь к теме истории женской повседневности, хотелось бы задать вопрос: сказывается ли языковое своеобразие на содержании и коннотациях данного понятия и способствует ли ориентации исследователя на соотношение себя с изучаемым? Известно, что грамматический род наименования

(лексемы) способен задавать образ восприятия самого феномена [4, с. 155], недаром историография обращает внимание на особенности такого типа. В русском, немецком и французском языках слово «история» женского рода (die Geschichte, l'histoire), она столь же «женственна, сколь и ее муза Клио» [28, S. 8].

Исследований по этой теме на Западе много, они разнообразны и зависят от того, насколько тем или иным ученым близка феминистская методология. В зависимости от этого анализ женской повседневности либо является теснейшим образом связанным с темой распределения властных полномочий в обществе и гендерным аспектом такого распределения; либо пополняет общую картину жизни женщин (прежде всего в семье) фактическим материалом, без ясного критического потенциала (впрочем, в англо-американской историографии таких работ становится все меньше, а, скажем, у нас и в немецкоговорящих странах таких публикаций множество).

О том, что изучение истории повседневности должно изначально быть и оставаться гендерно-чувствительным, говорили не только сторонницы «женских исследований». Видный теоретик немецкой истории повседневности А. Людтке писал, что «история повседневности нацелена на постепенную реконструкцию поступков и образа действий, объяснений и чувствований людей», если принять во внимание, что в любом факте или явлении «можно различить специфические *способы переживания* опыта, характерные для мужчин и женщин» [26, S. 75; 5, с. 95].

Тема взаимосвязи истории повседневности с женскими и гендерными исследованиями нашла особое решение в работах немецких последовательниц и коллег-современниц А. Людтке, историков и этнографов, что проанализировано А. В. Беловой [1, 2]. Ряд западных историков, в частности К. Липп, специалист в области культуры повседневности в эмпирических культурных исследованиях и этнографии, настаивает на тесном соединении этих синхронно развивавшихся полей. С ее точки зрения, женские и гендерные изыскания часто относят к исследованиям повседневности ввиду того, что будни «как место прямой коммуникации и удовлетворения непосредственных потребностей аналогичны господствующей дефиниции гендерного характера жизненного пространства женщины». Она утверждает, что именно среди женских работ — с их «микроскопическим взглядом» — большое количество под заглавием «женская повседневность»; они посвящены «жизненным и рабочим отношениям женщин всех слоев» (от работниц и служащих, крестьянок, портних или водительниц речных судов до супругов профессоров). В исследованиях К. Липп сделан абсолютно точный вывод: развитие женской истории и собственно женские изыскания прошлого способствовали появлению направления повседневноведения в целом (которое без них если бы и родилось, то уж точно было бы иным) и форсировали развитие исследований гендерно-окрашенной повседневности в women's studies [23, S. 86]. По ее мнению, в начале 60-х гг. XX в. развитие этнографических женских исследований было также в значительной степени инспирировано дискуссиями женщин-историков и культурно-антропологическими начинаниями американских феминисток [24, 25]; «аналогично изменялись и постановки

вопросов: от описаний материальной повседневности к символическим аспектам повседневных поступков» [23, S. 87].

Изучалась ли в те годы женская повседневность у нас? Если брать в расчет всю российскую науку, то трудно ответить однозначно. Да, если иметь в виду многочисленные работы социологов, интересовавшихся повседневной жизнью женщин в СССР и, после его распада, России. Нет, если иметь в виду анализ исторической динамики и смен форм гендерных контрактов на протяжении советского и постсоветского периодов. Этой теме я касалась в середине 1990-х гг., стараясь доказать, что само по себе обращение к «женской теме» — еще не исследование по истории (женской) повседневности [14]. Блистательная работа А. В. Беловой, основанная на материале ее докторской диссертации [2], не ставит вопроса о том, какой была женская повседневность ее героинь, дворянок, до рассматриваемого ею периода (XVIII — середина XIX в.), равно каковы были пути изменения этого гендерного контракта в будущем.

Между тем именно допущение плюрализма в оценках разных сторон жизни, в том числе и повседневной, который отличает гендерные исследования в целом, заставило многих социологов, историков, лингвистов, культурологов вновь и вновь обращаться к теме, в частности в историческом аспекте. Это имеет не только научное, но и воспитательное значение. Тот, кто занимается повседневностью теоретически, исходя из восприятия повседневной жизни человека как ценности, никогда не будет приравнивать теорию к реальности, а также патерналистски относиться к чужой или своей собственной повседневности. Он/она всегда будет ощущать, что живет в мире, где нет пригодной для всех истины, «последней и завершающей», где немислима ситуация разделения мира на «мы» и «они», где «мы» всегда правы, а «они» нет. Однако каждый, кто занимается изучением женской повседневности, непременно подчеркивает еще и ее различия с повседневностью мужской (содержание, ценности, ритм развития). И в этом отличие «традиционного» этнографа (который просто ищет общие черты мужского и женского быта) от гендеролога, которому важны различия.

Постановка вопроса о гендерных аспектах повседневности, связанных с различиями в женской и мужской ментальностях, женском и мужском образах мира и аксиосферах мужского и женского, актуальна и правомерна. Не секрет: классическая антропология (как и философия) рассматривала «человека вообще», лишённого каких-либо индивидуальных, в том числе половых, качеств. Абстрактным объектом изучения являлся среднестатистический индивидуум, все конкретные свойства игнорировались как второстепенные. В центре внимания оказывалась некоторая само собой разумеющаяся *норма*, все отклонения от которой признавались патологией и выталкивались за границу упорядоченной социальной реальности. Сюда попадало вообще все непонятное, неприятное и опасное, к примеру непохожие на среднестатистического мужчину женщины [3, с. 7].

Что касается досоветского периода, то повседневность (как и сфера частной жизни) женщин изучалась очень неравномерно и, главным образом, этнографами в рамках исследования традиционного (крестьянского) быта [13, 14]. Лишь в самое последнее время, со второй половины 1990-х гг., предметом

рассмотрения стала не столько фактическая обстановка женской повседневности современного города либо деревни (какой она видится наблюдателю), сколько *самоощущения* их обитателей, их субъективные представления о себе самих и о мире вокруг, в том числе об отдельных вещах, формах общения, институтах культуры. Как жаль, что исследователи этих вопросов не задавались целью выяснить, чем же различались самоощущения людей разных полов.

Нашим ученым, занимающимся проблематикой женского быта, не близка феминистская методология. Им не хочется признавать очевидное: анализ женской повседневности является теснейшим образом связанным с распределением властных полномочий в обществе и гендерным аспектом такого распределения. Они ставят задачей просто пополнить общую картину жизни женщин фактическим материалом, сделав это в рамках теории взаимодополнительности гендерных ролей, без ясного критического потенциала.

Между тем в европейской и подчас флагманской для нас американской науке написание работы с таких методологических позиций просто невозможно. Любопытным ответом на вызов второй волны феминизма (1970-е гг.), в рамках которой удаленность женщин от новейших технологий рассматривалась как помеха для равенства и неблагоприятное условие для достижения жизненной стратегии, стало исследование двадцатилетней давности, анализирующее произошедшие за последние полвека изменения и результаты направленной политики вовлечения женщин в круг новейших технологических практик [17]. Речь, как оказалось, шла не только о том, чтобы предоставить женщинам особые возможности при поступлении на технические факультеты университетов, при получении мест врачей (а не медсестер) в больницах с целью (как мы бы сказали) «вовлечь женщин в производство», но именно и прежде всего о том, чтобы изменить женскую повседневность дома, в семье. И это произошло благодаря включению в нее технических помощников, благодаря нацеленной политике «нового отцовства», которая заставила женщин почувствовать свои равные права на включенность в профессиональную жизнь, перестроить повседневный бюджет времени, освободив время для реализации своих интересов. Смена гендерных ролей и значение в этом процессе технологических новшеств, врывающихся в повседневную жизнь, — типичная проблема современной западной социальной антропологии и истории повседневности XX в. [18, 19, 20, 27].

В этом контексте мне хотелось бы обратить внимание на увлекательную книгу Э. Робертс, которая, поставив в центр изучения «устную историю» семьи в XX в., провела грандиозное исследование истории повседневности в том ее виде и ракурсе, в каком ее запомнили именно женщины. Взяв автобиографии нескольких поколений (1890—1970 гг.), она заставила источники и живых информаторов из трех северо-западных индустриальных английских городов говорить о том, что в обычных воспоминаниях является фоном [30]. Это деторождение и уход за детьми, сексуальные отношения, брак, домохозяйствование, отношения с подругами, празднование важных домашних дат, гендерные роли, родственные связи и многое другое, что конструирует прежде всего женские жизни. Изучение повседневности женщин за более чем век показало ей, во-

первых, смену приоритетов в системе повседневных обязанностей: место шитья, обшивания себя, детей и родственников, вязания и иных традиционных женских умений, место умения вкусно готовить и экономно расходовать продукты заняло к концу XX в. умение следить за собой, точно рассчитывать рацион всех близких с точки зрения его полезности/вредности.

Во-вторых, к концу XX в. Э. Робертс увидела в рассказах о повседневном явную «революцию» в отношениях между мужем и женой, отцом и детьми: мужчины стали более креативными в делах обустройства дома, стирки и готовки, стали читать глянцевого журналы по дизайну жилища и больше посвящать времени занятиям с детьми — от спорта до интеллектуального воспитания. При этом исследовательница заметила нелинейность этого процесса: отцы 1950-х занимались с детьми много меньше, чем в начале XX в., зато к концу столетия произошло рождение «нового отцовства», предполагающего даже умение молодых отцов заботиться о младенцах.

В-третьих, выяснилось, что за столетие изменился подход (в аспекте времени и сил) к проблеме ухода за детьми и стариками. В начале столетия задачей женщины считалась готовность пожертвовать собой и своим временем ради детей, «поднять» их до совершеннолетия, поскольку заболеваемость и смертность до взросления были очень высоки. К концу столетия в качестве куда более весомой проблемы в западных странах обозначилась проблема не «детская», а «родительская», во всем объеме встал вопрос о заботе и милосердии к старикам, хотя сфера социального обеспечения развивалась быстро и многое стало в этом смысле проще. Важно подчеркнуть, считает Э. Робертс, что мужчины также оказались вовлечены в уход за стариками, чего не было в начале XX столетия.

Книги, подобные описанной выше, заставляют, мне думается, поставить все эти вопросы применительно к нашим российским реалиям и задуматься над тем, как мало мы, в сущности, знаем о жизни наших близких, о тех, кто жил при социализме и кому выпало изучать эти сюжеты сейчас. Добавлю, что наблюдения над женскими автобиографическими текстами XX в. заставляют пристальнее присмотреться к образу «домашней матери, матери, сидящей дома с детьми», который (по словам исследовательницы) «стал в настоящее время культурной аномалией», просуществовав в период бэби-бума конца 1950—1960-х гг., и кстати очень непродолжительное время [32, р. 5]. Разве этот вывод западных исследовательниц женской повседневности касается лишь их американских и западноевропейских современниц? Как рождался и воспроизводился литературой этот образ «правильного материнства», если он дожил у нас аж до XXI в., и в чем повседневность женщин вне дома была несхожа с повседневностью мужчин? Почему и как складывалась у нас ситуация, при которой материальный вклад женщин в повседневность семьи очевидно рос, а «домашняя мама» все-таки оказывалась идеалом? И чьим идеалом, для кого? Почему образ властной, «фаллической» матери так непригляден для современной русской культуры?

Пытаясь философски осмыслить различия мужской и женской повседневности через понятия мужской и женской субъективности, современная германская гуманитаристика [31], впрочем как и историописание [21], очевид-

но подчеркивает подчиненный характер женской субъективности, который диктует (или, по крайней мере, диктовал) своеобразное отношение к женской повседневности — как к теме не слишком значительной и, по возможности, сводимой к «повседневности вообще» [29, S. 271]. Может ли специалист по русской женской повседневности согласиться с этим утверждением? Признание значимости изучения такой темы идет рука об руку с признанием ценности женской личности и отдельности (от мужского мира), с преодолением патриархатных воззрений, с критикой андроцентризма в науке.

В свете сказанного вполне объяснимо, что женские переживания, женский травматический опыт — значительно более проговоренный, нежели мужской, и может быть чаще запечатлен в воспоминаниях. Его гораздо легче выявить, вербализовать, проанализировать. Поэтому задача, поставленная германскими исследователями женской лагерной повседневности — в том ее виде, в каком она сохранилась в памяти переживших заключение в советских лагерях, была успешно выполнена М. Штарк в 2003 г. [33]. Что сделано по этой теме у нас? Автор германского исследования не ставила задачи сопоставить мужской и женский типы запоминания. Она также не ставила перед собой задачи задуматься, какие основные различия заставляют «развести» мужские и женские лагерные воспоминания, в чем они очевидно не совпадают. Однако сама по себе публикация множества устных рассказов, обобщенных по темам, связанным с повседневностью (транспорт, жилье, питание, одежда, досуг, сексуальность, болезни и смерть), может быть очень важным этапом в осмыслении проблемы в целом и послужить введению в оборот записей, «осевших» во множестве архивов (ФСБ, общество «Мемориал», Народный архив и ряд провинциальных документохранилищ).

Добавлю в заключение, что исследование женской повседневности еще более сложная задача, чем воссоздание повседневности социального слоя, группы, этноса вообще. Если сама повседневность подчас неразличима для «замыленного» глаза, неспособного видеть то, что постоянно находится перед изучающим, то женская повседневность еще более обыденна: она не склонна себя противопоставлять мужской, озвучивать, как отдельная женщина никогда не была склонна проговаривать (особенно письменно) и опредмечивать свои бессознательные женские мании и фобии. Если мужская повседневность всегда готова продемонстрировать себя в парадном зале дворца или на поле битвы, то обстановка кухни, детской, светелки, а тем более «чулана или чердака», т. е. пространства женской повседневности, запросто изглаживается из исторической памяти. Десятилетиями эта сторона жизни и быта волновала лишь этнографов, да и то на равных с изучением повседневности мужской. Но приступая к изучению женской повседневности, стоит помнить об опасности воспроизведения в конечном счете лишь ее внешних, расплывающихся границ вместо постижения ее подлинной внутренней природы, властных отношений в обществе в целом и в семье в частности, а именно так часто случалось с попытками интерпретаций в этой области [22]. То, что в мужской аксиосфере и в так называемой общечеловеческой системе ценностей может рассматриваться с позитивным знаком, в системе женской может оказаться поводом для депрессий и разочарований. Попытки индивида взбунтоваться против унылости повседнев-

ности, бежать от лицемерия нормальной обыденности, введя в число действующих лиц новых знакомых, изменив строй жизни, разнообразив события каждого дня, часто оборачиваются против близких ему людей. Это особенно касается женщин. Стремление освободиться от опостылевшей привычности очень часто заканчивается поражением участницы подобного «эксперимента», бунтарки или беглянки. Но и попытки обоснования мужского превосходства (маскулинного супрематизма) тоже часто оказываются обреченными. Ведь то, что в мужской и привычной системе ценностей может выглядеть как «обездушивание» собственного существования, как нечто, вызывающее тоску и скуку (любая монотонность жизни, ее ритмизированность), в аксиосфере женской может считаться овеществлением «тихой заводи», стабильности. Перечисленное может предстать как разумная попытка спасти от гибели налаженный быт и сложившиеся отношения, а следовательно — сохранить здоровье близким, продлить их жизнь. Следовательно, оценки одного и того же зафиксированного явления истории повседневности очень зависят от позиции аналитика, его пола, а также от того, например, насколько он/она разделяет идеи феминистской этики (ответственности, участия, эмпатии).

Недавно дошедший до читателя сборник работ историков, социологов и литературоведов из множества городов и университетов Российской Федерации, объединенный общей темой отражений гендерных отношений и систем в российской повседневности [16], оказался удачной попыткой осуществить комплексное исследование российской специфики повторяющегося, «нормального» и привычного, типических эмоциональных реакций на жизненные события, проанализировать мотивацию поведения мужчин и женщин разных социальных страт. Научная оправданность такого подхода обусловлена самим ходом развития европейской культуры, выдвинувшей ценности повседневной жизни в число приоритетных, детерминирующих развитие культуры в XXI в. Хотелось бы, чтобы он имел продолжение, потому что обращение к удаленному прошлому, а именно изучение изменений в структурах тогдашней обыденности в ее гендерном измерении, имеет значение для современных мучительных поисков обновленной идеологии.

Библиографический список

1. Белова А. В. Женская дворянская повседневность в контексте гендерно-чувствительной социальной истории // Вестн. Российского университета дружбы народов. Сер.: История. 2007. № 8. С. 51—63.
2. Белова А. В. «Четыре возраста женщины»: повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII — середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010. 480 с.
3. Гурин С. П. Маргинальная антропология. Саратов: Изд-во СГУ, 2000. 237 с.
4. Зверева Г. Формы репрезентации русской истории в учебной литературе 1990-х годов: опыт гендерного анализа // Пол, гендер, культура: немецкие и русские исследования / под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. М.: РГГУ, 1999. Вып. 1. С. 155—180.
5. Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история: ежегодник, 1998/99. М.: РОССПЭН, 1999. С. 91—105.
6. Пушкарёва Н. Л. Гендерный аспект «истории повседневности»: содержание и перспективы изучения // Частное и общественное: гендерный аспект / отв. ред.

- Н. Л. Пушкарёва, Н. В. Новикова, М. Г. Муравьева. М. : ИЭА РАН, 2011. С. 538—539.
7. *Пушкарёва Н. Л.* «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история, 2004. М. : РОССПЭН, 2005. С. 93—113.
 8. *Пушкарёва Н. Л.* История повседневности: междисциплинарный подход // Антропологический форум. 2011. Вып. 14. Online. С. 457—470.
 9. *Пушкарёва Н. Л.* История повседневности: предмет и методы // Социальная история, 2007. М. : Алетейя, 2007. С. 9—21.
 10. *Пушкарёва Н. Л.* К определению понятия «женская повседневность» // Повседневный мир советского человека: стратегии выживания и механизмы адаптации в условиях социальных трансформаций 1920—1940-х гг. / отв. ред. Е. Ф. Кринко. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 212—223.
 11. *Пушкарёва Н. Л.* Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3—19.
 12. *Пушкарёва Н. Л.* Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: тенденция, динамика, перспективы изменений (X — начало XXI в.) // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений : сб. ст. / отв. ред. и сост. Н. Л. Пушкарёва. М. : Новое лит. обозрение, 2013. С. 5—24.
 13. *Пушкарёва Н. Л.* Русская женщина: история и современность. М. : Алетейя, 2002. 525 с.
 14. *Пушкарёва Н. Л.* Частная жизнь женщины в доиндустриальной России, X — начало XIX в. : невеста, жена, любовница. М. : Ладомир, 1997. 282 с.
 15. *Репина Л. П.* Гендер, власть и «теория разделенных сфер» // Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М. : Наука, 1998. С. 194—208.
 16. Российская повседневность в зеркале гендерных отношений : сб. ст. / отв. ред. Н. Л. Пушкарёва. М. : Новое лит. обозрение, 2012. 864 с.
 17. *Consuming Technologies : Media and Information in Domestic Spaces / ed. by R. Silverstone, E. Hirsch.* London ; New York : Routledge, 1992. 256 p.
 18. *Cowan R. S.* More Work for Mother : the Ironies of Household Technology from the Open Hearth to the Microwave. London : Free Association Books, 1989. 285 p.
 19. *Csikszentmihalyi M., Rochberg-Halton E.* The Meaning of Things : Domestic Symbols and the Self. Cambridge (UK) : Cambridge University Press, 1981. 301 p.
 20. *Henwood M., Rimmer L., Wicks M.* Inside the Family : the Changing Roles of Men and Women. London : Family Policies Studies Centre, 1987. 83 p.
 21. *Hufton O.* Weiblicher Alltag // Listen der Ohnmacht : zur Sozialgeschichte weiblicher Widerstandsformen / hg. v. C. Honegger, B. Heintz. Frankfurt a. Main : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1981. S. 138—159.
 22. *Krone-Schmalz G.* «In Wahrheit sind wir starker» : Frauen-Alltag in der Sowjet-Union. 2. Aufl. Düsseldorf ; Wien ; New York : Econ, 1999. 310 S.
 23. *Lipp C.* Alltagskulturforschung in der empirischen Kulturwissenschaft und Volkskunde // Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte : zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte. Münster : Westfälisches Dampfboot, 1994. S. 85—86.
 24. *Lipp C.* Schimpfende Weiber und patriotische Jungfrauen : Frauen im Vormärz und in der Revolution 1848 / hg. v. C. Lipp. Baden-Baden : Bühl-Moos, 1986. 289 S.
 25. *Lipp C.* Überlegungen zur Methodendiskussion. Kulturanthropologische, sozialwissenschaftliche und historische Ansätze zur Erforschung der Geschlechterbeziehung // Frauennalltag : Beitr. zur 2. Tagung der Kommission Frauenforschung in der DGV. Frankfurt ; Bern ; New York : DGV, 1988. S. 29—46.

26. *Lüdtke A.* Stofflichkeit, Macht-Lust und Reiz der Oberflächen : zu den Perspektiven von Alltagsgeschichte // Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie : eine Diskussion / hg. v. W. Schulze. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1994. S. 74—81.
27. *McDowell L.* Urban housing and the sexual division of labor // Sexual Divisions: Patterns and Processes / ed. by M. Evans, C. Ungerson. Tavistock : London McDowell, 1983. P. 142—163.
28. *Niethammer L.* Einladung zur Spurensuche im Zeitgeist // Niethammer L., Van Laak D. von. Posthistoire: ist die Geschichte zu Ende? Hamburg : Reinbek bei Hamburg, 1989. S. 8—16.
29. *Ostner I.* Beruf und Hausarbeit : die Arbeit der Frau in unserer Gesellschaft. Frankfurt a. Main : Campus Pasero, 1978. 291 S.
30. *Roberts E.* Women and Families : an Oral History, 1940—1970. Oxford : Blackwell, 1995. 277 p.
31. *Seidel G.* Sind Menschenrechte Frauenrechte? // Menschenrechte im Prozess der Geschichte : historische Interpretationen, didaktische Konzepte, Unterrichtsmaterialien / hg. v. K. Frohlich, J. Riisen. Pfaffenweiler : Centaurus Verlag, 1990. S. 137—161.
32. *Siegel K.* Women's Autobiographies, Culture, Feminism. New York : Peter Lang Publishing, 1999. 401 p.
33. *Stark M.* Frauen im GULAG : Alltag und Überleben, 1936 bis 1956. München ; Wien : Carl Hanser Verlag, 2003. 291 S.

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА

ББК 65.240.59

Н. Н. Коростылёва

ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КАДРОВЫХ ПРОЦЕССОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ

Кадровые процессы, происходящие на государственной службе, не являются обособленными и оторванными от жизни общества. Будучи разновидностью социальных процессов, кадровые процессы представляют собой количественные и качественные изменения кадрового состава на государственной гражданской службе с учетом их объективности, повторяемости, регулируемости.

Кадровые процессы на государственной службе можно определить как совокупность последовательных действий, процедур, технологий, мероприятий, направленных на достижение определенных результатов в реализации кадровой политики путем рационального использования кадрового потенциала.

Участниками кадровых процессов являются сами государственные гражданские служащие. С точки зрения гендерного подхода они всегда будут иметь признак социального пола, т. е. будут выступать представителями социально-демографических групп.

Гендерный подход основан на оценке любого планируемого мероприятия с учетом интересов, потребностей, особенностей полов. Его цель — достижение гендерного равенства, которое подразумевает не только равенство прав и свобод мужчин и женщин, но и равенство их возможностей для реализации своих личностных, профессиональных интенций, а также равенство в правах выражать свои интересы, взгляды, суждения, иметь доступ ко всякого рода ресурсам: экономическим, социальным, властным.

Государственная гражданская служба в аспекте гендерного подхода представляет собой четкую иерархическую систему, с определенной социопрофессиональной средой, где происходит становление, формирование и совершенствование профессиональной деятельности мужчин и женщин — государственных служащих с учетом их статусно-ролевых, ценностно-ориентационных и личностных характеристик.

Гендерные отношения, которые складываются на государственной службе, всегда будут иметь статус «властности», т. к. они формируются путем коммуникативного взаимодействия мужчин и женщин на различных уровнях административного государственного управления. Они зависимы от должностного признака.

© Коростылёва Н. Н., 2014

Каков же «срез» кадровых процессов на государственной гражданской службе с учетом гендерного подхода? Основным кадровым процессом здесь является феминизация. Учеными давно замечено, что «женщин на государственной службе привлекают стабильность и социальная защищенность, в результате чего кадровый состав государственных служащих в основном составляют женщины» [4, с. 65].

Эту тенденцию подтверждают и данные статистики [3]. На должностях государственной гражданской службы федерального уровня, как и уровня субъектов РФ, занято более 70 % женщин и менее 30 % мужчин (рис. 1).

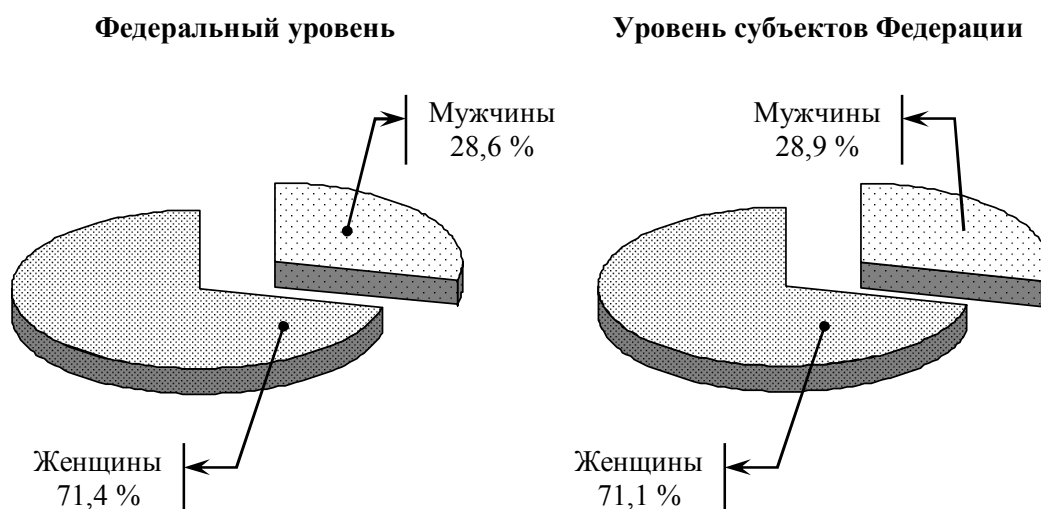

Рис. 1. Занятость на гражданской службе мужчин и женщин на 1 окт. 2011 г.

Причем данная тенденция существует достаточно давно. Так, в 2001 г. ситуация выглядела следующим образом (рис. 2).

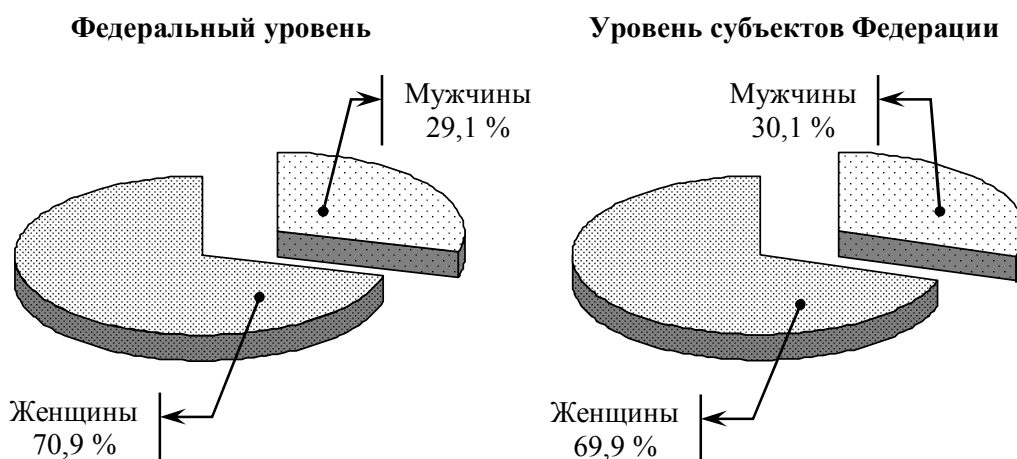

Рис. 2. Занятость на гражданской службе мужчин и женщин на 1 окт. 2001 г.

Ситуация меняется, когда мы берем для анализа вертикальный срез представленности мужчин и женщин на государственной гражданской службе. Феминизация сходит на нет, оставляя место для гендерной иерархии. Например, в

категории «руководитель» высшей группы мужчин значительно больше. Они составляют 63,8 %, тогда как женщины — 36,2 % (рис. 3). Ведущая группа должностей категории «помощники (советники)» также представлена в основном мужчинами: 71,5 % против 28,5 % (рис. 4).

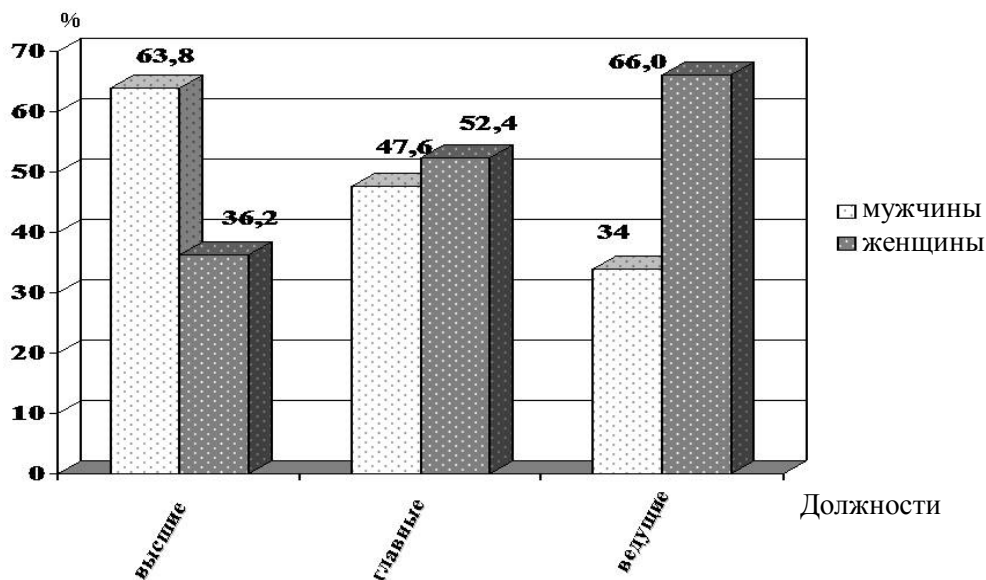

Рис. 3. Состав кадров на должностях руководителей (133 251 чел.) государственной гражданской службы РФ по полу на 1 окт. 2011 г.

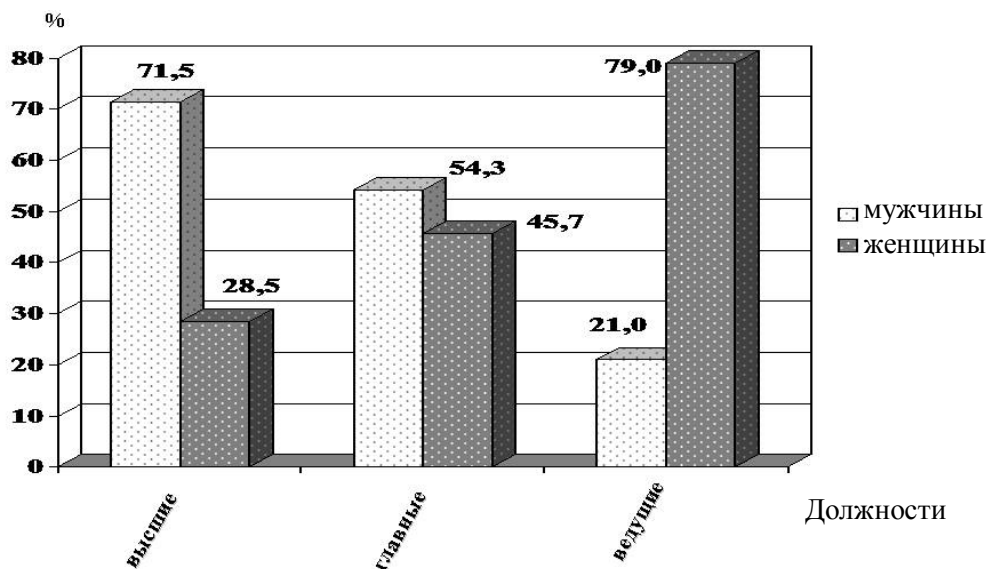

Рис. 4. Состав кадров на должностях помощников (советников) (33 173 чел.) государственной гражданской службы РФ по полу на 1 окт. 2011 г.

Гендерную иерархию мы наблюдаем, когда касаемся анализа положения женщины в сфере государственного управления в целом.

В Государственной думе VI созыва из 450 депутатов оказалось 65 женщин (14 % от общего состава депутатов). Здесь работают 30 профильных комитетов и три комиссии, в числе 33 руководителей этих комитетов и комиссий — только 4 женщины (Комитет по финансовому рынку возглавляет Н. В. Бурькина, Комитет по жилищной политике и жилищно-коммунальному хозяйству — Г. П. Хованская, Комитет по вопросам семьи, женщин и детей — Е. Б. Мизулина, Комитет по безопасности и противодействию коррупции — И. А. Яровая). В Совете Федерации всего 8 женщин — представителей от субъектов РФ. 21 сентября 2011 г. на первом заседании осенней сессии в члены верхней палаты была избрана на должность председателя Совета Федерации женщина — В. И. Матвиенко.

В Администрации Президента РФ на руководящих должностях представлены всего 2 женщины — помощники Президента Л. И. Брычева и Т. А. Голикова.

До недавнего времени в Правительстве РФ насчитывалось всего 3 женщины-министра (министр здравоохранения и социального развития, министр экономического развития, министр сельского хозяйства). В настоящее время министром работает 1 женщина — В. И. Скворцова (министр здравоохранения). 4 женщины представлены на руководящих должностях в Аппарате Правительства (первый заместитель руководителя Аппарата Правительства — А. Ю. Левицкая, руководитель председателя Правительства — М. В. Ентальцева, заместитель руководителя Аппарата Правительства — Н. Б. Найговзина и пресс-секретарь Правительства — Н. А. Тимакова) и 1 является заместителем Председателя Правительства — О. Ю. Голодец.

Приведенный анализ положения женщин в государственной сфере показывает существенную кадровую диспропорцию в распределении государственных должностей, и чем выше уровень власти, тем меньше представлено в нем женщин. Такое положение дел в кадровой политике ставит перед государством и всей общественностью задачу справедливого распределения кадрового потенциала в структурах власти, особенно верхнего эшелона.

Наряду с феминизацией кадров государственной гражданской службы, на повестку дня встает другой социальный процесс, представляющий качественный срез первого, — профессиональное развитие и самореализация женщин — государственных служащих.

На процесс профессионально-должностного продвижения женщин на государственной гражданской службе влияют два системообразующих и взаимосвязанных фактора: внешняя и внутренняя среда. Во внутренней среде формируются и ретранслируются гендерные стереотипы, создающие определенную гендерную картину мира. Ее можно определить как среду «смешанного патриархата», в которой сосуществуют негативные и более толерантные гендерные установки.

Если рассматривать внешние факторы воздействия на государственную службу, то эти факторы задаются сущностью самого государства, на которую, в свою очередь, оказывают большое влияние культура и нравственно-этические нормы поведения полов в обществе с учетом национальных особенностей.

Мужские и женские нормы поведения, принятые в обществе, оказывают большую роль на развитие всех без исключения социальных институтов, в том

числе и государственных, одним из которых является государственная служба. «Мужские нормы» поведения, связанные с активностью, упорством, инициативностью, лидерством и др., органично вписываются в статусно-ролевую систему гендерных отношений на государственной службе, постоянно воспроизводя внутреннюю поведенческую среду взаимоотношений мужчин и женщин — государственных служащих. Поэтому, несмотря на численное превосходство женщин — государственных служащих, сама государственная служба ориентируется на доминирование на управленческих должностях мужчин.

Это создает своего рода противоречие между количественным «перевесом» женщин на государственной гражданской службе и «качественной» востребованностью в ней мужчин. Содержательно государственная служба остается «мужской».

Данная тенденция носит скрытый характер, выявить факты дискриминации на государственной службе очень сложно. Между тем в нормативно-правовом поле (ФЗ-№ 79 «О государственной гражданской службе РФ», ст. 4) [2] определено, что граждане РФ имеют равный доступ к государственной гражданской службе независимо от пола и других характеристик, таких как раса, национальность, происхождение, имущественное и должностное положение, место жительства, отношение к религии и т. д.

Следуя принципам формирования государственной гражданской службы — профессионализму и компетентности, нужно заметить, что в отношении мужчин и женщин необходимо создавать все условия для раскрытия их гендерного кадрового потенциала. Но в этом процессе женщины — государственные служащие являются более уязвимой группой из-за таких факторов, как:

— существенные различия в формировании карьерных установок, обусловленных необходимостью достаточно длительное время совмещать семейные и профессиональные роли;

— наличие многочисленных гендерных установок на традиционное распределение ролей;

— особенности гендерной социализации женщин, при которой они воспринимают себя как нечто вторичное по отношению к мужчинам и считают, что только мужчины могут занимать руководящие должности и принимать значимые решения. Это говорит о заниженной самооценке данной категории женщин.

Карьера женщин — государственных служащих — дело возможное, если... Количество этих «если» может быть многочисленным.

Женщинам необходимы механизмы поддержки в построении их профессионального и карьерного вектора развития.

Следует также отметить, что мужчины и женщины имеют разные мотивы в профессиональной реализации. Женщины больше ориентированы на исполнительность и ответственность в выполнении работы, мужчины — на быстроту, нестандартность и эффективность выполнения задач.

Для определенной части женщин (чаще всего в возрасте от 25 до 40 лет, имеющих семьи и несовершеннолетних детей) больше характерна стратегия «неполного» эмоционального и профессионального погружения в работу, поскольку они должны иметь некий психофизиологический и личностный потенциал для выполнения домашних дел и воспитания детей. Для мужчин более характерна черта «полной» отдачи работе, ориентации на всецелое погружение в нее.

Женщина охотнее идет на договор с работодателем, который называется «обмен дарами». Это практика неформального договора между работником и работодателем, при которой второй «закрывает глаза» на нарушения трудового режима: более поздний приход женщины на работу, более ранний уход с нее, более гибкий график. Женщина при этом «соглашается» на более низкую заработную плату, премию или другие материальные выплаты, положенные ей по должности.

Эти процессы прослеживаются как тенденция, из которой всегда есть исключения. Как в других организациях, так и на государственной службе есть определенная категория женщин, которая проявляет черты женщины-управленца. Они демонстрируют упорство в достижении цели, высокую работоспособность, операционную переключаемость, коммуникативные способности, умение действовать решительно и быстро. Поэтому в кадровой политике государственных органов должен прослеживаться гендерный подход, посредством которого следует выявлять деятельных женщин, мужчин, поощрять их профессиональную деятельность, обучать их управленческим задачам.

На государственной гражданской службе необходимо осознание того, что кадровую политику необходимо строить с учетом гендерного фактора.

Следует заметить, что гендерно-ориентированная политика государственных органов должна всецело опираться на кадровую политику государства в этом вопросе. И на повестке дня гендерный аспект государственной кадровой политики стоит весьма остро.

Государственная кадровая политика изначально должна строиться на принципах гендерного равенства, а именно:

- соблюдении конституционного принципа равных прав, свобод и возможностей для мужчин и женщин по всех сферах общественной жизни, в том числе и трудовой;

- искоренении фактов дискриминации по отношению к женщинам и мужчинам на рабочем месте;

- координации усилий государства, гражданского общества и бизнеса по введению и усилению контроля за созданием справедливой гендерной кадровой политики;

- разработке баланса трудовых ресурсов с учетом гендерной специфики отдельных регионов и секторов производства;

- обеспечении гендерного баланса в руководящем звене любого предприятия и в государственном/негосударственном управлении;

- снижении различий в характере и оплате труда между женщинами и мужчинами с соблюдением требований равной оплаты за труд равной значимости;

- обеспечении равных возможностей на рынке труда и содействии женской занятости;

- внедрении гендерного подхода во все действующие и принимаемые государственные планы и программы.

Вышеизложенные принципы дают основания для постановки главной цели государственной гендерной кадровой политики (гендерного компонента кадровой политики) — достижения гендерного равенства.

Государственная кадровая политика — это стратегия государства по воспроизводству (формированию) и востребованности кадрового потенциала общества [1, с. 30]. В более широком смысле — это система официально при-

знанных идей, приоритетов, целей и задач по регулированию всех кадровых процессов и отношений. С учетом гендерной составляющей государственная кадровая политика будет представлять собой стратегию государства по формированию, востребованности, профессиональному развитию и рациональному использованию мужского и женского кадрового потенциала страны.

Сегодня необходимо создавать и реализовывать механизм внедрения гендерного подхода в государственную кадровую политику для сбалансированного гендерного состояния кадрового потенциала страны, для улучшения положения женщин в области трудовой деятельности (для корректировки гендерной сегрегации, выравнивания средней заработной платы мужчин и женщин, продвижения женщин в руководящее звено управления).

Библиографический список

1. Концепции государственной службы и кадровой политики : разработ. кафедрой государственной службы и кадровой политики РАГС при Президенте Российской Федерации. М. : Изд-во РАГС, 2002. 128 с.
2. О государственной гражданской службе в Российской Федерации : Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ в ред. от 25 дек. 2008 г. // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215 ; Рос. газ. 2008. 30 дек.
3. Состав работников, замещающих государственные (муниципальные) должности и должности государственной гражданской (муниципальной) службы, по полу, возрасту, стажу работы, образованию. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1237818141625 (дата обращения: 19.12.2011).
4. *Филаткина М.* Госслужащие: мотивы выбора места работы // Человек и труд. 2010. № 8. С. 64—66.

ББК 66.031.1

Н. А. Гербут

ВЛИЯНИЕ ПАРТИЙНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК НА ГЕНДЕРНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ПАРЛАМЕНТАХ

Сегодня происходит формирование единой глобальной гендерной системы, принципиальные основы которой были заложены еще во Всеобщей декларации прав человека в 1948 г., провозгласившей равноправие мужчин и женщин в обществе.

Во второй половине XX в. образовалась новая гендерная парадигма, которая рассматривает социальные отличия полов как результат культурной политики патриархального общества и осуждает гендерную дискриминацию.

Мировое сообщество столкнулось с ситуацией, когда юридически закрепленные равные права для мужчин и женщин не приводят к реальному гендерному равноправию, поскольку женщины зачастую не имеют одинаковых с

© Гербут Н. А., 2014

мужчинами стартовых возможностей и благоприятных условий для достижения равных результатов реализации своих прав.

В основу международных стандартов защиты прав женщин положена субстантивная модель равенства мужчин и женщин, которая учитывает социальные и биологические отличия между ними, анализирует последствия реализации формальных законодательно закрепленных равных прав и предлагает дополнительные механизмы обеспечения гендерного равенства [6, с. 11—14].

В большинстве стран политические партии отвечают за подбор кандидатов и за формирование вопросов, которые относятся к политической повестке дня, и потому занимают стратегическую позицию в решении проблем представительства женщин. При этом большое влияние на уровень репрезентации женщин имеет партийная структура, политика, деятельность и партийные ценности [5, с. 7].

М. Каул (Caul) выделяет четыре партийные характеристики, которые имеют влияние на представительство женщин в парламентах [8]:

- организационную структуру;
- идеологию;
- наличие в партиях женщин-активисток;
- правила, которые касаются гендерного представительства.

В статье проводится исследование влияния каждой из этих характеристик на уровень репрезентации женщин в законодательных органах.

1. Организационные структуры партий и их значение для расширения женского представительства

М. Каул утверждает, что на представительство женщин влияют три аспекта партийной организационной структуры: *централизация, институализация и номинация кандидатов*.

Централизация характеризует распределение полномочий относительно прав принятия решений в рамках партийной иерархии. Изначально следует рассмотреть, какие партии (централизованные или децентрализованные) более способствуют доступу женщин к законодательным органам.

В партиях с высокой степенью централизации (когда все решения принимаются центральным руководством) лидеры имеют возможность создать благоприятные условия для увеличения количества женщин в политике [8, р. 80—81].

Р. Мэтленд (Matland) и Д. Штудлер (Studlar) доказывают, что лидеры централизованных партий часто вынуждены включать в списки кандидатов представителей разных социальных групп (в том числе и женщин), чтобы получить больше голосов избирателей [13, р. 712]. Но если у партийных лидеров отсутствует интерес к проблемам репрезентации женщин, то можно сделать предположение, что централизация политических партий будет препятствием для уменьшения гендерного дисбаланса в избирательных списках.

Децентрализованные партии, которые предусматривают более широкие полномочия местных организаций, имеют в гендерном измерении определенные преимущества. Н. Г. Жидкова показывает это на примере Норвегии, где списки кандидатов составляют региональные партийные комитеты; эти списки впоследствии утверждаются на общем съезде (причем каждая позиция отдель-

но). Таким образом, если в каких-то списках наблюдается недопредставленность женщин, этот вопрос может решиться прямо на съезде [1, с. 208].

В 1994 г. Х. Китшелт (Kitschelt) провел эмпирические исследования четырех европейских социал-демократических партий, изучая их способность осуществлять внутрипартийные изменения. Он сделал вывод, что легче изменяются децентрализованные партии, поскольку они открыты новым идеям и инновациям, которые идут снизу [11, р. 298]. Таким образом, можно утверждать, что децентрализованные партии будут эффективно способствовать продвижению женщин на избирательные должности при условии активной деятельности женщин — членов партий на региональном уровне.

Институализация, которая является вторым компонентом партийной организационной структуры, связана со способом рекрутинга членов партий в парламент. При высокой степени институализации процесс выдвижения кандидатов проходит согласно установленным правилам. По мнению М. Кзудновского (Szudnowski), чем сильнее процесс отбора кандидатов институализован, тем легче понять со стороны, каким образом проводится этот отбор, поскольку партийные лидеры имеют меньше возможностей изменять правила в интересах отдельных кандидатов (см.: [8, р. 81]).

Эксперты международных организаций отмечают, что если внутренняя организация партии слабая, а правила подбора сформулированы нечетко, то решения, как правило, принимаются ограниченным количеством лиц, т. е. руководством партии, а это в основном мужчины [5, с. 4]. В слабо институализованных партиях существует тенденция выдвигать кандидатов, которые имеют высокий «личный политический капитал» (значительная поддержка электората, финансовые ресурсы, социальные связи и др.). Женщины относительно недавно начали приобщаться к политической жизни — они еще не имеют в своем распоряжении тех ресурсов, какие есть у мужчин [12, р. 27].

На представительство женщин также влияет уровень, на котором проводится *номинация кандидатов* в высшие законодательные органы. Поскольку много женщин занимаются политической деятельностью на региональном уровне, то отбор кандидатов именно на этом уровне повышает их шансы пройти в национальные парламенты. В Швеции, например, региональные партийные организации являются «трамплином» для тех женщин, которые хотят попасть в парламент. В тех партиях, где процесс номинации происходит на высшем партийном уровне, с целью справедливого номинирования должны быть созданы условия для карьерного роста их членов, в частности женщин [12, р. 27—28].

2. Влияние партийных идеологий на уровень представительства женщин в парламентах

Исследуя взаимоотношения между партиями и женскими движениями, К. Беквиз (Beckwith) обнаружила, что женщинам было проще достигать своих политических целей, к примеру расширять свое представительство в парламентах, сотрудничая с коммунистическими, социалистическими, социал-демократическими и лейбористскими партиями [7, р. 30].

М. Дюверже и К. Беквиз отмечали, что левые партии в большей мере поддерживают женщин-кандидатов, т. к. их идеологии направлены на утверждение

равенства. Исследования Р. Мэтленда показали, что в 1980-х гг. от левых партий Норвегии в парламент вошло больше женщин, чем от партий правого толка. Ретроспективный анализ показывает, что пребывание левых партий при власти позитивно влияло на повышение уровня представительства женщин в парламенте. У женщин меньше шансов быть номинированными правыми партиями, которым, как отмечает В. Руле (Rule), присущи более традиционные взгляды на роль женщин в обществе (см.: [8, p. 82]).

3. Деятельность активисток в партиях как важный фактор увеличения количества женщин — депутатов в парламентах

Активность женщин в партиях имеет значительное влияние на репрезентацию женщин, что подтверждает опыт многих стран, в том числе и Швеции. Получив в 1921 г. право голоса, активистки сразу же начали убеждать политические партии выдвигать больше кандидатов-женщин. Внутри партий работали женские секции, которые боролись за то, чтобы женщины в партийных списках получали проходные места. Активная деятельность женщин — членов партий и общественных организаций привела к тому, что в 1970 и 1980-х гг. основные партии Швеции ввели внутрипартийные рекомендации относительно обеспечения 40 %-й представленности женщин в списках кандидатов. Такая политика обеспечила значительное увеличение количества женщин-парламентариев: например, в 1988 г. их доля составляла 38 %. Дальнейшие требования активисток заставили партийных лидеров принимать меры, направленные на достижение паритетного представительства [14, p. 39].

Еще одним ярким примером эффективной деятельности женщин-активисток является решение гендерных вопросов в Лейбористской партии Великобритании. В 1980-х гг. в партию начали массово вступать феминистки, которые к тому времени сменили свое негативное отношение к политическим силам. Феминистки поставили перед собой цель поднять уровень активности женщин-лейбористок и создать в партии мощную женскую сеть. Кроме того, они разработали программу женских требований и боролись за включение этой программы в партийные документы. В результате лоббистской деятельности активисток появился такой официальный документ, как «Хартия равенства женщин в партии» (1984 г.), где содержался призыв исполнительного комитета ко всем отделениям партий назначать женщин на руководящие должности и проверить процедуры выдвижения кандидатов на наличие в них дискриминационных по отношению к женщинам составляющих.

С самого начала деятельность феминисток-лейбористок была направлена не столько на введение гендерных квот (как это было сделано в Скандинавских странах), сколько на повышение роли комитета действия женщин-лейбористок в аспекте влияния на внутрипартийные решения. В результате укрепления женщинами своих позиций в партии, а также под давлением женской секции Социалистического интернационала (куда входили женщины из разных партий) лейбористы ввели гендерные квоты [3, с. 244—245].

В Социал-демократической партии Хорватии, которая была создана в результате объединения нескольких левых партий в 1994 г., активистки решили создать женское крыло. Эта инициатива встретила сопротивление со стороны однопартийцев-мужчин. Тем не менее в 1995 г. был создан Социал-демократи-

ческий женский форум, который стал внутривнутрипартийным институтом. За четыре года в стране появилось около 100 отделений Форума, которые открывались в местных отделениях партии. Их деятельность привела к увеличению уровня представительства женщин в парламенте (после выборов 2000 г.) до 34 % [2, с. 44].

До начала 1970-х гг., как утверждает Н. М. Степанова, политические партии Европы оставались «мужскими» организациями. Особенно мало женщин было в партийном руководстве и в избирательных списках, поэтому «женские секции были теми центрами, где женщины могли самоидентифицироваться и формулировать программу своих требований» [3, с. 212].

4. Влияние партийных правил на женское представительство в парламентах

М. Каул отмечает, что правила, которые устанавливаются партиями для увеличения доли женщин в партийных избирательных списках, имеют форму или гендерных квот, или рекомендаций [8, р. 83].

Партии Скандинавских стран одними из первых начали внедрять квоты для расширения представительства женщин. Например, Социалистическая левая партия Норвегии использует квоты с 70-х гг., а лейбористы — с середины 80-х гг. Но необходимо отметить, что квоты вызвали сопротивление, особенно со стороны тех политиков, кто боялся потерять свои позиции вследствие увеличения уровня представительства женщин.

Шведские социал-демократы применили стратегию, которая позволила смягчить сопротивление политиков-мужчин. На выборах 1970 г. местные отделения партии первые десять мест в списках оставляли мужчинам, а дальше каждое второе место занимала женщина. На следующих выборах (1973 г.) только пять первых мест в избирательном списке были отданы кандидатам-мужчинам, а дальше каждую вторую позицию резервировали для женщин. После этого уже было принято решение о формировании списков с равным количеством мужчин и женщин, где представители каждого пола чередуются через одного [4].

В Швеции, как и в большинстве других стран, первыми начали применять гендерные квоты партии левого толка. В 1981 г. квоты для женщин были приняты в партии зеленых, причем была поставлена цель обеспечить 40 %-е представительство мужчин и женщин в партийных органах и комитетах. В 1987 г. эти требования распространились на избирательные списки: партийные списки должны были включать не менее 40 % кандидатов каждого пола. В 1997 г. зеленые ввели 50 %-е квотирование для партийных избирательных списков. Левая партия Швеции начала использовать квоты с 1987 г., причем с 1990 г. по партийным правилам требовалось включать в списки не меньше 40 % кандидатов каждого пола, а с 1993 г. — не меньше 50 %. Социал-демократическая партия, которая является самой крупной партией в Швеции, начала применять 40 %-е квоты с 1987 г., а 50 %-е — с 1990 г. С 1993 г. социал-демократы внедрили систему «молния», которая предполагает размещение кандидатов в списках по принципу чередования «мужчина/женщина».

Шведские партии, которые относятся к правому и центристскому идеологическому спектру, выбрали две разные стратегии повышения уровня представительства женщин. Если Либеральная и Христианско-демократическая партии ставили перед собой конкретные задания относительно увеличения количества

женщин в сфере политики, то Консервативная партия и Партия Центра выбрали путь общих целей.

В 1972 г. Либеральная партия начала применять 40 %-е квоты для обоих полов в пределах партийных органов и комитетов, а в 1974 г. были разработаны рекомендации по формированию избирательных списков. В документе рекомендовалось отдавать женщинам хотя бы одну «надежную» позицию в каждом партийном избирательном списке, которые создавались для разных мандатных избирательных округов. Если же в списке было только одно «надежное» место, то предлагалось отдавать женщинам или эту позицию, или следующую. В 1988 г. политика поддержки женщин в Либеральной партии была усилена рекомендациями составлять избирательные списки по принципу чередования «мужчина/женщина». Христианско-демократическая партия также сделала конкретные шаги в решении гендерных вопросов. В 1987 г. ею были разработаны рекомендации относительно применения 40 %-х квот для кандидатов обоих полов.

Консервативная партия и Партия Центра Швеции регулярно делали заявления о необходимости расширения представительства женщин в парламенте, но при этом, как отмечает Л. Фрайденваль (Freidenvall), не выдвигали конкретных предложений, каким образом это сделать [10, p. 11—12].

В Западной Германии наиболее активно сотрудничала с женскими организациями партия зеленых, которая первая среди немецких партий применила в 1986 г. 50 %-е гендерные квоты и систему «молния». После долгих дискуссий в 1988 г. гендерные квоты (40 %-е) также приняли социал-демократы. Левые, которые в 2007 г. объединились с Партией демократического социализма, как и зеленые, используют систему «молния», которая предполагает 50 %-е квоты. В Христианско-социальном союзе Германии действуют рекомендации оставлять за женщинами вторую позицию в каждом избирательном списке, также женщины должны занимать самое меньшее четыре позиции в каждом блоке из десяти кандидатов. Кроме того, в 2010 г. были приняты 40 %-е квоты для женщин на позиции в руководящих органах партии.

Внедрение гендерных квот политическими партиями Германии привело к постепенному увеличению уровня репрезентации женщин в Бундестаге (от 7,3 % в 1976 г. до 32,8 % в 2009 г.). Результаты парламентских выборов в 2009 г. показали, что от партии зеленых и левых в Бундестаг вошло 54,4 и 52,6 % женщин соответственно, что показывает высокую эффективность системы «молния» [9, p. 83—86].

Партиям легче вводить гендерные квоты при пропорциональной избирательной системе, поскольку в таком случае в округе выдвигается несколько кандидатов от партии. Мажоритарная система усложняет процесс внедрения квот, что подтверждают и статистические данные: только треть стран с мажоритарной избирательной системой используют квоты, в то время как доля стран с пропорциональной избирательной системой, которые применяют гендерное квотирование, составляет около 80 %. При мажоритарной системе партии, как правило, выдвигают одного кандидата в округе, поэтому мужчина и женщина не могут одновременно быть представлены в качестве кандидата. В таком случае квоты могут применяться на стадии определения кандидатов.

Лейбористская партия Великобритании в 1994 г. приняла решение использовать квоты для женщин при отборе кандидатов и создать списки женщин — претенденток на зарезервированные места в мажоритарных округах. Такое решение вызвало жесткое сопротивление со стороны местных партийных организаций, что привело к временному отказу от квот. Только после принятия в 2002 г. нового закона о дискриминации по признаку пола, который разрешал партиям применять позитивные действия, не рискуя создать этим себе правовых проблем, Лейбористская партия возобновила гендерное квотирование.

Другой вид гендерных квот предложила Лейбористская партия Шотландии — «двойниковую систему» (twinning system). Ее суть заключается в том, что все мажоритарные округа разбиваются попарно и для каждой пары выдвигают двух кандидатов — мужчину и женщину. Хотя эта система применялась только один раз (во время парламентских выборов в 1999 г.), она позволила лейбористам ввести в парламент наибольшее количество женщин, которые одержали победу в одномандатных округах.

В странах со смешанной избирательной системой, которая представляет собой комбинацию мажоритарной и пропорциональной систем, партийные квоты, как правило, применяют к пропорциональной составляющей. Именно такой путь квотирования избрала Германия. «Двойниковая система», которая могла бы успешно применяться к мажоритарной части смешанной избирательной системы, не нашла, к сожалению, должной поддержки ни в одной стране [9, р. 9—24].

Проведенный в статье анализ партийных характеристик с точки зрения их влияния на уровень представительства женщин в национальных парламентах показал, что в централизованных и децентрализованных партиях по-разному решаются гендерные вопросы. В централизованных партиях руководство может быстро вводить правила в интересах женщин, но если у них нет заинтересованности в расширении женского представительства, то централизация мешает женщинам-активисткам отстаивать свои права. В децентрализованных партиях активная деятельность женщин, в том числе и на региональном уровне, имеет больше шансов на успех, поскольку децентрализация предполагает участие рядовых членов партий в принятии внутривнутрипартийных решений. Кроме того, на расширение представительства женщин позитивно влияет прозрачность процедур отбора кандидатов и возможность номинирования кандидатов на региональном уровне.

Сравнительное исследование результативности деятельности разных партий Западной Европы, направленной на устранение гендерного дисбаланса в парламентах, показало, что партии левого толка в большей мере способствуют продвижению женщин в органы власти. Левые партии отстаивают принципы равенства в обществе, поэтому их идеология способствует плодотворному сотрудничеству с женскими организациями. В тех партиях, где преобладают традиционные взгляды на роль женщин в обществе, женщины имеют меньше шансов попасть в избирательные списки.

Опыт западных стран демонстрирует значительное позитивное влияние женских внутривнутрипартийных секций на повышение уровня репрезентации женщин в парламентах. Именно женские секции и фракции в большей мере занимаются разработкой и внедрением партийных правил, которые обеспечивают женщинам участие в принятии политических решений.

Наибольшее значение для представительства женщин имеют специальные партийные правила — гендерные квоты, или цели и задания рекомендательного характера. Компаративный анализ показал, что те партии, которые применяют гендерные квоты, рекрутируют в парламенты большее количество женщин. Наиболее результативными правилами — с точки зрения обеспечения паритетного гендерного представительства — являются 50 %-е квоты с системой «молния», которая предусматривает размещение кандидатов в партийных избирательных списках по принципу чередования «мужчина/женщина», что возможно реализовать только при пропорциональной или смешанной избирательной системе.

Библиографический список

1. *Жидкова Н.* Выдвижение женщин в парламент от политических партий: теоретический аспект // Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов : сб. науч. ст. / под ред. Л. Н. Попковой, И. Н. Тартаковской. Самара : Самарский университет, 2003. С. 202—220.
2. Повышение роли и расширение участия женщин в политических процессах : аналитический обзор и рекомендации для стран Центральной и Восточной Европы и СНГ. Братислава : ПРООН, 2010. 75 с.
3. *Степанова Н. М.* Политика гендерного равенства в Скандинавских странах // Гендерная реконструкция политических систем / под ред. Е. В. Кочкиной, Н. М. Степановой. СПб. : Алетейя, 2004. С. 204—225.
4. *Шведова Н. А.* Квоты: благо или новые проблемы? URL: <http://www.owl.ru/win/books/policy/quota.htm> (дата обращения: 01.08.2013).
5. Розширення прав та можливостей жінок з метою посилення політичних партій : посібник з передової практики щодо сприяння участі жінок у політичному житті. Нью-Йорк : ПРООН, 2011. 50 с.
6. *Христова Г. О., Кочемировська О. О.* Позитивні дії в механізмі забезпечення рівних прав та можливостей жінок і чоловіків : міжнародний досвід та українські перспективи. Харків : Райдер, 2010. 200 с.
7. *Beckwith K.* Beyond Compare? Women's Movements in Comparative Perspective // Women, Gender, and Politics : a Reader / ed. by M. L. Krook, S. Childs. Oxford : Oxford University Press, 2010. P. 29—35.
8. *Caul M.* Women's representation in parliament: the role of political parties // Party Politics. 1999. Vol. 3, № 1. P. 79—98.
9. Electoral Gender Quota Systems and Their Implementation in Europe. Brussels : European Parliament, 2011. 162 p.
10. *Freidenvall L.* Women's Political Representation and Gender Quotas : the Swedish Case. Stockholm : Stockholm University, 2003. 28 p.
11. *Kitschelt H.* The Transformation of European Social Democracy. Cambridge : Cambridge University Press, 1994. 368 p.
12. *Kittilson M. C.* Challenging Parties, Changing Parliaments : Women and Elected Office in Contemporary Western Europe. Columbus : Ohio State University, 2006. 191 p.
13. *Matland R. E., Studlar D. T.* The contagion of women candidates in single-member district and proportional representation electoral systems: Canada and Norway // J. of Politics. 1996. Vol. 58, № 3. P. 707—734.
14. *Norris P., Krook M. L.* Gender Equality in Elected Office : a Six-Step Action Plan. Warsaw : OSCE ODIHR, 2011. 88 p.

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

ББК 63.529(2)-534

О. А. Козлова

СВАТОВСТВО И ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ПРЕДСВАДЕБЬЯ XVII в. В АСПЕКТЕ ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ

История изучения русской свадьбы и периода сватовства имеет двухвековую традицию. Из исследований дореволюционных историков необходимо назвать работы Н. И. Костомарова [11], И. Е. Забелина [7, 8], В. С. Иконникова [9]. Описывая общую картину повседневности при рассмотрении материальной стороны жизни русского общества, они первыми подняли проблему ее нравственной составляющей, сконцентрировав внимание на патриархальном укладе. Их последователи создали целый комплекс историко-бытовых и источниковедческих очерков, опираясь на фольклорные источники [39, 40, 41, 42], посадскую литературу [23, 24, 25, 26], очерки иностранных путешественников [4, 17, 18, 21, 37]. Эти исследования не теряют значения для современных этнографов быта, но среди них нет работ, посвященных собственно женской истории, авторов мало интересовали переживания и чувства женщин того времени. Должны были пройти почти три четверти столетия, прежде чем в российской науке появились новаторские работы Н. Л. Пушкарёвой об эмоциональном мире людей предпетровского и петровского времени [27—35, 52]. При этом темы свадьбы много раз касались этнографы — Т. С. Макашина [16], Т. А. Листова [14], ее освещали фольклористы, в частности А. В. Кулагина [13]. Свадебный обряд и предшествующие ему сватовство и «жениховство» заинтересовали зарубежных исследователей Н. Бошковску [50] и Д. Кайзера [51].

В данной статье я ставлю целью применить подходы к использованию давно знакомых источников, впервые апробированные Н. Л. Пушкарёвой, и сфокусировать внимание на теме эмоционально-окрашенного восприятия женщинами лиминального периода перехода от девичества к замужней жизни, не упуская из виду контекста — эпохи начинающейся европеизации закоренелого в своей традиционности московитского социума. Задача состоит в том, чтобы актуализировать именно сферу переживаний и чувств женщин и поразмышлять о степени готовности общества к проводимым реформам, о сопротивлении им и насаждении прозападных стереотипов поведения в обществе, о желании сохранить многовековые устои и традиции. Свадьба и предсвадебье в

России петровского времени являют образец традиционной модели русской семьи, где гендерные роли были расписаны и не предполагали инверсий, ритуалы были способом публичного воспитания в женщинах требуемых традицией и православием нравственных качеств. Анализ влияния этих аспектов культуры на повседневную жизнь девушек, выходящих замуж, также входит в задачи настоящей статьи [16, с. 516].

Автором были обработаны материалы сборников житейских предписаний и поучений [5, с. 21—168; 49], религиозные и религиозно-нормативные источники [36], сочинения этнографо-исторического характера [12], записки иностранцев [4, 17, 18, 21, 37], привлечены произведения древнерусской литературы [23—26] и сборники памятников русского фольклора [39—42]. Но, несмотря на многообразие и многочисленность источников, реконструкция эмоционального мира женщин прошлого оказалась нелегкой задачей.

Переход из одной половозрастной группы в другую, группу семейных людей, начинался в России XVII в. с собственно предложения заключить брак, которое и именовалось сватовством. Как во всякой традиционной культуре, предложение это исходило, как правило, от старших в семье, и прежде всего от отца (отцов). Иначе и не могло быть в условиях патриархатного гендерного контракта. Пренебрежение мнением тех, кто должен был соединиться браком, не имело гендерной окраски и в целом характеризовало взгляды общества на незрелых членов социума как неспособных принять самостоятельное решение [15, 25]. Скорее, нежели мнением и согласием жениха или невесты, интересовались мнением и умо-заключениями «значимых других», в первую очередь сваях [16, с. 511].

Если в простонародной среде еще могли быть учтены какие-то эмоциональные соображения, то девушки из знатных семей оказывались в самом незавидном положении, а боярские дочери и вовсе до самого замужества могли воспитываться в закрытых от посторонних глаз теремах [5, с. 37—39, 59—65]. Зарубежные бытописатели XVII в. отмечали, что нередки были случаи подмены невест [21, с. 388]. В русских нарративных памятниках такого рода случаи, однако, не описаны. Девушек из семей победней не спешили отдавать в чужие семьи: патрилокальность предполагала ранние браки сыновей (чтобы их жены могли пополнить число рабочих рук); незамужние дочери, оставаясь в семье, были бесплатными помощницами [38, с. 126]. Брачный возраст, как то характерно для северо-западной европейской брачной модели, был сравнительно высоким: для девушек — 16—19 лет [2, с. 32; 21, с. 299; 46, с. 118], для юношей — 18—20 (и до 25 лет) [4, с. 756; 12, с. 201; 43, с. 101], но немало было и ранних браков [27, с. 79], поскольку куда опасней было не выйти замуж вообще, «засидеться». Девушек воспитывали в стремлении непременно понравиться и быть выбранной; «вековушкам» обычно суждено было быть выданными замуж за вдовцов с детьми [42, с. 61; 51, р. 23]. С надеждой на удачу знатные девушки ходили в церковь, именно там по праздникам их могли заметить сваты, как случилось с царем Фёдором Алексеевичем и его невестой А. С. Грушевской [3, с. 123; 10, с. 79; 19, с. 263—265].

Иностранцы воспринимали обычаи, практиковавшиеся в отношении девушек в Московии, как варварские и деспотичные [21, с. 380—383; 37, с. 24—25], отмечая, что они воспроизводятся и поддерживаются самими женщинами,

прежде всего матерями девушек (достаточно напомнить о поцелуйном обряде [48]; его практиковали не со всеми, а с самыми знатными, желанными и перспективными для семьи). Есть мнение, что поцелуйный обряд не распространялся на невинных девушек, которые были лишь соглядатаями ритуала целования их замужних сестер.

Нам неизвестны случаи (даже в художественной литературе того времени) самостоятельного подбора девушкой жениха, знакомства и сватовства. Эти обязанности лежали на старших, а сами будущие новобрачные до выбора не допускались [41, с. 26—27]. Избранница должна была иметь достойный статус, здоровье и красоту, набожность и покорность [22, с. 189—190; 25, с. 321; 36, с. 62—64; 46, с. 48], быть зажиточной, но не богаче жениха [39], происходить из достойной семьи и рода [9, с. 23—24; 23; 39; 46, с. 48].

О сватовстве говорили иносказательно, щадя девичью скромность и соблюдая приличия. Сваты объявляли о намерениях [12, с. 204; 13, с. 104; 34, с. 129] и вновь, не интересуясь мнением девушки, обсуждали условия сторон, размер приданого и выкупа, время «сговорок» [20, с. 195], срок венчания. После такой беседы родители девушки решали, продолжать ли торг [5, с. 86—88; 38, с. 125], могли поставить ряд условий в отношении соблюдения имущественных прав дочери в семье, уважения ее статуса или избавления от побоев [27, с. 83—84; 32, с. 62—64], а также составить брачный сговор, прообраз которого существовал в Киевской Руси [28, с. 70—74]. Жениха девушка практически не видела и сама была незнакома ему (невеста = не(из)вестная) [34, с. 78]. В редких случаях, когда ее мнением интересовались, она могла отказаться от предлагаемой партии [27, с. 78—79]. Анализируя спектр ее восприятий и чувств, заключаем: она воспитывалась в патриархальном духе повиновения старшему мужчине в семье, покорялась воле семейного патриарха, подтверждавшейся заключением брака. Случаи отказов невест от замужества были почти невозможны, чаще всего отказавшиеся оказывались в монастыре [31, с. 13—14].

Если судить по семье автора «Домостроя» (а именно ее он описывал, по мнению Н. Л. Пушкарёвой), то сразу за решением о возможности выдать девушку замуж отец мог передать будущему мужу плетку — символ власти над дочерью. Подчиненность девушки власти отца и мужа считалась само собой разумеющейся в традиционном гендерном контракте, он подкреплялся конфессиональными нормами (в православии женщина считалась существом «злым» [11, с. 135]). Переживания стремящейся замуж девушки были переживаниями надежд на замену власти отца на власть мужа, заставляли мириться с судьбой и принимать условия подчинения патриархальному укладу общества.

Заочное сватовство подчеркивало объектное отношение к женщине, бывшей не более чем объектом сделки, видом дара в обмене семей. Сговор совершали родственники, обсуждая размеры приданого, имущество и быт молодых. Ритуал сватовства, сложившийся ранее, содержал сходные обряды у всех слоев общества, набор даров для обмена оставался почти неизменным. Договоренность сторон дополняла восприятие женщины социумом в вещественном, объектном ракурсе, если учесть тот факт, что семья жениха, забирая невесту из дома, в виде выкупа компенсировала ее семье утрату «трудового ресурса».

Праздником после «сговорок» было рукобитье, назначаемое за 7 дней до свадьбы [20, с. 198—205; 47, с. 402—407]. Рукобитье подчеркивало граждан-

ский характер сделки двух семей и объектность статуса девушки. Семьи обещали следовать обязательствам («били по рукам»). В ходе рукобיתья пелись песни, в том числе известные этнографам XIX в. причеты [20, с. 200—205], описывающие терзания невесты при расставании с девичеством и родным домом. Рукобיתье могло сопровождаться и трапезой, но ничего гендерно-специфичного в ходе ее не обнаружено [6, с. 23]. Совместная трапеза с хлебными изделиями имела характер благопожелания молодым [49, л. 157]. Патриархатный характер гендерного контракта допетровской России сказывается в появлении невесты на рукобיתье не в обычной одежде и убранстве головы, а в платке, скрывающем лицо (невеста как неизвестная): вопрос о браке был вопросом имущественным, решали его, повторяюсь, представители двух семей, а не сами молодые, тем более девушка [50, р. 41]. Девушка на рукобיתье могла отсутствовать вовсе, в отличие от жениха, угощающего гостей и являющегося хозяином будущего дома, достойным членом социума.

Известный ритуал девичника перед свадьбой [45, с. 989—994; 47, с. 418—422] также может быть рассмотрен как серия знаков, подчеркивавших зависимость женщины в семье и ее подготовку к этой зависимости, явной или показной [42, с. 66]. Жених присылал подарки невесте и девушкам, которые складывали их в ларец, среди них (помимо сладостей и притираний) зачастую опять-таки присутствовала плетка. Девушка понимала подчиненное положение, мирилась с ним и воспринимала происходящее как естественное звено цикла повседневности [50, р. 173; 52, р. 58]. Как отдарок она посылала жениху пояс или шарф, связанный или вышитый ею (будущая жена и мать была обязана уметь рукодельничать, показ умений до свадьбы входил в ритуал) [8, с. 258—259].

Определяя время свадьбы, родители исходили из практических соображений, времени года и тех запретов, которые были сформулированы церковными правилами (супружеские отношения в пост были строго запрещены) [28, с. 77; 7, с. 704; 19, с. 126]. Согласно описаниям русских свадеб иностранцами, нет оснований видеть гендерные различия в начале празднования. Жених и невеста именовались «царем с царицею», «князем с княгиней», в роли «бояр» выступали важные для молодых гости [14, с. 102; 49; 44, с. 7—9; 45, с. 992—993].

Сваха перед свадьбой могла — согласно традиционным ритуалам — применить даже магические средства, чтобы отпугнуть от невесты «злые силы» [39; 40, с. 48—49; 41, с. 24—26; 42, с. 62—68]. Брачной комнатой, как известно, служил сенник со снопами вместо матрацев, сверху клались перины. Поскольку от невесты, в отличие от жениха, ожидалось вступление в брак «нерастлившей девство», в доме, где готовились играть свадьбу, всегда было немало предметов, напоминавших кольцо, венец (символ девственности) [33, с. 40]. Тема контроля над женским телом (требование — и очень жесткое! — сохранения девичьей невинности) была темой контроля за будущим имуществом и вопросом о кровной принадлежности его наследника строго тем семьям, которые объединяли капиталы.

Непорочности невесты придавалось огромное значение в русской традиционной культуре. Она связывала именно с нею будущее счастье девушки [33, с. 38—43; 30, с. 123; 35, с. 68—74], обещая за это рождение ею здоровых детей. Родителей, осуществлявших контроль за девичьим телом до брака, чествовали,

зять благодарил их, родственники пели хвалу. Если выяснялось обратное (недогляд за невестой), то позору подвергалась и сама девушка, и ее родители, и близкие. Вопрос о необходимости контроля за поведением девушки и отсутствие таковых стандартов и ожиданий для юноши — яркое проявление устойчивости патриархатных установок традиционной русской культуры [33, с. 40]. Страх потерять контроль за той, что может родить чужого по крови ребенка, заставлял угрожать и девушке, и ее родне самыми жестокими моральными карами [5, с. 122—124; 8, с. 265]. Девушек с рождения воспитывали в страхе потерять невинность, и они действительно (особенно из привилегированных социальных слоев) считали свою девственность ценностью, даримой мужу и обосновывающей свое право войти в его семью [22, с. 192; 47, с. 303—304].

Раздельное следование к церкви к назначенному часу венчания, вождение невесты до момента бракосочетания под платом (покрывалом, фатой) в день свадьбы, особость места рядом с невестой, которое надо было «выкупить» жениху, наличие особой разделяющей жениха и невесту занавески (в более поздний период ушедшей из ритуала) — все эти детали «работали» на усиление различий статусов жениха и невесты. От жениха невинность до брака не ожидалась и не требовалась.

Помимо подчеркнутой неизвестности невесты жениху и каким-либо другим мужчинам, другой деталью, отличавшей статусы жениха и невесты, было внимание к девичьим волосам, косе. Женские волосы и прическа играли сакральную роль в ритуале: причесанная по-женски девушка покидала незамужнюю жизнь, присоединяясь к кругу замужних подруг и родственниц [15]. Длинные, а особенно вьющиеся женские волосы — как сексуальный символ — по обычаю должны были быть самым тщательным образом переплетены в две косы и убраны венцом под кичу, головной убор «мужатицы» [8, с. 261; 31, с. 12; 49, л. 149]. Жемчужная поднизь кики в зажиточных слоях московского общества скрывала даже брови выходящей замуж девушки, так что никто из гостей не мог догадаться о цвете ее волос. Никаких аналогичных требований в отношении внешнего вида жениха не было.

После возложения венца в церкви девушку «раскрывали» [1, с. 81] и гости направлялись вместе с молодыми «гулять свадьбу» в дом жениха. Исключений (свадьба в доме невесты) традиционная культура не знала, сама свадьба была ритуалом передачи власти и контроля за женщиной и ее телом от одного мужчины к другому. Как бы ни правомочна была знатная замужняя женщина в отношении управления хозяйством [8, с. 258; 12, с. 222—225], она не была самостоятельна в вопросе контроля за своим телом, частотой беременностей и рождения детей. Лишь посадская литература и фольклор содержат отголоски грусти женщин в отношении такого своего положения в семье.

Эпоха петровских преобразований наметила лишь первые шаги для нескороших будущих перемен в гендерном контракте. Ими стали изменения в одежде (она сделалась более открытой, а прически — европейскими), в стиле поведения замужних женщин (ассамблеи и присущая им публичность встреч мужчин и женщин), а постепенно и в самом социальном женском самосознании. Однако стремление к контролю за женским телом и женской сексуальностью, скрытых в известных предсвадебных и свадебных ритуалах, продолжало существовать еще не один век.

Библиографический список

1. Гаген-Торн Н. И. Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы // Советская этнография. 1933. № 5/6. С. 76—88.
2. Герберштейн С. Записки о Московии / пер. И. Анонимова. СПб., 1866. 234 с.
3. Давыдов М. Г. Российские государи, 1598—1917. Смоленск : Русич, 2005. 656 с.
4. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I, к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 году, веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом // Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России : история, документы : в 6 т. М. : Мысль, 2003. Т. 1. С. 755—762.
5. Домострой / сост., вступ. ст., пер. и коммент. В. В. Колесова ; подгот. текстов В. В. Рождественской, В. В. Колесова, М. В. Пименовой. М. : Сов. Россия, 1990. 304 с.
6. Ефименко П. С. О Яриле, языческом божестве древних славян. СПб. : Тип. Майкова, 1868. 36 с.
7. Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М. : Транзиткнига, 2005. 1130 с.
8. Забелин И. Е. Женщина по понятиям старинных книжников // «А се грехи злые, смертные...» : русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX — нач. XX в. : в 3 т. М. : Ладомир, 2004. Т. 1. С. 245—271. (Эротика в русской литературе).
9. Иконников В. С. Русская женщина накануне реформы Петра Великого и после нея. Киев : Унив. тип., 1874. 495 с.
10. Йена Д. Русские царицы (1547—1918). М. : Астрель : АСТ, 2006. 384 с.
11. Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях // Быт и нравы русского народа в XVI и XVII столетиях. Смоленск : Русич, 2003. С. 3—278.
12. Котошихин Г. К. О Московском государстве в середине XVII столетия // Русское историческое повествование XVI—XVII вв. : сб. / сост. Ю. А. Лабынцев. М. : Сов. Россия, 1984. С. 162—315. (Сокровища древнерусской литературы).
13. Кулагина А. В. «Привыкай, душа Марьюшка...» Свадьбы в Московии // Родина. 1997. № 11. С. 103—106.
14. Листова Т. А. Благословение на брак // Родина. 1997. № 5. С. 100—104.
15. Лурье С. В. Община, империя, православие в русской этнической картине мира XV—XVII вв. // Отечественные записки. 2001. № 1. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=1&article=99> (дата обращения: 15.08.2008).
16. Макашина Т. С. Свадебный обряд // Русский Север : этническая история и народная культура, XII—XX вв. М. : Наука, 2001. С. 473—574.
17. Маржерет Ж. Состояние Российской державы и Великого княжества Московского // Россия XVII века : воспоминания иностранцев / сост. О. Ю. Иванова. Смоленск : Русич, 2003. С. 10—76.
18. Масса И. Краткое известие о Московии // Россия XVII века : воспоминания иностранцев / сост. О. Ю. Иванова. Смоленск : Русич, 2003. С. 77—256.
19. Морозова Л. Е., Дёмкин А. В. Дворцовые тайны : царицы и царевны XVII в. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004. 384 с.
20. Обычаи и обряды русского народа : от крестин до поминок / сост. И. А. Панкеев. М. : Олимп : Астрель : АСТ, 2008. 539 с.
21. Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XVII века : воспоминания иностранцев / сост. О. Ю. Иванова. Смоленск : Русич, 2003. С. 257—486.

22. Отрывки из неизвестных посланий и писем XVI—XVII вв. / сост. и коммент. А. С. Дёмина // Тр. отд. древнерусской литературы / ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР. М. ; Л., 1965. Т. 21. С. 187—193.
23. Повесть о Карпе Сутулове и премудрой жене его // Древнерусская литература : хрестоматия / сост. Н. И. Прокофьев. М. : Флинта : Наука, 2000. URL: <http://fidruslitera.ucoz.ru/index/0-337> (дата обращения: 23.02.2009).
24. Повесть о Савве Грудцыне // Русские повести XVII—XVIII веков / под ред. и с предисл. В. В. Сиповского. СПб., 1905. С. 22—38.
25. Повесть об Ульянии Осорьбиной // Древнерусская литература / сост. С. Н. Травников, Л. А. Ольшевская. М. : Дрофа : Вече, 2003. С. 318—326.
26. Повесть о Юлиании Лазаревской (Осорьбиной) // Древнерусская литература : хрестоматия / сост. Н. И. Прокофьев. М. : Флинта : Наука, 2000. URL: <http://fidruslitera.ucoz.ru/index/0-299> (дата обращения: 23.02.2009).
27. *Пушкарёва Н. Л.* «Внука моя за Ивана не похотела...» Из истории эмоциональных отношений «новых русских» XVI столетия // Родина. 1996. № 10. С. 78—85.
28. *Пушкарёва Н. Л.* Женщины Древней Руси. М. : Мысль, 1989. 286 с.
29. *Пушкарёва Н. Л.* Историческая феминология, женская и гендерная история: итоги и перспективы // Женщина в российском обществе. 2002. № 2/3. С. 32—37.
30. *Пушкарёва Н. Л.* Позорящие наказания для женщин в России XIX — нач. XX в. // Этнографическое обозрение. 2009. № 5. С. 120—134.
31. *Пушкарёва Н. Л.* Сексуальность в частной жизни русской женщины (X—XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 3—17.
32. *Пушкарёва Н. Л.* Семья, женщина, сексуальная этика в православии и католицизме: перспективы сравнительного подхода // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 55—70.
33. *Пушкарёва Н. Л.* Ценность добрачного целомудрия в традиционной русской культуре // Историческая психология и социология истории. 2011. Т. 4, № 1. С. 33—46.
34. *Пушкарёва Н. Л.* Частная жизнь женщины в доиндустриальной России, X — нач. XIX в. : невеста, жена, любовница. М. : Ладомир, 1997. 282 с.
35. *Пушкарёва Н. Л.* Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии. М. : Ломоносов, 2011. 216 с.
36. Пятидесятая глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права с комментариями А. С. Павлова // Учен. зап. Императорского Московского университета. Отд. юрид. 1887. Вып. 5.
37. *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Козьме III Тосканскому о Московии / пер. А. Станкевича. М., 1905. 228 с.
38. Роспись о приданом // Русская демократическая сатира XVIII в. / подгот. текстов, коммент. В. П. Адриановой-Перетц. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954. С. 124—131.
39. Русские народные пословицы и поговорки // Древнерусская литература : хрестоматия / сост. А. Л. Жовтис. М. : Высш. шк., 1966. С. 12—15.
40. Русские народные пословицы и приметы // Древнерусская литература / сост. Е. И. Рогачевская. М. : Школа-Пресс, 1992. С. 40—52.
41. Русские народные приметы и поверья / сост. В. А. Кульматов, Т. В. Кульматова. СПб. : Тотем : Сана, 1997. 208 с.
42. Русские народные приметы, поверья и предания // Язычество и православие. Народные праздники на Руси / сост. С. А. Михайлов. М. : Центрполиграф, 2004. 157 с.
43. *Семёнова-Тян-Шанская О. П.* Жизнь «Ивана». М. : Ломоносов, 2009. 192 с.
44. *Смирнов А. Г.* Народные способы заключения брака. М. : Книга по требованию, 2012. 35 с.

45. *Смирнов А. Г.* Обычаи и обряды русской народной свадьбы // Юрид. вестн. 1878. № 5. С. 981—1015.
46. *Смирнов А. Г.* Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М. : Унив. Тип. (Катков и К^о), 1877. 258 с.
47. *Тереженко А. В.* История культуры русского народа. М. : Эксмо, 2007. 736 с.
48. *Топорков А.* «Мы горели от стыда...» Особенности национального поцелуя // Родина. 1998. № 9. С. 97—100.
49. Чин свадебный. РГБ. Ф. 205. № 340. Л. 145—171 // Электронные публикации ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН. 16 окт. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5146> (дата обращения: 16.10.2008).
50. *Boskovska N.* Die russische frau im 17 jahrhundert. Koln ; Wimar ; Wien : Bohlau-Verlag, 1998. 498 p.
51. *Kaiser D. H.* Law, Gender and King in Seventeenth-Century Moscow // Russian History. 2007. № 34, unit. 1—4. P. 5—27.
52. *Pushkareva N. L.* Women in Russian History from the Tenth to the Twentieth Century. New York : M. E. Sharp, Heldt-Prise, 1997. 280 p.

ББК 60.561.23

Ж. В. Чернова

РАБОЧЕЕ МЕСТО, ДРУЖЕСТВЕННОЕ СЕМЬЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Проблематика поиска и установления баланса между профессиональными, семейными и родительскими обязанностями работающих взрослых является в последнее десятилетие актуальной темой дискуссий в сфере семейной политики, менеджмента и социальных исследований. Цель данной статьи заключается в том, чтобы проанализировать произошедшие изменения в политике государств всеобщего благосостояния в отношении семьи: вопросы оптимизации совмещения профессиональной деятельности и родительства заняли первое место в повестке дня. С одной стороны, политика баланса семьи и работы, а также рабочее место, дружественное семье, выступают ключевыми показателями переформатирования характера отношений между государством и семьей, последняя перестает рассматриваться исключительно как объект патерналистской и/или контролирующей заботы государства. С другой стороны, в поле семейной политики появляется и институционализируется актор «среднего» уровня, позволяющий сократить дистанцию между политической сферой принятия стратегических решений относительно регулирования поведения граждан в сферах занятости, семьи, репродукции и стратегиями и практиками кон-

© Чернова Ж. В., 2014

В статье использованы результаты, полученные при реализации проекта «Рабочее место, дружественное семье: корпоративная семейная политика» (грант № 12-01-0018), выполненного в рамках программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013—2014 гг.

кретных семей, направленными на совмещение работы и заботы о детях. Нам представляется важным обратиться к теме рабочего места, дружественного семье, — специальным мерам поддержки, оказываемым работодателем работникам с семейными обязанностями, поскольку она позволяет продемонстрировать неоднородность и многослойность архитектуры семейной политики того или иного государства. В фокусе статьи находится изучение того, как данная проблематика представлена на уровне семейной политики в целом.

В западном академическом дискурсе существует целый корпус исследований, посвященных рабочему месту, дружественному семье (см., напр.: [12, 13, 14, 16, 17, 26, 27, 30]). Под рабочим местом, дружественным семье, понимается социальная и семейная политика на уровне как государства, так и отдельного предприятия, которая ориентирована на потребности работающих родителей, сталкивающихся с проблемой установления баланса между их домашними и профессиональными обязанностями. К корпоративной семейной политике относятся специальные меры поддержки, адресованные работникам с семейными обязанностями и направленные на снижение ролевой напряженности у сотрудников.

Эта проблематика рассматривается западными авторами в трех измерениях: политика государства в отношении баланса семьи и работы; работодатель, деятельность которого направлена на снижение конфликта между профессиональными и семейными обязанностями работников; потребности конкретных типов семей в прямых и косвенных поддержках для оптимального сочетания профессиональных и родительских ролей. Рассмотрим каждое из выделенных направлений.

Под *политикой баланса семьи и работы* понимаются институционально оформленные поддержки, позволяющие работающим взрослым оптимально совмещать профессиональные, семейные и родительские обязанности [6, 9, 23]. Проблема поиска и установления баланса между семьей и работой вошла в актуальную политическую повестку дня западных государств всеобщего благосостояния в конце 1990-х гг. По мнению ряда исследователей, увеличение внимания государства к проблемам, которые традиционно относились к организации приватной жизни и личному выбору индивида, обусловлено инструментальной логикой, связанной с желанием более эффективно решать социально-экономические и демографические проблемы, с которыми столкнулись западные страны в последние десятилетия: старение населения; снижение уровня рождаемости, что влечет за собой нехватку трудовых ресурсов; снижение конкурентоспособности в будущем. Экономический мотив играет ведущую роль в определении и формировании политики баланса семьи и работы, которая сменила «традиционную» семейную политику. Она состоит в повышении уровня участия женщин в оплачиваемой занятости и уменьшении нагрузки, связанной с осуществлением заботы о детях за счет развития инфраструктуры детских садов и других образовательных сервисов для детей. В связи с этим традиционная семейная политика, «фамилизм» старой системы благосостояния подверглись критике, став, по мнению Г. Эспинг-Андерсена, ахиллесовой пятой государств всеобщего благосостояния, т. к. они идут вразрез с тенденциями формирования семьи и рынка труда [15].

Политика баланса семьи и работы стала рассматриваться как ответ на происходящие структурные, социальные и экономические изменения в сфере

семьи и занятости. Она может претворяться на уровне государства в виде программ и законодательства, закрепляющих равные возможности мужчин и женщин для реализации в профессиональной и семейной сферах. Можно выделить три основных направления ее осуществления, а именно: инфраструктуру образовательных сервисов для детей (организация социальной заботы о детях); отпуск для работающих родителей (материнский и отцовский) по уходу за ребенком, а также увеличение участия мужчин в заботе и уходе о детях; политику, дружественную семье, на рабочем месте. На основе анализа литературы [23] можно говорить о том, что эти меры должны охватывать:

— время, что предполагает регулирование продолжительности и графика работы, а также предоставление времени для выполнения неформальной заботы;

— деньги, т. е. материальные выплаты тем, кто осуществляет заботу (пособия родителям, находящимся в отпуске по уходу за ребенком); субсидии или ваучеры, которые позволяют родителям оплатить услуги по уходу за ребенком, осуществляемые третьими лицами (например, няней); прямое финансирование детских учреждений;

— доступные сервисы с хорошим качеством услуг по осуществлению заботы о детях, которые непосредственно финансируются государством, работодателем или поддерживаются третьим сектором.

Каждое направление включает свой набор акторов (государство, семья, добровольческий и рыночный секторы) как ее исполнителей, а также пакет предоставляемых поддержек. Инструменты политики баланса создают комбинацию более сложных выборов, чем просто прямые (деньги) или косвенные (время) поддержки работающим родителям, в их реализации задействовано не только государство, но и работодатель, которому ряд исследователей приписывают большую роль.

Исследования, посвященные изучению рабочего места, дружественного семье, как правило, подчеркивают *важность позиции работодателя*, его действий на уровне конкретного предприятия [16, 31]. Гендерно-ориентированные ученые считают, что нужно отказаться от модели «идеального гендерно-нейтрального работника» и не противопоставлять карьеру и родительство, а формировать в организации институциональную структуру, позволяющую работникам оптимально сочетать профессиональные и семейные обязанности. Многочисленные исследования не предоставляют универсального ответа на вопрос, каким должно быть рабочее место, дружественное семье, однако можно выделить ряд требований, которым оно должно соответствовать: гибкий рабочий график, возможность неполной и/или дистанционной занятости, гарантированный родительский отпуск по уходу за ребенком с сохранением рабочего места, возможности по обеспечению социальной заботы о детях, например бизнес-ясли, ваучеры на оплату услуг нянь, организация отдыха и досуга детей в каникулярное время [31].

Сторонники необходимости такой политики в организациях, снижения напряженности между семьей и работой на уровне работодателя подчеркивают, что предприятия, вырабатывающие политику, дружественную семье, получают внешнее конкурентное преимущество за счет улучшения имиджа компании. Работодатель имеет не только экономическую выгоду от подобной дея-

тельности за счет увеличения эффективности труда и повышения мотивации у сотрудников. Создание рабочего места, дружественного семье, выступает определенным знаком того, что работодатель уважает своих служащих и их личную жизнь. Принцип реципрокности при такой организации отношений между работодателем и работниками формирует у последних чувство признательности компании и лояльности к ней, что также приводит к долгосрочным положительным эффектам [29]. Ученые высказываются против так называемых штрафов родительства и маминой карьеры, считая, что социальная реклама и другие пропагандистские кампании против гендерной дискриминации как в сфере труда, так и в сфере родительства помогут преодолеть стереотипные представления работодателей, которые рассматривают в первую очередь женщин с маленькими детьми как менее привлекательных и конкурентоспособных работников. Исследования, посвященные ограничениям использования мужчинами отцовского отпуска по уходу за ребенком, выделяют позицию работодателя как основной фактор, затрудняющий реализацию семейной политики, дружественной отцам [20]. Ведь именно работодатель и корпоративная семейная политика, реализуемая на предприятии, играют роль посредника между законодательно закрепленными нормами и индивидуальными практиками отцовства. Отношение работодателя и коллег задает репертуар возможностей для реализации права на отцовский отпуск, оказывает существенное влияние на принятие мужчиной решения об оформлении этого отпуска и его продолжительности. Изучение корпоративных поддержек в Швеции показало, что в крупных государственных компаниях с большим числом женщин-сотрудников мужчины чаще используют родительский отпуск, т. к. отношение работодателя (в данном случае государства) и коллег является более дружественным к таким отцам [20]. Использование мужчинами отпуска по уходу за ребенком также имеет классовое измерение. Скажем, представители рабочего класса значительно реже берут отпуск после рождения ребенка, поскольку они практически не получают поддержки и одобрения такого решения со стороны коллег. Таким образом, форма собственности, гендерный состав сотрудников предприятия и классовая принадлежность работников выступают теми факторами, которые могут иметь как позитивный, так и сдерживающий эффект при реализации политики, дружественной семье, на рабочем месте [11, 20, 21, 22].

При изучении рабочего места, дружественного семье, с точки зрения работников с семейными обязанностями, делается акцент на *различных потребностях семей в поддержках со стороны работодателя, а также стратегиях разрешения конфликта между семьей и работой*. Участие в оплачиваемой занятости и выполнение родительских обязанностей являются важными составляющими жизни взрослых членов семьи. Существенные изменения, происходящие на рынке труда и в организации семейной жизни, создают контекст, в котором родителям все сложнее вырабатывать стратегии успешного совмещения обязанностей, связанных с профессиональной занятостью и необходимостью осуществлять заботу о зависимых членах семьи, прежде всего детях. Речь идет о решении сразу двух типов задач, каждый из которых характеризуется собственной логикой, т. к. относится к публичной и приватной сфере. При этом проблема сочетания этих видов деятельности имеет гендерное измерение. Не-

смотря на то что мужчины и женщины определенным образом сочетают профессиональные, супружеские и родительские обязанности, проблема поиска баланса и нивелирования конфликта между семьей и работой, как правило, рассматривается как женская проблема и на уровне политики, и на уровне работодателя, и на уровне домохозяйств. Сложившаяся гендерная асимметрия в сфере родительства означает, что для женщин нахождение компромисса между своими обязанностями как работника и как жены и матери более актуально, чем для мужчин. Западные и отечественные исследователи в этом сходятся [3, 5]. Именно женщинам необходимо каким-то образом вписать материнство в свою профессиональную деятельность или, напротив, сделать участие в оплачиваемой занятости удобным для выполнения родительских обязанностей [2, 9].

Подчеркивается, что политика, дружественная семье, и на уровне государства, и на уровне отдельного работодателя должна быть гибкой, ориентируясь в первую очередь на потребности работников с семейными обязанностями, которые не являются статичными и однородными. Они варьируются и зависят прежде всего от возраста ребенка. Так, например, родители маленьких детей больше заинтересованы в таких мерах, как отпуск по уходу за ребенком и гарантированное сохранение рабочего места; родители дошкольников испытывают большую потребность в доступе к качественной институционализированной заботе о детях и сокращении рабочих часов для освобождения времени на общение, когнитивное и эмоциональное развитие ребенка; родители детей школьного возраста заинтересованы в организации досуга и заботы о ребенке в свободное от учебы время; родители подростков, а также те, кто осуществляет уход за пожилыми членами семьи, больше нуждаются в гибком рабочем графике и возможности отсутствия на работе по уважительной причине [19, 16].

Гендерно-ориентированные исследователи также критикуют попытки создать унифицированную модель рабочего места, дружественного семье, поскольку считают, что, кроме перечисленных различий в потребностях семей, часто не учитывается их гендерное измерение. Нередко такая модель и проводимая работодателем политика мыслится как гендерно-нейтральная и применяется ко всем работникам с семейными обязанностями. Она направлена на то, чтобы минимизировать гендерные различия работников, сводя их потребности к стандартному набору поддержек — предоставлению гарантированных отпусков, связанных с рождением и уходом за ребенком [18, 23]. Однако пакет поддержек, предоставляемых на рабочем месте, дружественном семье, не может быть унифицированным и оптимальным для всех категорий сотрудников. На основе анализа исследований потребностей работников в корпоративной семейной политике можно выделить основные требования к такому рабочему месту: политика и льготы, которые сокращают часы работы; гибкий рабочий график, который позволяет сотрудникам более оптимально планировать свои профессиональные и семейные обязанности; институциональные формы заботы [19]. Можем заметить, что эти требования фактически совпадают с выделенными ранее направлениями политики в отношении баланса семьи и работы.

Таким образом, анализ литературы наглядно демонстрирует потребность в выработке и реализации политики, дружественной семье, как на уровне госу-

дарства, так и на уровне семей. Наряду с государством работодатель выступает важным актором такой политики, чьи действия могут быть направлены на создание институциональной среды в организации, позволяющей снизить конфликт между ролевыми требованиями работающих родителей. Деятельность работодателя может отличаться по своему дизайну, что зависит от формы собственности, размера, гендерного и классового состава предприятия, а также гендерных установок и ценностей руководителя.

Сравнение западных и отечественных исследований позволяет говорить о том, что феномен массового выхода женщин на рынок труда относится ко второй половине XX в. Социальная и семейная политика, а также работодатели должны были приспособиться к новой модели экономического поведения женщин. Советский опыт массового участия женщин в оплачиваемой занятости, с одной стороны, был результатом государственной политики, а с другой — учитывал потребности работниц как матерей. Советская социальная политика лишь отчасти напоминала социально-демократическую модель государства всеобщего благосостояния по типологии Г. Эспинг-Андерсена. В рамках обеих моделей поддерживалась профессиональная занятость женщин, государство достаточно активно участвовало в выполнении социальной заботы о детях, разделяя ее с семьей посредством материального вклада в создание и развитие детских учреждений. Родителям также предоставлялся оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком, выплачивались пособия, существовала определенная система льгот для работающих матерей, например сокращенный рабочий день, право на отпуск в летнее время года. Сходство также заключалось в том, что семейная политика ориентировалась на модель двухкарьерной семьи, т. е. с двумя работающими родителями, при определенной государственной поддержке (по терминологии Б. Пфау-Эффингер) или семью со «слабым кормильцем» (согласно типологии Дж. Льюис). Однако существовали достаточно серьезные различия между социально-демократической и советской моделями социального обеспечения. Главное отличие, значимое для данного исследовательского проекта, заключается в том, что именно профессиональная занятость являлась источником права на получение благосостояния, что сделало трудовое участие в Советском Союзе обязанностью, в то время как, например, в Швеции основанием для получения социальных гарантий является гражданство [25]. Иными словами, в советский период значимым актором социальной поддержки работников с семейными обязанностями выступало именно предприятие, на котором они были заняты. В этом смысле можно говорить о существовании корпоративной семейной политики, в рамках которой предприятие материально поддерживало социальную инфраструктуру, право пользования которой получали его работники (детские сады, летние лагеря для детей и пр.). При этом советская политика в отношении семьи и занятости женщин обладала рядом особенностей: гендерный контракт «работающая мать» был результатом не индивидуального выбора женщины, а государственной гегемонии в сфере гендерных отношений [8, 25].

На идеологическом и институциональном уровне баланс семьи и работы определялся как комбинирование оплачиваемой занятости и материнства посредством развития государственной инфраструктуры заботы о детях. На уров-

не домохозяйств сочетание достигалось за счет «расширенного материнства» — помощи старших родственников, особенно бабушек, фактически бравших на себя все обязанности, связанные с заботой о детях и ведением домашнего хозяйства [7]. Это вело к тому, что женщины испытывали двойную нагрузку, «бытовое неравенство» было характерно для большинства советских семей [1].

В постсоветский период, когда государство частично отказалось от определенного ряда финансовых обязательств по обеспечению социальной сферы, передав ответственность за их исполнение и поддержание существующей инфраструктуры в том числе самим предприятиям, многие из них оказались не готовыми предоставлять своим работникам социальные сервисы и обеспечивать различного рода поддержки. Либеральный поворот в социальной политике при сохранении государственного патернализма на уровне идеологии привел к тому, что проблема установления баланса между профессиональными и родительскими обязанностями решалась преимущественно на уровне конкретных домохозяйств, с привлечением материальных и временных ресурсов членов семей [9].

В современной российской семейной политике можно выделить две тенденции: идеологически поддерживаемый государством патернализм и неолиберальный тренд, связанный с сокращением прямых и косвенных поддержек работникам с семейными обязанностями, перекладывающий ответственность за благополучие семьи на работающих взрослых [10]. Тем не менее проблема совмещения работающими взрослыми родительских и профессиональных обязанностей актуализируется в современной России в контексте семейной политики государства. В 2012 г. необходимость создания условий для осуществления баланса семьи и работы упомянута применительно к женщинам в одной из предвыборных статей Президента РФ [4], после чего выделена в качестве меры реализации демографической политики в Указе Президента РФ за № 606 от 7 мая 2012 г. При этом в современной российской семейной политике данная проблематика обсуждается пока еще недостаточно. Модель политики государства в отношении семьи базируется на консервативных ценностях. Между тем западные исследователи показали, что дружественная женщинам политика на уровне государства и на уровне конкретного работодателя, позволяющая им сочетать карьеру и материнство, является необходимым условием высокого уровня рождаемости [24]. Обращаясь к проблематике баланса, государство недостаточно стимулирует работодателей в массовом порядке проводить политику, дружественную семье; для совмещения профессиональных и семейных обязанностей женщинами и мужчинами не разработаны институциональные механизмы. Можно предположить, что существующие примеры корпоративной семейной политики скорее исключение, чем правило, и детерминируются они иными факторами, нежели влияние государства, поскольку исследования показывают, что поиск баланса и снижение конфликта между работой и семьей осуществляются преимущественно на уровне конкретных домохозяйств и зависят от социально-экономического статуса семьи и гендерных стратегий родителей [9].

Одной из стратегий разрешения конфликта между семейными и профессиональными обязанностями для женщин является поиск так называемой

удобной работы. Удобство в данном случае понимается как возможность вписать профессиональную занятость в материнство. При поиске такой работы в числе предпочтений женщины — летний отпуск; гибкий график, позволяющий подстраивать рабочий день под расписание детей; месторасположение работы (близость к дому, детскому саду, школе ребенка); хороший психологический климат, а также «добрый начальник», идущий навстречу потребностям работающей матери. Возможность повышения квалификации, по данным исследования, проведенного И. Козиной, является наименее востребованной характеристикой «удобной» работы [2]. Такая стратегия подчинения профессиональной занятости материнству не нова для российских женщин, она была достаточно широко распространена в позднесоветском обществе. Изложенное выше позволяет предположить, что именно рабочее место, дружественное семье, т. е. корпоративная семейная политика, может способствовать преодолению провалов государственной семейной политики и оказать необходимую поддержку работающим родителям, особенно из малоресурсных групп.

Таким образом, политика в отношении баланса семьи и работы представляет собой институционально оформленные поддержки, позволяющие работающим взрослым оптимально совмещать профессиональные, семейные и родительские обязанности. Политика, дружественная семье, предполагает участие целого ряда акторов (государство, рыночный и добровольческий секторы, семья) и использование различных инструментов. Работодатель становится одним из ведущих агентов социального обеспечения работающих родителей, его деятельность по созданию рабочего места, дружественного семье, может стать способом преодоления провалов государственной семейной политики и эффективным механизмом снижения конфликта между семьей и работой.

Библиографический список

1. *Гордон Л., Клопов Э.* Человек после работы : социальные проблемы быта и внерабочего времени. М. : Наука, 1972. 68 с.
2. *Козина И.* Работающие матери: условия занятости и социальная поддержка // Женское движение в России: вчера, сегодня, завтра : материалы конф. / под ред. Г. В. Михалёвой. М. : Т-во науч. изд. «КМК», 2010. С. 19—28.
3. *Кравченко Ж., Мотеюнайте А.* Женщины и мужчины на работе и дома: гендерное разделение труда в России и Швеции // Журнал исследований социальной политики. 2008. № 2. С. 177—200.
4. *Путин В.* Строительство справедливости. Социальные политики для России. URL: <http://putin2012.ru/#article-5> (дата обращения: 12.03.2013).
5. *Радаев В., Барсукова С.* Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье // Мир России. 2000. № 4. С. 65—102.
6. *Рождественская Е.* Возможности концепции баланса жизни и труда на фоне изменений биографического тайминга // Журнал исследований социальной политики. 2011. № 4. С. 439—454.
7. *Семёнова В.* Бабушки: семейные и социальные функции прародительского поколения // Судьбы людей: Россия, XX век : биографии семей как объект социологического исследования / под ред. В. Семёновой, К. Фотеевой. М. : Ин-т социологии РАН, 1996. С. 326—354.
8. *Тёмкина А., Роткирх А.* Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социол. исслед. 2000. № 11. С. 24—35.

9. Чернова Ж. Баланс семьи и работы: политика и индивидуальные стратегии матерей // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10, № 3. С. 295—308.
10. Чернова Ж. Семейная политика современной России: гендерный анализ и оценка эффективности // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 44—51.
11. *Almqvist A.* Why most Swedish fathers and few French fathers use paid parental leave: an exploratory qualitative study of parents // *Fathering : a J. of Theory, Research and Practice about Men as Fathers.* 2008. Vol. 6, № 2. P. 192—200.
12. *Bloom N., Kretschmer T., Van Reenen J.* Are family-friendly workplace practices a valuable firm resource? // *Strategic Management.* 2011. Vol. 32, № 4. P. 343—367.
13. *Bogenschneider K.* Has family policy come of age? : a decade rev. of the state of U. S. family policy in the 1990s // *J. of Marriage and Family.* 2000. Vol. 62, № 4. P. 1136—1159.
14. *Christensen K., Schneider B., Butler D.* Families with school-age children // *The Future of Children.* 2001. Vol. 21, № 2. P. 69—90.
15. *Esping-Andersen G.* *Social Foundations of Post-industrial Economics.* Oxford : Oxford University Press, 1999. 248 p.
16. *Estes S.* How are family-responsive workplace arrangements family friendly? Employer accommodations, parenting, and children's socioemotional well-being // *The Sociological Quarterly.* 2004. Vol. 45, № 4. P. 637—661.
17. *Frye N. K., Breaugh J.* Family-friendly policies, supervisor support, work-family conflict, family-work conflict, and satisfaction : a test of a conceptual model // *J. of Business and Psychology.* 2004. Vol. 19, № 2. P. 197—220.
18. *Gambles R., Lewis S., Rapoport R.* *The Myth of Work — Life Balance : the Challenge of Our Time for Men, Women and Societies.* Chichester : John Wiley & Sons, 2006. 347 p.
19. *Glass J., Estes S.* The family responsive workplace // *Annual Rev. of Sociology.* 1997. Vol. 23. P. 289—313.
20. *Haas L., Hwang Ph.* Company culture and men's usage of family leave benefits in Sweden // *Family Relations.* 1995. Vol. 44, № 1. P. 28—36.
21. *Henninger A., Wimbauer C., Dombrowski R.* Demography as a push toward gender equality? Current reforms of German family policy // *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society.* 2008. Vol. 15, № 3. P. 287—314.
22. *Kaufman G., Lyonette C., Crompton R.* Post-birth employment leave among fathers in Britain and the United States // *Fathering : a J. of Theory, Research and Practice about Men as Fathers.* 2010. Vol. 8, № 3. P. 321—340.
23. *Lewis J.* *Work-Family Balance, Gender and Policy.* Cheltenham ; Northampton (MA) : Edward Elgar, 2009. 264 p.
24. *McDonald P.* Gender equity in theories of fertility transition // *The Welfare State Reader / ed. by Ch. Pierson, F. Castles.* 2nd ed. Cambridge : Polity Press, 2008. P. 333—346.
25. *Pascall G., Manning N.* Gender and social policy: comparing welfare states in Central and Eastern Europe and the former Soviet Union // *J. of European Social Policy.* 2000. Vol. 10, № 3. P. 240—266.
26. *Ruhm C.* Policies to assist parents with young children // *The Future of Children.* 2011. Vol. 21, № 2. P. 37—68.
27. *Secret M.* Identifying the family, job, and workplace characteristics of employees who use work-family benefits // *Family Relations.* 2000. Vol. 49, № 2. P. 217—225.
28. *Sweet S., Swisher R., Moen Ph.* Selecting and assessing the family-friendly community: adaptive strategies of middle-class, dual-earner couples // *Family Relations.* 2005. Vol. 54, № 5. P. 596—606.

29. *Swody C., Powell G.* Determinants of employee participation in organizations' family-friendly programs: a multi-level approach // *J. of Business and Psychology*. 2007. Vol. 22, № 2. P. 111—122.
30. *Voydanoff P.* The effects of community demands, resources, and strategies on the nature and consequences of the work-family interface: an agenda for future research // *Family Relations*. 2005. Vol. 54, № 5 : Families and Communities. P. 583—595.
31. *Wax A. L.* Family-friendly workplace reform: prospects for change // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2004. Vol. 596. P. 36—61.

ББК 74.902.4

Ю. А. Зеликова

ЧТО ФОРМИРУЕТ РОДИТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ? ФИЗИЧЕСКОЕ НАКАЗАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ В ПЕТЕРБУРГСКИХ СЕМЬЯХ

Исследователи семьи всегда уделяли много внимания тому, как родители воспитывают детей, признавая, что родительские практики воспитания имеют большое значение для развития ребенка. Однако процессы формирования родительских практик изучены мало. Данная статья посвящена рассмотрению факторов, которые влияют на родительские практики наказания детей. К таким факторам мы относим демографические характеристики родителей и детей, культурный капитал родителей и социально-экономический статус семьи.

Многие эмпирические исследования посвящены тому, как различные родительские аттитюды и практики влияют на поведение детей, на развитие их социальных компетенций, на их психологическую адаптацию. В целом эти исследования говорят о том, что практики воспитания, которые включают в себя проявление теплоты, открытость, привязанность, внимание к развитию ребенка, приводят к тому, что у детей формируется высокая самооценка, способность к позитивным межличностным отношениям и высокая психологическая адаптация к жизненным обстоятельствам [4, 7]. Наказание, строгость, суровые дисциплинирующие стратегии, наоборот, приводят к агрессивности, конфликтности и другим проблемам в поведении детей [1].

Позитивные родительские стратегии становятся особенно важными для семей, которые сталкиваются со сложными семейными обстоятельствами, на-

© Зеликова Ю. А., 2014

В работе использованы результаты, полученные при реализации проекта «Родительство в современной России: политика, ценности и практики», выполненного в рамках программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 г., грант № 12-05-0017. Эмпирической базой исследования являются результаты опроса петербургских родителей, имеющих детей в возрасте до 16 лет, по репрезентативной выборке, объем выборки 1500 человек.

пример финансовыми проблемами, разводом или болезнью родителей. Учитывая связь между родительскими практиками и способностью детей к адаптации, приходится удивляться тому, как мало внимания уделяют факторам, которые влияют на формирование родительских практик.

Почти 20 лет назад Дж. Бельский [5] предложил модель формирования родительских практик, основанную на литературе, посвященной ошибкам во врачебной практике лечения детей. Эта модель рассматривает взаимосвязь между родительскими практиками и характеристиками ребенка (например, темперамент), характеристиками родителей (личные и психологические особенности), обстановкой в семье (например, стресс или поддержка). До сих пор только в нескольких исследованиях проверялся эффект этих переменных [8, 23].

Ряд ученых анализировали влияние обстановки в семье на воспитание детей и показали негативное воздействие на практики родителей финансовых проблем [13, 22], разводов [2], а также болезни и стресса родителей [18]. Однако, как заметил А. Е. Бродский [6, р. 158], эти исследования исключают из рассмотрения внешние факторы, в которых живет семья. Цель данной статьи показать, как факторы, которые лежат в семье и вне семьи, могут формировать родительское поведение, связанное с физическим наказанием.

Теоретические основания исследования

Формирование родительских дисциплинарных практик и их влияние на развитие детей может быть рассмотрено в рамках теории социального обучения (*social learning theory*), теории моральной интернализации (*the theory of moral internalisation*), парадигмы родительских стилей (*the parenting styles paradigm*) и экологического подхода (*ecological/systemic approach*).

Теория социального обучения основана на предпосылке, что люди учатся не через прямое влияние, а через наблюдение определенных моделей. В рамках этого подхода механизм наказания и поощрения является центральным для социализации ребенка. Обучающая теория утверждает: поведение, которое поощряет, ведет к развитию ребенка, наказание — к нарушению развития [12]. Наказание определяется как презентация пугающих, вызывающих отвращение стимулов и рассматривается как эффективный способ для изменения опасного поведения ребенка [11].

Критики теории социального обучения утверждали, что такое понимание наказания и дисциплинарных практик является не возможностью эффективного воспитания, а оправданием для физического насилия, причиной психологических травм у ребенка [16] и приводит к тому, что у ребенка формируется агрессивная модель поведения [19].

Теория моральной интернализации М. Гофмана [15] является попыткой показать, как родительские ценности, усвоение которых мотивировано внешними силами (например, страхом наказания), в конечном счете воспринимаются как внутренняя мотивация. Исследования, выполненные в рамках данной теории, показывают, что в обеспечении интернализации использование наказания или других властных технологий менее эффективно, чем процесс общения и понимания [14]. Властные технологии, такие как физическое наказание, лишение

привилегий, запрет заниматься любимыми занятиями, команды и угрозы, выступают определяющими условиями для развития страха и тревоги у детей [15].

Еще одну возможность для изучения и понимания эффективного воспитания дает *парадигма родительских стилей*, примерами которой являются работы Д. Баумринд [3] и Е. Маккоби и Д. Мартин [17]. Они предложили два измерения поведения родителей: высокий или низкий контроль с их стороны и высокая или низкая теплота и отзывчивость. В зависимости от этих измерений выделяют следующие родительские стили:

- авторитетный (высокий контроль и высокая отзывчивость);
- авторитарный (высокий контроль и низкая отзывчивость);
- разрешительно-снисходительный (низкий контроль и высокая отзывчивость);
- разрешительно-пренебрежительный (низкий контроль и низкая отзывчивость).

Исследования влияния стилей родителей показали, что авторитетное родительство наиболее часто приводит к позитивным последствиям [20]. Дальнейшее развитие этого подхода привело к разделению родительских практик (содержание) и родительского стиля (контекст) [9].

Понимание родительских стилей как контекста для родительских практик диктуется влиянием *экологического подхода* в изучении воспитания ребенка. Экологическая перспектива представляет важную теоретическую модель, внутри которой родительское воспитание может быть понято лучше, чем в предыдущих подходах [10]. В рамках экологического подхода воспитание помещено не только внутрь широкой системы отношений в семье, но и внутрь системы социального и экономического влияния, которое может помогать или препятствовать родителю [21].

Основываясь на различных подходах к воспитанию, мы рассмотрим влияние факторов разного уровня на родительские дисциплинарные практики, связанные с физическим наказанием.

Методология исследования: концептуальная модель, гипотезы и операционализация понятий

На рисунке представлено распределение ответов родителей на вопрос: «Какие виды наказания применяются в Вашей семье?» (вопрос множественный, сумма ответов больше 100 %). Результаты показывают, что физические наказания (порка ремнем, удар рукой по попе, удар рукой по лицу, подзатыльник) применяются примерно в 40 % семей Петербурга. Физические наказания, как правило, сочетаются с другими видами дисциплинарных практик, к которым относится моральное насилие (игнорирование ребенка, запрет заниматься любимым делом и др.) и эмоциональное насилие (словесные оскорбления и повышение голоса на ребенка). В целом физические наказания составляют пятую часть (20 %) от всех видов наказаний. Моральное насилие применяется практически в каждой семье, оно является нормой воспитания в современных российских семьях. Эмоциональное насилие наблюдается в половине (46 %) семей Петербурга. Практики эмоционального насилия связаны с физическими наказаниями, поэтому мы рассматрива-

ем их как одну из независимых переменных, обуславливающих применение физических наказаний. Эта переменная характеризует эмоциональную атмосферу в семье, т. е. контекст, в котором проходит воспитание.

Для формирования зависимой переменной «Физические наказания» мы сложили дихотомические переменные «порка ремнем», «удар по попе», «удар по лицу», «подзатыльник» и получили переменную, принимающую значения от 0 до 4 и показывающую интенсивность использования в семье физических наказаний.

Дисциплинарные практики, применяемые в петербургских семьях, %

Для изучения связи между дисциплинарными практиками физического наказания и социальными факторами мы использовали предикторы трех уровней: демографические характеристики родителей и детей (пол ребенка, возраст родителей, образование родителей), социально-экономические характеристики семьи (наличие партнера в семье, количество детей в семье, доход семьи, тип семьи, наличие помощи со стороны бабушек и дедушек), культурные характеристики родителей. К культурным характеристикам мы отнесли тип работы родителей (умственный или физический, рутинный или творческий, наличие подчиненных), ожидания родителей от воспитания своих детей и эмоциональную атмосферу в семье (повышение голоса, словесные оскорбления).

С учетом различных теоретических подходов к формированию родительских практик и результатов предыдущих исследований были сформулированы следующие гипотезы:

1) культурный капитал влияет на применение физических наказаний. Поэтому родители, имеющие высшее образование, реже применяют физические наказания;

2) существуют гендерные различия в применении физических наказаний. К девочкам физические наказания применяются реже;

3) доход семьи влияет на применение физических дисциплинарных практик. Чем ниже доход в семье, тем чаще используется физическое наказание;

4) физические наказания чаще применяют мужчины, поэтому в семьях, где нет партнера, физические наказания используются реже;

5) в семьях, где бабушки или дедушки участвуют в воспитании детей, физические наказания применяются реже, чем в тех семьях, где воспитанием детей занимаются только родители;

6) в семьях, где воспитывается больше одного ребенка, физическое наказание применяется чаще;

7) в семьях, где используются словесные оскорбления и принято повышать голос, физические наказания применяются чаще;

8) воспитание в ребенке традиционных ценностей связано с применением физических наказаний. Для проверки данной гипотезы мы предложили респондентам выбрать три качества, которые они хотели бы воспитать в своих детях: независимость, трудолюбие, ответственность, воображение, терпимость и уважение к другим людям, бережливость (бережное отношение к деньгам и вещам), решительность и настойчивость, религиозность, бескорыстие, послушание, самореализация и самовыражение.

Для тестирования сформулированных гипотез мы использовали многомерный регрессионный анализ. Предикторы каждого уровня включались в модель последовательно, формируя три регрессионные модели. Последовательное включение независимых переменных разного уровня позволило нам увидеть, какие факторы наиболее сильно влияют на применение физического наказания в семье и какие факторы имеют наибольшую объясняющую силу.

Результаты исследования

В таблице показаны коэффициенты регрессии трех моделей. Модель 1 демонстрирует влияние на применение физического наказания в семье таких факторов, как возраст родителей, наличие у родителей высшего образования и пол ребенка. Для изучения влияния пола ребенка на применение физических наказаний мы создали дихотомическую переменную, где 1 маркирует семьи, в которых воспитываются только девочки.

Модель 1 показывает, что возраст родителей имеет значимое негативное влияние на применение физических наказаний: они чаще используются молодыми родителями. Гипотеза о том, что девочки меньше, чем мальчики, подвергаются физическим наказаниям, не подтвердилась, пол ребенка не влияет на их применение. В семьях, где хотя бы у одного из родителей имеется высшее образование, физическое наказание применяется значительно реже, при этом образование партнера уже не имеет значения. В целом модель 1 объясняет около 10 % дисперсии переменной «физические наказания».

В модель 2 мы включили все значимые переменные из модели 1 и добавили переменные, которые описывают социально-экономический статус семьи: доход, наличие партнера, тип семьи (нуклеарная или многопоколенная), наличие помощи в воспитании детей со стороны старшего поколения, количество детей, занятость матери (1 — мать работает, 0 — мать не работает). Результаты регрессионного анализа показывают, что доход семьи, наличие партнера, тип семьи и занятость матери являются незначимыми переменными, т. е. не влияют на применение физических наказаний. Таким образом, гипотезы о том, что имеется связь между бедностью и физическими наказаниями, что одинокие ро-

дители (как правило, матери) реже их применяют, а в многопоколенной семье физические наказания используются чаще, чем в нуклеарной, не подтвердились. Занятость матери также не влияет на снижение применения физических наказаний. На это влияет помощь со стороны бабушек и дедушек и количество детей в семье. В семьях, где старшее поколение участвует в воспитании, физические наказания применяются реже. В семьях, где больше одного ребенка, физические наказания применяются чаще. Модель 2 объясняет только 5 % дисперсии независимой переменной (меньше, чем модель 1). Это позволяет сделать вывод, что индивидуальные характеристики родителей и детей гораздо сильнее влияют на применение физических наказаний, чем социально-экономические характеристики семьи.

Результаты регрессионного анализа, N = 1500 чел.

	Модели		
	1	2	3
Константа (первый член регрессивного уравнения)	0,686**	0,510**	- 0,003
<i>Индивидуальные характеристики</i>			
Возраст	- 0,017**	- 0,010**	- 0,010**
В семье только девочки	0,051	-	-
Высшее образование у одного из родителей	0,200**	0,261**	0,269**
Высшее образование у партнера	0,056	-	-
<i>Социально-экономический статус семьи</i>			
Доход	-	0,000	-
Количество детей	-	0,121**	0,106**
Наличие партнера	-	- 0,106	-
Нуклеарная семья	-	0,009	-
Наличие помощи бабушек и дедушек	-	- 0,117**	- 0,089**
Мать не работает	-	0,008	-
<i>Культурные характеристики родителей</i>			
Занимаются творческим трудом	-	-	- 0,018**
Занимаются умственным трудом	-	-	- 0,02**
Независимы в своей работе	-	-	- 0,03**
Имеют подчиненных	-	-	0,069
Воспитывают в детях независимость	-	-	- 0,171**
Воспитывают трудолюбие	-	-	0,155**
Воспитывают послушание	-	-	0,086**
Воспитывают бережливость	-	-	0,085**
Повышают голос на ребенка	-	-	0,223**
Оскорбляют ребенка	-	-	0,135**
R ²	0,098	0,046	0,15

** — значимые показатели коэффициентов регрессии, $p < 0,05$.

Модель 3 включает в себя дополнительные переменные, описывающие культурные характеристики родителей. К таким характеристикам мы относим культурный капитал родителей, который в данном случае определяется характером их работы и карьерой, ожидания от воспитания своего ребенка, а также применение в семье словесных оскорблений. Результаты, представленные в модели 3, показывают, что применение физических наказаний связано с воспитанием у детей таких качеств, как независимость, трудолюбие, послушание и бережное отношение к вещам. При этом родители, которые стремятся воспитать в детях независимость, применяют физическое наказание реже, а родители, которые стремятся воспитать в детях остальные перечисленные качества, применяют физическое наказание чаще.

Важно отметить, что в семьях, где кричат и повышают голос на детей, а также оскорбляют их, физические наказания применяются чаще. Характер труда родителей компенсирует влияние негативных факторов: чем более интеллектуальный и творческий характер носит труд родителей, тем реже они используют физические наказания. Административная карьера родителей (наличие подчиненных) на применение физических наказаний не влияет. Коэффициент детерминации модели 3 составляет почти 15 %. Это говорит о том, что в значительной степени применение физических наказаний объясняется именно культурными факторами.

Заключение

Результаты исследования показывают, что физические наказания чаще применяют в семьях малообразованных людей, занимающихся в основном физической, рутинной работой, воспитание которых позволяет им применять грубость, использовать словесные оскорбления и повышать голос на окружающих. Мы можем сделать вывод, что физические наказания — это практика, которая характерна скорее для социально неуспешных людей, которые занимают более низкие позиции в обществе, независимо от их дохода. Креативный класс, творческие, образованные и независимые люди, как правило, отказываются от применения физических наказаний при воспитании своих детей.

Для семейного поведения нового креативного класса характерно отложенное родительство, т. е. более поздний возраст рождения первого ребенка. Именно этим можно объяснить тот факт, что, по нашим данным, молодые родители чаще применяют физические наказания.

Важным результатом является вывод о том, что занятость матери не влияет на применение физических наказаний, так же как и тип семьи (многопоколенная или нуклеарная). Традиционный тип семьи, где мужчина обеспечивает материальное благополучие, а женщина занимается воспитанием детей, не снижает уровня применения физических наказаний, даже если мужчина обеспечивает очень высокий уровень материального благополучия.

В семьях с одним родителем, а в российских условиях это, как правило, семьи, где ребенок воспитывается только матерью, физические наказания применяются так же часто, как и в полных семьях. Это позволяет нам сделать два важных вывода. Во-первых, российские женщины так же склонны к примене-

нию физического наказания при воспитании детей, как и российские мужчины. Во-вторых, полная семья не является гарантом более гуманного отношения к ребенку и залогом его будущего успеха в жизни.

При воспитании нескольких детей физические наказания применяются чаще, чем при воспитании одного ребенка, что говорит о том, что многие родители двух и более детей не справляются с физическими и психологическими нагрузками, связанными с необходимостью многократного повторения и объяснения важных для них ценностей и моделей поведения. Поэтому для изменения поведения ребенка и для ограждения детей от опасного поведения в семьях с несколькими детьми чаще применяется физическое наказание.

Участие в воспитании ребенка бабушек или дедушек снижает психологическую нагрузку родителей, связанную с воспитанием детей, и сокращает применение физических наказаний. Старшее поколение в российских семьях является важным ресурсом, благодаря которому формируется родительский стиль, позволяющий воспитывать у детей позитивные психологические качества, ориентированные на успех в будущей жизни.

Отсутствие гендерных различий в применении физических наказаний говорит о том, что для российских родителей нет специфических мужских или женских качеств, воспитание которых требует применения физического наказания. Оно связано скорее с воспитанием у детей определенных ценностей, которые не являются гендерно-чувствительными. В данном исследовании к таким ценностям можно отнести воспитание трудолюбия, послушания и бережливости, т. е. традиционных ценностей, приверженность к которым характерна для более низких социальных слоев.

Таким образом, применение физического наказания является для людей, занимающих низкое социальное положение, механизмом воспроизводства своего социального статуса. Для усвоения детьми ценностей, которые разделяет креативный класс, например независимости, родителям приходится отказаться от применения физического наказания. Воспитание у детей качеств самовыражения требует от родителей поощрения определенных моделей поведения, а не наказания за неследование им.

Связь между родительскими практиками и психологическими характеристиками детей хорошо изучена. Родительские практики и родительские стили — важные предикторы будущего благополучия детей. В зависимости от того, какие родительские практики применяются в семье, у детей формируются либо позитивные психологические характеристики (способность к межличностным отношениям, эмпатия, высокая самооценка), либо негативные (агрессивность, демонстративное поведение, низкий уровень социальной адаптации). Результаты нашего исследования дают основания утверждать, что родительские практики, используемые во многих петербургских семьях (40 %), препятствуют тому, чтобы у детей формировалась способность справляться со стрессами и создавались навыки, которые необходимы для успешной социализации и психологической адаптации в современном мире, помогающие человеку быть успешным и счастливым. Однако тот факт, что формирование родительских практик, связанных с отказом от применения физического наказания, во многом определяется принадлежностью родителей к новому креативному классу,

позволяет предположить, что с развитием российского общества применение физических наказаний в семьях будет сокращаться и родители перестанут обречь своих детей на жизнь в конфликтных условиях с окружающим миром, на агрессию в отношениях с другими людьми и на непонимание ценности межличностных взаимодействий.

Библиографический список

1. A family process model of economic hardship and adjustment of early adolescent boys / R. D. Conger, K. J. Conger, G. H. Elder (Jr.), F. O. Lorenz, R. L. Simons, L. B. Whitbeck // *Child Development*. 1992. Vol. 63. P. 526—541.
2. *Armistead L., Klein K., Forehand R.* Parental physical illness and child functioning. Special issue : The impact of the family on child adjustment and psychopathology // *Clinical Psychology Rev.* 1995. Vol. 15. P. 409—455.
3. *Baumrind D.* Necessary distinctions // *Psychological Inquiry*. 1997. Vol. 8. P. 176—182.
4. *Baumrind D.* Parental disciplinary patterns and social competence in children // *Youth and Society*. 1978. Vol. 9, № 3. P. 239—276.
5. *Belsky J.* The determinants of parenting : a process model // *Child Development*. 1984. Vol. 55. P. 83—99.
6. *Brodsky A. E.* «Making it»: the components and process of resilience among urban African-American single mothers // *American J. of Orthopsychiatry*. 1999. Vol. 69. P. 148—160.
7. *Brody G. H., Flor D. L.* Maternal resources, parenting practices and child competence in rural single-parent African-American families // *Child Development*. 1998. Vol. 69. P. 803—816.
8. *Cummings E. M., Davies P. T.* Maternal depression and child development // *J. of Child Psychology and Psychiatry*. 1994. Vol. 35. P. 73—112.
9. *Darling N., Steinberg L.* Parenting style as context: an integrative model // *Psychological Bull.* 1993. Vol. 113. P. 487—496.
10. Developmental systems perspective on parenting / R. M. Lerner, F. Rothbaum, S. Boulos, D. R. Castellino // *Handbook of Parenting*. Vol. 2 : *Biology and Ecology of Parenting* / ed. by M. H. Bornstein. Mahwah (NJ) : Lawrence Erlbaum Associates, 2002. P. 315—344.
11. *Domjan M.* *The Essentials of Conditioning and Learning*. Belmont (CA) : Wadsworth, 2000. 274 p.
12. *Eisenberg N., Valiente C.* Parenting and children's prosocial and moral development // *Handbook of Parenting*. Vol. 5 : *Practical Issues in Parenting* / ed. by M. N. Bornstein. Mahwah (NJ) : Lawrence Erlbaum Associates, 2002. P. 111—142.
13. *Elder G. H., Liker J. K., Cross C. E.* Parent-child behavior in the Great Depression : life course and intergenerational influences // *Life Span Development and Behavior* / ed. by P. B. Baltes, O. G. Brim (Jr.). New York : Academic Press, 1984. P. 109—158.
14. *Grusec J. E., Goodnow J. J.* Impact of parental discipline methods on the child's internalisation of values : a reconceptualisation of current points of view // *Developmental Psychology*. 1994. Vol. 30. P. 4—19.
15. *Hoffman M. L.* *Empathy and Moral Development : Implications for Caring and Justice*. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 326 p.
16. *Holden G. W.* Perspectives on the effects of corporal punishment : comment on Gershoff // *Psychological Bull.* 2002. Vol. 128, № 4. P. 590—595.
17. *Maccoby E. E., Martin J. A.* Socialization in the context of the family : parent — child interaction // Mussen P. H., Hetherington E. M. *Handbook of Child Psychology*. Vol. 4 : *Socialization, personality and social development*. New York : Wiley, 2002. P. 1—101.

18. *Rodgers A.* The assessment of variables related to the parenting behavior of mothers with young children // *Children and Youth Services Rev.* 1993. Vol. 15. P. 385—402.
19. *Straus M. A.* Discipline and deviance : physical punishment of children and violence and other crime in adulthood // *Social Problems.* 1991. Vol. 38. P. 133—154.
20. *Teti D., Candelaria M. A.* Parenting competence // *Handbook of Parenting. Vol. 4 : Social Conditions and Applied Parenting / ed. by M. H. Bornstein.* Mahwah (NJ) : Lawrence Erlbaum Associates, 2002. P. 149—180.
21. *The Discipline and Guidance of Children : a Summary of Research / A. B. Smith, M. Gollop, N. J. Taylor, K. Marshall.* Wellington (NZ) : Children's Issues Centre and Office of the Children's Commissioner, 2004. 44 p.
22. Unemployment and work interruptions among African-American single mothers : effects on parenting and adolescent socioemotional functioning / V. C. McLoyd, T. E. Jayaratne, R. Ceballo, J. Borquez // *Child Development.* 1994. Vol. 65. P. 562—589.
23. *Vondra J., Belsky J.* Developmental origins of parenting : personality and relationship factors // *Parenting : an Ecological Perspective / ed. by T. Luster, L. Ogakaki.* Hillsdale (NJ) : Lawrence Erlbaum Associates, 1993. P. 1—33.

ББК 60.561.28

Ю. С. Задворнова

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДОМАШНЕГО ТРУДА В РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ: ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

В последнее двадцатилетие в отечественной социологической науке институт семьи, формы организации семейных отношений, а также способы распределения внутрисемейных ролей рассматриваются в контексте происходящих в обществе трансформационных процессов.

Исследователи выделяют две противоположные тенденции трансформации российской семьи: это актуализация традиционных механизмов самосохранения и воспроизводство патриархальных норм как адаптивная реакция со стороны семьи, с одной стороны, и продвижение ценностей индивидуального успеха, пересмотр ранее существовавших норм в сторону эгалитарности — с другой.

Среди наиболее заметных тенденций, о которых свидетельствуют данные современных социологических исследований в сфере семейных отношений, — смена типа лидерства.

Так, по материалам исследования, проведенного в 2000 г., применительно к супругам продолжают доминировать патриархальные нормы в вопросах распределения главенства в семье (50 % супругов назвали себя в качестве главы семьи, 20 % респондентов считали главой семьи супруга или одного из родителей и только каждый десятый из опрошенных затруднялся обозначить главу семьи) [2, с. 53]. В то же время результаты исследования 2003 г. показали, что

равноправные отношения в вопросах распределения главенства присущи 44 % опрошенных супружеских пар и только 8 % респондентов считают, что в их семье главенство принадлежит одному из супругов [4, с. 98]. По данным исследования «Семья. Демография. Социальное здоровье населения», проведенного РГСУ в 2006 г., абсолютное большинство семейных пар продемонстрировали отказ от патриархальной субординации в вопросах распределения главенства.

Изменилось и само содержание понятия «кормилец семьи»: женщина наравне с мужчиной участвует в финансовом обеспечении семьи; не считается отклонением от нормы, если доход жены превышает заработок мужа; лидерство в распределении семейного бюджета зачастую принадлежит женщине.

Одновременно распределение домашней нагрузки остается наиболее консервативной областью семейных отношений. Несмотря на профессиональную занятость женщин, материальный вклад в семейный бюджет, женщины по-прежнему уделяют гораздо больше времени домашним делам, чем мужчины. Это подтверждают данные исследования, проведенного в 2010 г. в г. Саратове: большинство видов домашней работы закреплено за женщиной (90,3 % женщин и 36,1 % мужчин занимаются приготовлением пищи, 87,8 % женщин и 37,9 % мужчин — уборкой жилья, 83,2 % женщин и 14 % мужчин — глаженьем, 83,6 % женщин и 12,7 % мужчин — стиркой, 81,9 % женщин и 44 % мужчин — мытьем посуды); обязанностями мужчин являются вынос мусора (82,2 %), ремонт жилья (82 %), работа на приусадебном участке (40,2 %) [5, с. 120].

В 2011 г. подобное исследование проведено в г. Владимире. Результаты подтвердили, что способы распределения домашнего труда в семье имеют ярко выраженную гендерную специализацию: «... женщины занимаются в основном самыми трудоемкими делами (уборкой, приготовлением пищи, мытьем посуды, стиркой белья); мужчины больше занимаются мелким ремонтом и уходом за автомобилем» [3, с. 94].

Таким образом, неравномерное распределение домашней нагрузки между супругами выступает одним из наиболее ярких проявлений доминирования стереотипных способов дифференциации семейных ролей.

В отечественной социологической науке гендерные стереотипы определяются как обобщенные, социально сконструированные, имеющие эмоционально-оценочный характер образы маскулинности и феминности [9, с. 3].

В соответствии с гендерными стереотипами о дифференциации семейных ролей домашняя работа воспринимается как неотъемлемая часть женской идентичности и расценивается как менее значимая, чем профессиональная занятость в публичной сфере. Гендерные стереотипы в разделении труда отводят мужчине доминирующую роль в политической и экономической сферах, профессиональной деятельности, а в качестве основной гендерной роли для женщины утверждают работу в семье [8, с. 106]. Предписывается, что мужчина не должен участвовать в повседневных домашних делах, поскольку «мужские» обязанности выходят за рамки приватной сферы. Мужчина, который активно включается в домашние дела, воспринимается обществом как отклонение от нормы [7, с. 104].

Чтобы ответить на вопрос, в какой степени гендерные стереотипы влияют на особенности распределения домашней работы между супругами и диффе-

ренциацию семейных ролей, целесообразно обозначить теоретические подходы к анализу разделения домашней работы.

В социологии домашний труд понимается как вид социальной активности внутри семьи, не приносящий денежного дохода, получаемый через рыночные механизмы и играющий большую роль в поддержании и развитии членов семьи. Ряд исследователей считают, что наиболее очевидными проявлениями дифференциации семейных ролей в приватной сфере выступают объем и способы распределения домашнего труда между супругами [1, с. 109].

Согласно экономическому подходу, или концепции соотношения ресурсов, домашний труд выполняется одним из супругов в обмен на экономическую поддержку другого. В качестве ресурсов рассматриваются такие факторы, как образование, уровень заработной платы, профессиональный статус супругов и др. Чем большим объемом ресурсов обладает супруг, тем меньше времени он затрачивает на домашнюю работу. Представители экономического подхода основываются на том, что домашняя работа представляет собой низкостатусный вид деятельности, результаты которого не выходят за пределы бытовой сферы и не получают общественной оценки. Предполагается, что и мужчины, и женщины негативно относятся к домашней работе и в равной степени заинтересованы в сокращении своей доли в домашнем труде. Избежать участия в домашней работе позволяют ресурсные преимущества, которыми обладает один из супругов. Эти преимущества получают оценку за пределами приватной сферы, на рынке труда. Поскольку мужчины обычно имеют более сильные позиции на рынке труда, они одновременно обладают и определенной властью в рамках домохозяйства, которая выражается в том, что мужчины имеют возможность не заниматься домашним трудом [1, с. 110].

Существующая в рамках экономического подхода концепция экономической зависимости рассматривает распределение домашней нагрузки между супругами как рациональный экономический обмен и ресурсную взаимозависимость: «высокоресурсный субъект» (кормилец семьи), как правило мужчина, выполняет меньшую часть домашней работы или полностью освобожден от нее, т. к. вносит большой финансовый вклад в семейный бюджет; партнер, который вносит меньший вклад в семейный бюджет, как правило женщина, компенсирует свой низкий заработок или его отсутствие большим объемом выполняемого домашнего труда. Таким образом, согласно данному подходу, большая часть домашней работы закреплена за женщиной, поскольку большинство жен зарабатывают меньше, чем их мужья, и зависят от них экономически [11].

К рационалистическим подходам относится концепция временных ограничений, в соответствии с которой домашний труд должен распределяться рациональным образом в зависимости от наличия у супругов времени для его выполнения. Время, которым мужчины и женщины располагают для выполнения домашних дел, связано с уровнем трудовой нагрузки супругов на рынке труда и составом домохозяйства, т. е. статус занятости определяет различия в затратах времени на домашний труд. Закрепление бытовой сферы за женщинами объясняется их меньшей загруженностью на работе [10].

Существуют также гендерные концепции разделения домашнего труда, возникшие как реакция на рационалистические парадигмы. Так, концепция

«гендерного дисплея» рассматривает способы разделения оплачиваемого и домашнего труда между супругами как поведенческое проявление женской гендерной идентичности (экономическая зависимость и выполнение домашней работы) и мужской (экономическая самостоятельность и отстраненность от домашней работы). Домашняя работа и забота о детях выступают частью женской гендерной идентичности, тогда как материальное обеспечение семьи — важнейшая составляющая идентичности мужчин. Согласно теории «гендерного дисплея», неравномерное распределение домашнего труда между супругами определяется их гендером, а не экономическими факторами [12].

Для того чтобы выявить тенденции трансформации распределения ролей в современной российской семье, в 2012 г. среди семей Ивановской области проведено социологическое исследование, одна из задач которого — установление особенностей дифференциации семейных ролей в сфере распределения домашнего труда.

Было опрошено 1200 мужчин и женщин, состоящих в браке, проживающих в областном центре, среднем и малом городах с численностью жителей соответственно 408 тыс., 88 тыс., 27 тыс. человек. 30 супругов приняли участие в интервью. Социальный портрет семей, участвующих в исследовании, — это супруги, состоящие в зарегистрированном браке более десяти лет, имеющие, как правило, одного ребенка, получающие доход на одного члена семьи в размере 10—15 тыс. рублей в месяц, работающие по найму полный рабочий день в качестве рядовых сотрудников.

Результаты исследования показали, что, по мнению большинства супругов, при распределении семейных обязанностей они придерживаются эгалитарных установок. Большая часть респондентов утверждают, что делят семейные обязанности поровну: 65 % супругов совместно участвуют в материальном обеспечении семьи, 67 % — вместе занимаются распределением семейного бюджета, 59 % — совместно выполняют работу по дому, 63 % — вместе занимаются воспитанием детей.

При этом в понятие «семейные обязанности» мужчины и женщины вкладывают разный смысл, а именно: женщины считают домашней работой ведение домашнего хозяйства, а мужчины — обязанность материального обеспечения семьи. В результате уход за домом является обязанностью 39 % женщин и только 2 % мужчин, обязанность воспитания детей лежит на 36 % женщин и только на 1 % мужчин.

Большинство мужчин — 36 % — занимаются домашними делами только по выходным, 25 % мужчин ответили, что вообще не занимаются домашним трудом. Загружены домашней работой ежедневно 42 % женщин.

Исследование подтвердило, что сферы домашнего труда в семье разделены по гендерному признаку: даже когда супруги делят домашние обязанности между собой, женщина выполняет две трети ежедневной домашней работы. Так, приготовление пищи считают своей обязанностью 70 % женщин, уборку дома — 65 %, стирку — 88 %, мытье посуды — 89 %. Мужчины занимаются работой, необходимость в которой возникает периодически. По мнению 79 % мужчин, их обязанность — мелкий ремонт по дому, 70 % считают обязанностью ремонтно-строительные работы, 76 % мужчин выносят мусор. Родствен-

ники и наемные работники, как правило, привлекаются для ремонтно-строительных работ, ухода за другими членами семьи, выноса мусора и стирки.

Таким образом, можно сделать вывод, что в большинстве российских семей обязанность по уходу за домом возложена на женщину, что соответствует стереотипному представлению о мужских и женских ролях в семье.

Выявлено, что мужчина воспринимает свое участие в домашней работе как помощь жене, в то же время женщина рассматривает работу по дому как необходимость. При этом участие мужа в домашнем труде слабо зависит от объема занятости жены на работе. Создается иллюзия эгалитарных отношений: в целом, по мнению респондентов, домашние обязанности делятся поровну, в ходе конкретного анализа выясняется, что большая их часть лежит на женщине. Результаты анкетирования подтвердили ответы респондентов, полученные в ходе интервью.

Мужчина (35 л., наемный работник в частном секторе экономики, состоит в зарегистрированном браке): *У нас в семье быт налажен: пока жена готовит ужин, я на заправку съезжу, могу продуктов к ужину купить, детей из школы иногда забираю. Если она с детьми уроки делает, могу ей помочь посуду помыть.*

Женщина (34 г., работник бюджетной сферы, состоит в зарегистрированном браке): *Мне постоянно приходится просить мужа что-то сделать, а когда он начинает мне помогать, то так и хочется сказать: уж лучше сиди или сходи куда-нибудь, только не мешай... Он абсолютно неприспособлен к домашнему быту. Я уж лучше все сама сделаю, но зато так, как мне надо.*

В ряде семей, где муж и жена большую часть времени проводят на работе, для выполнения домашнего труда супруги прибегают к помощи родственников или наемных работников.

Мужчина (35 л., предприниматель, состоит в зарегистрированном браке): *Мы с женой все время на работе. Нам моя мама по дому помогает, она недалеко живет, приходит приготовить на вечер, мы продукты только покупаем или ей деньги оставляем, за детьми тоже она присматривает.*

Женщина (32 г., предприниматель, состоит в фактическом браке): *У меня клининговая фирма, поэтому, естественно, убираются дома наемные работники из фирмы. Поскольку дома бываем редко, холодильник обычно пустой, питаемся в основном в кафе. В выходные могу что-нибудь вкусное приготовить, мужа побаловать.*

В ходе интервью выяснилось, что в некоторых случаях супруги стараются делить домашние обязанности поровну, тогда распределение ролей в бытовой сфере становится предметом внутрисемейного договора. Обычно инициатива в равноправном распределении ролей исходит от женщины, а мужчине приходится приспосабливаться, чтобы избежать конфликта.

Мужчина (25 л., работает в частном секторе экономики, состоит в фактическом браке): *Мы заранее договорились, кто и что будет делать, исходя из того, кто что лучше умеет. Я, например, готовить все не умею, могу иногда что-то, что получается, зато я посуду чаще мою. Убираемся дома вместе или по очереди. А так, вообще, кто что успеет, тот и делает.*

Женщина (29 л., работник бюджетной сферы, состоит в зарегистрированном браке): *У нас иногда прямо до счета доходит: кто и что на неделе сделал.*

Например, если я два дня подряд посуду мыла, а муж на работе был, то пусть теперь два дня он моет. Мы из-за этого постоянно ругаемся, он друзьям своим на меня жалуется, маме своей, мол, у всех жены нормальные — всю работу по дому делают, а я считаю, что если я работаю, устаю не меньше его, то почему должна всю работу по дому делать?

Как правило, эгалитарных убеждений придерживаются молодые девушки до 30 лет. Патриархальные убеждения в основном разделяют мужчины. Нередко они являются носителями патриархальных гендерных стереотипов в вопросах распределения бытовых обязанностей.

Мужчина (26 л., служащий в частном секторе экономики, состоит в фактическом браке): *Сейчас женщины вообще ничего делать не хотят, только и слышишь: я тебе это делать не обязана. Вот раньше наши мамы и работали, и домашними делами занимались, и детей воспитывали. Я считаю, у женщины стирка, глажка белья вообще «в крови» должны быть.*

Установлена закономерность: чем выше профессиональный статус женщины, тем меньше времени она затрачивает на домашний труд. Так, 49 % женщин, находящихся на руководящих должностях, занимаются домашней работой раз в неделю и реже, среди рядовых сотрудников 47 % женщин занимаются домашней работой ежедневно.

Кроме того, чем меньше времени женщины заняты профессиональным трудом, тем больше их нагрузка в бытовой сфере. В целом исследование показало, что успешность женщины в публичной сфере и выполнение ею наравне с мужчиной роли кормильца не приводит к перераспределению домашних обязанностей по линии «жена — муж», они распределяются по линии «жена — другие родственники, наемные работники».

Таким образом, социологическое исследование, проведенное в Ивановской области, подтверждает высокую степень воздействия гендерных стереотипов о «мужской» и «женской» работе на характер распределения домашнего труда между супругами. В этой связи нельзя согласиться с точкой зрения Т. С. Лыткиной, которая рассматривает дифференциацию домашнего труда между супругами как способ утверждения доминирования женщины в семье. По ее мнению, женская активность в домашней работе способствует исключительно мужчины из бытовой сферы, при этом усиливая позиции женщины в семье: женщина устанавливает семейные нормы, определяющие поведение других членов семьи. «...С момента распределения домашних обязанностей <...> женщина не только заботится о домочадцах, но использует домашний ресурс в своих интересах и становится единственным компетентным лицом в ведении домашнего хозяйства. Мужчины, не имеющие домашнего ресурса, предпочитают не вмешиваться и довериться полностью инициативе женщины, заняв “оборонительную” позицию, а для поддержания мужественности выступать в роли кормильца» [6, с. 87].

Полагаем, что стереотипные способы распределения домашних обязанностей, напротив, выступают одним из наиболее ярких проявлений гендерной дискриминации в современной российской семье. «Двойная занятость» женщины: работа для экономической поддержки и ответственность за большинство домашних обязанностей — не может служить основанием для утвержде-

ния властных полномочий женщины в семье, поскольку домашний труд, имеющий в массовом сознании низкую степень престижа, сознательно отвергается мужчинами. В современных социально-экономических условиях выполнение женщиной нескольких ролей в семье — жены, кормильца, матери, распорядителя бюджета, домохозяйки — не приводит к ее эмансипации, а увеличивает физические и психологические нагрузки на женщину, что противоречит идеологии равноправия полов.

Вместе с тем проблемы распределения домашнего труда между супругами целесообразно рассматривать в контексте тенденций трансформации института семьи.

Первая тенденция — это трансформация на ценностном уровне стереотипных представлений супругов о распределении семейных ролей в эгалитарном направлении. Супруги уже не придерживаются гендерного стереотипа о мужчине-кормильце, главе семьи и женщине-домохозяйке, не отрицают участия мужа в выполнении домашних обязанностей и воспитании детей. Во многих семьях в качестве приоритета выступают ценности самореализации, индивидуальных достижений, оба супруга чаще хотят реализовать себя в профессиональной сфере, работа становится для них не только средством материального обеспечения семьи, но и способом самовыражения, возможностью карьерного роста. Стремление современных мужчин и женщин удовлетворить свои индивидуальные потребности за пределами приватной сферы приводит к смягчению традиционно исполняемых гендерных ролей; нормы, характерные для патриархальной семьи, постепенно стираются. Кроме того, в современном «обществе потребления» семья становится единственным местом, где мужчины и женщины пытаются получить психологическую поддержку, и у жены появляются новые гендерные роли: «психотерапевта», «эмоционального стабилизатора отношений».

Вторая тенденция — техническая модернизация отраслей бытового обслуживания семьи, переход от ограниченного выбора ко множеству вариантов использования специализированных служб и современных технологий для выполнения домашней работы (автоматизированная бытовая техника, доставка продуктов и еды на дом, интернет-покупки, клининговые услуги, использование наемного труда для исполнения домашних обязанностей). Можно предположить, что в ближайшее десятилетие супруги будут тратить значительно меньше времени на домашнюю работу и проблема разделения домашних обязанностей утратит актуальность.

Третья тенденция — расширение сферы услуг в общем и дополнительном образовании детей. Для снижения нагрузки в выполнении обязанностей по образованию и развитию способностей детей у современной семьи появилась возможность нанять няню, репетитора, воспользоваться предложениями негосударственных учреждений и дистанционного образования.

Четвертая тенденция — становление активной российской государственной семейной политики, направленной не только на решение демографической проблемы и материальную поддержку семьи, но и на развитие системы общественного воспитания детей, ликвидацию очередей в дошкольные учреждения, поддержку негосударственного сектора оказания социальных услуг семье, во-

влечение в профессиональную деятельность женщин, имеющих несовершеннолетних детей.

В совокупности с формированием эгалитарных ценностных ориентаций супругов обозначенные тенденции могут привести к более симметричному распределению домашних обязанностей, сокращению времени на их выполнение и, как следствие, к утверждению гендерного равноправия в семье. Очевидно, что они могут быть реализованы при объединении усилий государства, общества и семьи как важнейшего актора формирования в массовом сознании эгалитарной гендерной культуры.

Библиографический список

1. Балабанова Е. С. Домашний труд как символ гендера и власти // Социол. исслед. 2005. № 12. С. 109—120.
2. Давыдова Н. М. Глава семьи: распределение ролей и способ выживания // Обществ. науки и современность. 2000. № 4. С. 51—57.
3. Евстифеева Г. Г. Гендерная структура домашнего труда в городской семье // Регионология. 2013. № 1. С. 93—96.
4. Карцева Л. В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Социол. исслед. 2003. № 7. С. 92—100.
5. Климова С. В. Домашний труд в городской семье // Социол. исслед. 2012. № 4. С. 118—121.
6. Лыткина Т. С. Домашний труд и гендерное разделение власти в семье // Социол. исслед. 2004. № 9. С. 85—90.
7. Мережко В. И. Этого терпеть больше нельзя // Женский вопрос: точки зрения и подходы к новому осмыслению. М.: Академия общественных наук при ЦК КПСС, 1991. С. 103—105.
8. Римашевская Н. М. Гендерные стереотипы и логика социальных отношений // Свободная мысль. 2006. № 3. С. 100—110.
9. Рябова Т. Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // Женщина в российском обществе. 2001. № 3/4. С. 3—12.
10. Shelton B. A. Women, Men, and Time: Gender Difference in Paid Work : Housework and Leisure. New York : Greenwood Press, 1992. 182 p.
11. Walby S. Gender, class and stratification: toward a new approach // Gender and Stratification / ed. by R. Cromton, M. Mann. Cambridge : Polity Press, 1986. P. 23—39.
12. West C., Zimmerman D. Doing gender // Gender and Society. 1987. Vol. 1. P. 125—151.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ

ББК 65.240.592

Е. В. Митягина

РЕСУРСЫ СОВРЕМЕННЫХ РАБОЧИХ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

В России наметился процесс, носящий название «двойной» модернизации, — попытка перехода на вторичный (информационный) уровень модернизации при незавершенном первичном (индустриальном) уровне. Государство ставит задачи, связанные с инновационным развитием экономики, решение которых возможно только при условии перехода России на новую ступень модернизации. Однако большинству производств катастрофически необходимо прохождение и завершение полного цикла первичной модернизации. Необходим последовательный переход от «двойной» модернизации к интегрированной.

Наибольший урон от «двойной» модернизации нанесен российским рабочим, которые долгое время считались «гегемоном» общественного прогресса. Рабочие оказались неготовыми, с одной стороны, к стагнации индустриальной стадии модернизации, с другой — к изменениям, которые диктуются информационным обществом.

Приоритетным при изучении рабочих в условиях нестабильности «двойной» модернизации, по нашему мнению, выступает ресурсный подход. В узком смысле он позволяет установить как явные, так и скрытые человеческие резервы, которые в новых условиях могут оказать решающее влияние на место социальной группы в социуме. В широком смысле уровень актуализированности и взаимной конвертируемости ресурсов позволяет обозначить общее состояние и конкурентоспособность отраслей народного хозяйства, в которых «действует» та или иная социальная группа.

Ресурсный подход содержательно представлен в работах Н. Е. Тихоновой, Н. М. Давыдовой [5, 9, 10] (исследование роли ресурсообеспеченности населения в стратификационных процессах в условиях нестабильности); Т. Н. Заславской, О. И. Шкаратана, В. А. Бондаренко, Ю. М. Крельберга [6, 12, 13] (разработка ресурсно-потенциальной концепции); Е. М. Аврамовой, Д. М. Логинова [1] (исследование роли ресурсов в условиях социально-

экономической адаптации населения); В. В. Радаева [8] (конвертация ресурсов в различные формы капитала).

Мы рассмотрим основные ресурсы рабочих в зависимости от гендерных особенностей. Данный анализ является чрезвычайно важным, т. к. мужчины и женщины в среде рабочих демонстрируют значительные отличия по целому ряду показателей. Снижение доли тяжелых физических работ в деятельности рабочих расширило границы применения женского труда, но вместе с тем сузило пространство применения многих профессий и целых отраслей, в которых были заняты в основном женщины. Механизация производства снижает риски ухудшения физического здоровья. Промышленный мужчина-рабочий становится все более редкой фигурой, на первый план выходят женщины-работницы, которых часто нанимают по контракту на неполный рабочий день. Женщины составляют гибкую рабочую силу.

В основу анализа положены результаты исследования «Ресурсность рабочих на региональном рынке труда в условиях российской модернизации», проведенного в 2012—2013 гг. кафедрой общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского и научной социологической лабораторией Вятского государственного гуманитарного университета. Методом глубинного интервью было опрошено 35 руководителей предприятий различных сфер хозяйственной деятельности, методом раздаточного анкетирования — 1600 рабочих в Кировской, Нижегородской и Московской областях*.

Под ресурсами мы понимаем *множественные характеристики актора, которые, с одной стороны, используются им для достижения своих целей и предотвращают/снижают угрожающие ему риски, с другой — используются (социальными группами, институтами, организациями) для сохранения или изменения достигнутого им состояния*. Основными видами ресурсов рабочих, которые мы классифицируем в зависимости от стадий модернизации, являются традиционные на индустриальной стадии модернизации и инновационные на информационной стадии. К традиционным ресурсам рабочих относятся: квалификационный, экономический, властный, социальный, личностный, ценностный и биологический. К инновационным — информационно-инновационный ресурс. Наибольшую значимость в среде рабочих на всех этапах исторического развития играет квалификационный ресурс, к которому в условиях современных модернизационных процессов добавляется ресурс информационно-инновационный. Именно они определяют уровень дохода рабочего, его доступ к управлению предприятием и др. Поэтому рассмотрение ресурсности современных рабочих целесообразно начать с них.

Квалификационный ресурс является ресурсом первого уровня на индустриальной стадии модернизации. Уровень квалификации на этой стадии определяет уровень дохода, доступ к управлению, характер социальных связей и др. В условиях российской «двойной» модернизации квалификационный ресурс ут-

* Для определения статистически значимых связей между переменными использовался метод «хи-квадрат Пирсона». Все приведенные гендерные различия являются статистически значимыми.

рачивает свои позиции в силу несоответствия уровня образования, специальности по диплому и квалификации рабочих реально выполняемой ими работе.

Наиболее ярко выраженные и статистически значимые гендерные различия сконцентрированы именно в области квалификационного ресурса, а точнее, сфере образования и уровне квалификации. Они выражаются как объективно — в наличии тех или иных дипломов, аттестатов, свидетельств или разрядов рабочих, так и субъективно — в степени удовлетворенности соответствием уровня своего образования и квалификации выполняемой работе и желании продолжать обучение.

Что касается общего образования, то в большинстве своем рабочие, как женщины (89,1 %), так и мужчины (82,4 %), окончили среднюю общеобразовательную школу. Однако женщины-работчие имеют более высокий уровень профессионального образования, чем мужчины. Каждая четвертая работница (26,5 %) закончила техникум, училище — медицинское, музыкальное, педагогическое, художественное (мужчины — 20,6 %), каждая пятая (19,1 %) — высшее учебное заведение (мужчины — 15,5 %). Мужчины чаще, чем женщины, имеют лишь аттестат о полной средней школе (17,6 против 15 %) или свидетельство об окончании профессиональных курсов (7,3 против 4,5 %).

Несмотря на то что среди женщин-работчих наблюдается устойчивый рост количества обладательниц дипломов вузов и сузов, экономические последствия и отдача от полученного образования среди них остаются крайне низкими. Они вынуждены выполнять работу, которая не соответствует уровню их образования и специальности по диплому. Именно женщины чаще, чем мужчины, не работают по полученной в образовательном учреждении специальности (59 против 52,4 %) и в большей степени не удовлетворены несоответствием уровня образования и квалификации выполняемой работы (50,1 против 41,1 %).

Гендерные различия в среде рабочих обнаруживаются и в желании учиться и повышать квалификацию. Инфляция образования на информационной стадии модернизации привела к снижению значимости типа и вида учебного заведения, однако вывела на первый план проблему «пожизненности» обучения, выражающуюся в готовности к постоянному обучению, переквалификации и т. д. Женщины более критично оценивают свои возможности для дальнейшего обучения. Связано это, скорее всего, с недостатком времени в силу необходимости, помимо трудовой деятельности, вести домашнее хозяйство и воспитывать детей; кроме того, с более высоким уровнем их образования. Женщины не планируют повышать квалификацию на профессиональных курсах в 85 % случаев (мужчины — в 80,2 %), учиться в вузе — в 88,9 % случаев (мужчины — в 82,5 %). Мужчины в 6,3 % случаев учатся в данный момент на профессиональных курсах (женщины — 1 %) и в 11,7 % случаев планируют учиться в ближайшие 3 года в вузе (женщины — 6,5 %).

Наблюдаются гендерные различия в уровне квалификации. Несмотря на то что более высокий уровень образования имеют женщины, уровень квалификации выше у мужчин. Среднее значение разряда по профессии у мужчин — 4,5, у женщин — 3,6. Связано это с тем, что женщины, как пра-

вило, либо выполняют низкоквалифицированную работу, либо трудятся в тех профессиях и сферах хозяйственной деятельности, где разряды не предусмотрены или встречаются крайне редко: обслуживание (женщины — 26,9 %, мужчины — 7 %), сельское хозяйство (18,5 и 7,8 %). Большой процент мужчин работает в промышленности (38,9 против 23,7 %) и на транспорте (25,5 против 10,1 %).

Опросы руководителей предприятий показали, что в среде рабочих различия между женскими и мужскими профессиями прослеживаются достаточно отчетливо, хотя работодатели предпочитают отрицать данный факт. На одном из заводов, директор которого настаивал на том, что женщины его предприятия не работают на тех или иных станках только потому, что сами этого не хотят в силу тяжести труда, мы провели экспериментальный экспресс-опрос. Женщинам был задан вопрос, хотели ли бы они перейти работать в цеха, в которых сейчас работают мужчины. Более 70 % из них ответили, что хотели бы, но им никогда этого не предлагали, более того, если они пытались инициировать подобный переход, то их просьбы, как правило, не удовлетворялись.

Информационно-инновационный ресурс становится ресурсом первого уровня на вторичной (информационной) стадии модернизации. Восприимчивость к информации, осведомленность обо всем, что происходит в производственном процессе, и ответственность за производство в совокупности с гибкой специализацией становятся ключевыми ресурсами современного рабочего. Однако чаще всего именно информационно-инновационный ресурс наиболее слабо выражен у рабочих.

С учетом классификации, предложенной сотрудниками Института социологии РАН [4], а также общераспространенного мнения о том, что базис современного общества составляют знания, информация и инновации, рабочие в рамках данного ресурса были разделены на модернистов, промежуточный тип и традиционалистов. В основу деления положено шесть факторов: способность к освоению нового, способность к новаторской и инновационной деятельности, степень осведомленности о деятельности предприятия, выпускаемых продуктах, предоставляемых услугах.

В аспекте информационно-инновационного ресурса нас интересовали в первую очередь модернисты — люди, владеющие информацией, готовые к обучению, к восприятию инноваций и к новаторской деятельности. Исследования показали статистически значимые различия между ними и теми, кто придерживается традиционалистских взглядов. Именно модернисты могут выступить активными участниками модернизационных процессов. Однако перекос в обладании данным ресурсом смещается не в пользу женщин. Гендерные различия по этому показателю прослеживаются достаточно отчетливо (табл. 1). Мужчины (37 %) чаще, чем женщины (28,2 %), относят себя к модернистам. Женщин больше среди промежуточного типа (62,3 против 55,4 %) и традиционалистов (9,5 против 7,5 %). Если добавить переменную возраста, то среди модернистов больше мужчин в возрасте от 18 до 35 лет. Промежуточный тип в большей степени представлен женщинами от 36 лет и старше. Традиционалисты встречаются как среди мужчин, так и среди женщин в возрасте от 31 года. Особенно высок процент традиционалистов в старших возрастных группах.

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос
«К какому типу людей по отношению к инновациям
Вы бы себя отнесли?», %**

Вариант ответа	Мужчины	Женщины
Модернист	37,1	28,2
Промежуточный тип	55,4	62,3
Традиционалист	7,5	9,5
<i>Всего</i>	100,0	100,0

Экономический ресурс у рабочих имеет «слабовыраженную окраску». Размер доходов рабочих на индустриальной стадии модернизации определяется уровнем квалификации. Оплата труда регламентирована видом и качеством выполняемых работ. На информационной стадии размер доходов зависит от уровня гибкости, способности к переквалификации и переобучению. На рынке труда присутствует значительное количество рабочих по субконтракту, краткосрочному контракту, занятых временной работой или неполный рабочий день, значительную часть которых составляют женщины.

Размер доходов современных рабочих позволяет определять их как группу или класс, находящийся либо чуть выше уровня бедности, либо в его пределах. Пользуясь делением современного общества, предложенным М. К. Горшковым, большинство рабочих следует отнести к категории бедных или нуждающихся граждан [3, с. 167—168]. Единственным источником их существования становится заработная плата (женщины — 78,9 %, мужчины — 80,4 %). Женщины в большей степени рассчитывают на помощь родственников (5,4 против 2,5 %), пенсии, пособия и алименты (6,3 против 3 %). Мужчины чаще имеют возможность для разовых приработков (6,7 против 2,9 %) (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос
«Каков Ваш основной источник дохода?», %**

Вариант ответа	Мужчины	Женщины
Зарплата по основному месту работы	80,4	78,9
Пенсии, пособия, алименты	3,0	6,3
Помощь родственников, близких	2,5	5,4
Собственный бизнес	1,4	1,8
Совместительство	4,7	3,4
Разовые приработки	6,7	2,9
Доходы от собственности, сдачи в аренду имущества, проценты	0,8	1,4
Другое	0,5	0,0
<i>Всего</i>	100,0	100,0

В своих субъективных оценках женщины-работчие склонны оценивать уровень своей заработной платы ниже, чем мужчины. Они считают, что их заработная плата ниже уровня средней заработной платы (женщины — 27,3 %, мужчины — 22,4 %) или на уровне средней заработной платы (женщины — 57,7 %, мужчины — 53,2 %). Каждый четвертый мужчина считает, что его заработная плата выше, чем средняя заработная плата рабочего его профессии (24,4 %). Так же считает лишь каждая шестая женщина (15,2 %).

Как мужчины, так и женщины считают, что их материальное положение никак не изменилось благодаря их личному вкладу за последние три года (мужчины — 43,9 %, женщины — 47 %) или незначительно улучшилось (42,2 и 41 %). Однако различными признаются источники повышения благосостояния. Для мужчин это разовые временные приработки (мужчины — 21,2 %, женщины — 13,5 %), сверхурочная работа (14,8 и 10,3 %) и служебный рост (11,8 и 8,3 %). Для женщин — помощь со стороны (женщины — 14,3 %, мужчины — 6 %).

Должностной статус и возможность оказывать влияние на принятие решений в масштабах всего предприятия или его подразделений является главным признаком *властного ресурса*. Должность рабочего лишает его права принимать решения в масштабах всей организации. Особенно четко это прослеживается на информационной стадии модернизации. Рабочие имеют возможность объединяться в профессиональные союзы, которые в основе своего функционирования должны иметь не только требование защиты интересов рабочих, но и увеличение их влияния на управление предприятием. Профсоюзы в советское время были практически одним из основных элементов государственной системы управления народным хозяйством. В современной российской действительности они не играют значительной роли, раздробились и стали неинтересны ни для рабочих, ни для предприятий, ни для государства. Лишь каждый десятый рабочий считает, что современные профсоюзы могут помочь в решении проблем рабочих (11,9 %). Женщины чаще, чем мужчины, прибегают к отстаиванию своих интересов при помощи традиционных способов: производственных собраний (41,4 против 34,4 %), обращений, заявлений, докладных руководству (28,8 против 24,7 %). Они более критично оценивают свои возможности по изменению ситуации с помощью рационализаторской, новаторской деятельности (6 против 12,5 %) и участия в крайних формах отстаивания своих интересов — в митингах и забастовках (2,5 против 7 %). Первое связано с тем, что женщины чаще выполняют низкоквалифицированную работу, не оставляющую возможностей для творчества, второе — с боязнью потерять работу. Женщины считают, что в случае вероятностной потери работы они окажутся перед большими трудностями в поиске новой (женщины — 39,7 %, мужчины — 26,2 %). Каждый третий мужчина-рабочий (32,6 %) считает, что ему легко будет найти новую работу, среди женщин — каждая шестая (17 %) (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос
«Вам было бы легко или трудно найти сейчас новое место работы?», %**

Вариант ответа	Мужчины	Женщины
Легко	32,6	17,0
Трудно	26,2	39,7
Затрудняюсь ответить	41,2	43,3
<i>Всего</i>	100,0	100,0

Мужчины-рабочие имеют больше возможностей для служебного роста. Мужчины в 20,4 % случаев рассчитывают на дальнейший рост служебной карьеры (женщины — 12,7 %), в 10,5 % случаев оценивают перспективы служебного роста как средние (женщины — 4,3 %). Женщины чаще выбирают ответы, связанные с невозможностью или нежеланием подобного роста: «по характеру моей работы нет возможностей для служебного роста» (34,2 против 26,8 %) и «меня устраивает мое служебное положение» (36,8 против 27,9 %) (табл. 4).

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос
«Как Вы оцениваете перспективы Вашего служебного роста?», %**

Вариант ответа	Мужчины	Женщины
Меня устраивает мое служебное положение	27,9	36,7
Я рассчитываю на дальнейший рост служебной карьеры	20,4	12,7
Я оцениваю перспективы своего служебного роста как средние	10,5	4,3
Я оцениваю перспективы своего служебного роста как довольно плохие	4,6	2,6
Я считаю, что у меня нет перспектив служебного роста	9,8	9,5
По характеру моей работы нет возможности служебного роста	26,8	34,2
<i>Всего</i>	100,0	100,0

Личностный ресурс, в основу которого положены индивидуальность, достигательные установки, творчество в труде, креативность, ответственность, является одной из наиболее зыбких категорий, составляющих образ современного рабочего. В индустриальном обществе основной формой идентификации был коллективизм. Информационное общество отличается крайними формами индивидуализации, которая, по словам З. Баумана, состоит «в преобразовании человеческой идентичности из “дано” в “найти” и возложении на отдельных людей ответственности за выполнение этой задачи и за последствия их действий». «Люди больше не рождаются со своей индивидуальностью. <...> Современность заполняет гетерономное определение социального положения обязательным самоопределением» [2, с. 39]. Чтобы защитить свою индивидуаль-

ность, современному рабочему необходим целый набор качеств, которые становятся критериями личностного ресурса: гибкость и адаптивность, инициативность, креативность.

Женщины в большей степени, чем мужчины, нацелены на работу в команде (80,1 против 70,8 %). Их отличает ответственность (93,5 против 85,2 %), дисциплинированность (77,4 против 65,4 %). Мужчинам свойствен больший индивидуализм. Среди своих личных качеств они чаще, чем женщины, отмечают способность влиять на поведение людей (21,4 против 12,6 %), самостоятельность в принятии решений, инициативность (21,4 против 12,6 %). Мужчины чаще испытывают гордость за свою профессию (33,4 против 26,5 %). В своих субъективных оценках они являются более гибким и креативными.

Ни мужчины, ни женщины не хотели бы, чтобы дети продолжили их дело (69,4 и 80,6 %). Такие настроения вызваны снижением престижа рабочих специальностей как в глазах самих рабочих, так и молодежи, которая потенциально могла бы пополнить их ряды. Молодежь либо отказывается выбирать в качестве профессиональной карьеры рабочие профессии и не готова поступать в образовательные учреждения, занимающиеся подготовкой рабочих кадров, либо считает профессию рабочего временным этапом в профессиональной жизненной стратегии, что усугубляет и так достаточно сложное положение производственных отраслей экономики. К этому добавляется нежелание самих рабочих видеть своих детей в качестве продолжателей рабочих династий.

Социальный ресурс представлен включенностью рабочих в формальные и неформальные сети. И мужчины, и женщины в качестве наиболее значимой социальной группы признают семью (87,2 и 86,6 %). Для мужчин чаще, чем для женщин, значимость приобретает включенность в территориальное сообщество (26,2 и 16,9 %) и этническую группу (21,5 и 10,1 %). Женщины в несколько большей степени представлены в социальных сетях (48,9 и 40,2 %) и профессиональных сообществах (21,1 и 17,7 %). В целом гендерные различия в рамках социального ресурса выражены незначительно.

В основе *ценностного ресурса* — совокупность ценностных ориентаций рабочих и отношение к труду как основополагающей жизненной ценности. Пятерку наиболее значимых ценностей в среде рабочих составляют: семья (мужчины — 19 %, женщины — 19,5 %), здоровье (15,9 и 18,4 %), высокий доход (14,8 и 13,3 %), свобода (11,1 и 6,6 %) и любовь (9,7 и 12 %).

Ценность труда занимает шестое место в списке ценностей современных рабочих. Предположение К. Маркса, который, характеризуя общество будущего, отметил, что «труд перестает быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни» [7, с. 20], в современном обществе не находит своего подтверждения.

Ценным для рабочих является труд как средство присвоения материальных благ — заработная плата (мужчины — 35,4 %, женщины — 34,7 %) и труд как средство получения морального поощрения — уважение коллег (20,4 и 23,2 %), внимание руководства (6,9 и 10 %). Такие составляющие, как успех предприятия, творчество в труде, карьера, не являются основополагающими для современных рабочих (табл. 5). Это связано прежде всего с тем, что, как пишут Б. Г. Тукумцев и В. Ю. Бочаров, «по мере изменения технического ук-

лада производства и внедрения новых наукоемких технологий, наряду с позитивными результатами, происходит сокращение возможности внешнего, неразрушающего контроля над деятельностью непосредственного исполнителя. Брак в работе (отклонения от заданного алгоритма или откровенные упущения) может быть обнаружен лишь на заключительной фазе производства или даже только на стадии потребления произведенной продукции. Как следствие, предприятие оказывается заложником отношения исполнителей к своему месту работы, их заинтересованности в успехе всего производства в целом» [11, с. 123—124].

Таблица 5

**Распределение ответов на вопрос
«Что для Вас является ценным в трудовой деятельности?»**

Направленность ценностей	Аспект труда	Мужчины	Женщины
Труд как средство присвоения материальных благ	Заработная плата	35,4	34,7
	Возможность приработка	7,7	5,1
Труд как средство получения морального поощрения	Уважение коллег	20,4	23,2
	Внимание руководства	6,9	10,0
	Признание заслуг	6,0	6,1
Труд как процесс: содержание труда	Творчество в труде	3,7	3,8
	Принятие решений	3,1	1,3
Труд как результат: продукт труда	Карьера	6,6	4,4
	Успех предприятия	10,2	11,4
<i>Всего</i>		100,0	100,0

Основу *биологического ресурса* составляют уровень здоровья и половозрастные характеристики. «Быть здоровым» для рабочего в большинстве случаев означает быть трудоспособным, иметь способность правильно работать на предприятии, быть физически и психически выносливым.

Женщины более критичны в отношении своего здоровья. О том, что состояние их здоровья хорошее, говорят 43,8 % мужчин и 24,7 % женщин. О том, что состояние здоровья среднее, заявляют 44,1 % мужчин и 67,4 % женщин. И мужчины, и женщины солидарны в причинах, которые мешают поддерживать собственное здоровье: нехватка времени (23,4 %), отсутствие материальных возможностей (15,6 %), собственная лень, неорганизованность (13,4 %). Среди причин, в отношении которых мнения расходятся, выделяются: вредные привычки (мужчины — 13,1 %, женщины — 4,1 %), занятость семьей, детьми (5,3 и 9,6 %) и сложность получения качественной квалифицированной медицинской помощи (6,9 и 9,6 %).

Таким образом, изучение гендерного аспекта ресурсов современных рабочих в российских условиях показывает следующее. Несмотря на то что женщины имеют более высокий уровень образования, они чаще, чем мужчины, вынуждены выполнять работу, не соответствующую их образованию, специальности по диплому и квалификации. Занятость на низкоквалифицированных

должностях не позволяет женщинам накапливать ресурсы вторичной модернизации в качестве активов, способных приносить экономические дивиденды. Они часто не имеют возможности для повышения квалификации, переобучения, с большей критичностью подходят к восприятию нововведений, не являются инициаторами инноваций. Это затрудняет возможности их активного участия в модернизационных процессах и, как следствие, движение в сторону интегрированной модернизации.

Библиографический список

1. Аврамова Е. Д., Логинов Д. М. Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности // *Обществ. науки и современность*. 2002. № 5. С. 24—34.
2. Бауман З. *Текущая современность*. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
3. Горшков М. К. *Российское общество как оно есть : (опыт социологической диагностики)*. М. : Новый хронограф, 2011. 672 с.
4. Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М. К. Горшкова, Р. Кумма, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь мир, 2010. 343 с.
5. Давыдова Н. М., Тихонова Н. Е. Методика расчета ресурсной обеспеченности при анализе социальной стратификации // *Социол. исслед.* 2006. № 2. С. 29—41.
6. Заславская Т. Н. *Современное российское общество: социальный механизм трансформации*. М. : Дело, 2004. 398 с.
7. Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* 2-е изд. Т. 19. С. 9—32.
8. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Экон. социология*. 2002. Т. 3, № 4 (сент.). С. 20—32.
9. Тихонова Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // *Социол. исслед.* 2006. № 9. С. 28—41.
10. Тихонова Н. Е. *Социальная стратификация в современной России : опыт эмпирического анализа*. М. : Ин-т социологии РАН, 2007. 320 с.
11. Тукумцев Б. Г., Бочаров В. Ю. Оценка включенности персонала в деятельность предприятия // *Социологические методы в современной исследовательской практике : сб. ст., посвященный памяти А. О. Крыштановского*. М. : НИУ ВШЭ, 2011. С. 123—129.
12. Шкаратан О. И. *Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России*. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009. 560 с.
13. Шкаратан О. И., Бондаренко В. А., Крельберг Ю. М. *Социальное расслоение и его воспроизводство в современной России*. М. : ГУ ВШЭ, 2003. 66 с.

СОЦИОЛОГИЯ ВОЗРАСТА

ББК 88.323.1-734

О. А. Пикулёва

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖЕНЩИН СТАРШЕГО ВОЗРАСТА: РОССИЙСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Усиление внимания к проблеме самопрезентации личности с начала 2000-х гг. объясняется, на наш взгляд, все более широким пониманием важности ее роли в жизнедеятельности человека как неотъемлемой составляющей на протяжении всей жизни. Мы подходим к самопрезентации личности как к *неотъемлемому атрибуту* любого социального взаимодействия, обуславливающему в конечном итоге успешность самореализации личности, и определяем **самопрезентацию личности** как *в различной мере осознаваемый, с учетом специфики социальной ситуации, и постоянно осуществляемый в межличностном взаимодействии процесс предъявления Я-информации в вербальном и невербальном поведении субъекта самопрезентации*. Таким образом, в процессе общения самопрезентация личности рассматривается нами, вслед за И. Гоффманом [7], как общая особенность социального поведения, как *постоянный процесс предъявления Я-информации*, который изменяет свой характер (осознаваемый/неосознаваемый) в зависимости от целей индивида — субъекта самопрезентации и специфики социальной ситуации. Общаясь с окружающими, человек использует широкий спектр тактик и стратегий самопрезентационного поведения. Какие-то тактики используются нами осознанно для достижения конкретных целей, какие-то неосознанно, как реактивное поведение (обычно в рутинных для человека ситуациях).

В табл. 1 приведены защитные и ассертивные тактики самопрезентации, выделенные коллективом зарубежных исследователей (С.-Дж. Ли и др., 1999) и отнесенные нами к определенным группам — **стратегиям самопрезентации личности** [3].

Отметим, что исследования, проведенные нами в 2004 и 2010 гг. на российской выборке при помощи методики С.-Дж. Ли с соавторами, показали, что в процессе самопрезентации, независимо от степени осознания своих поведенческих действий, человек использует, как правило, практически весь спектр тактик и стратегий. Предпочтение тем или иным тактикам отдается в зависимости от социального контекста, личностных особенностей, а также целей и задач, *обусловленных в основном социальным статусом и профессиональной деятельностью* субъекта самопрезентации. При этом, несмотря на универсальность мотивов самопрезентационного поведения, наблюдаются значительные индивидуальные различия в осуществлении самопрезентации. Эти различия имеют как гендерный и лично-возрастной, так и профессиональный характер [2, 3, 8].

Таблица 1

Стратегии и тактики самопрезентации личности

Стратегии самопрезентации	Тактики самопрезентации
Уклонение (признак «уход от ответственности и избегание решительных действий»)	Оправдание с отрицанием ответственности (З) Отречение (З) Препятствование самому себе (З)
Аттрактивное поведение (признак «поведение, вызывающее благоприятное впечатление о субъекте самопрезентации»)	Желание понравиться (А) Извинение (З) Пример для подражания (А)
Самовозвышение (признак «демонстрация высокой самооценки и доминирования»)	Сообщение о своих достижениях (А) Преувеличение своих достижений (А) Оправдание с принятием ответственности (З)
Самопринижение (признак «демонстрация слабости»)	Просьба/мольба (А)
Силовое влияние (признак «демонстрация силы и статуса»)	Запугивание (А) Негативная оценка других (А)

З — тактика защитного типа самопрезентации;

А — тактика ассертивного типа самопрезентации.

Анализ научной литературы выявил недостаточность внимания исследователей к проблематике самопрезентации женщин в старшем возрасте, в связи с чем представляется интересным рассмотреть различные аспекты «внешнего» (самопрезентационного) поведения женщин в связи со старением.

К вопросу о сущности понятия «старость»

Прежде чем переходить к рассуждениям о сути понятия «старость», следует отметить, что вопрос этот относится к числу вечных. Несмотря на то что первые определения старения и его причины относятся еще к античной эпохе, точного определения по-прежнему нет и ведутся дискуссии вокруг того, что считать старостью, ее первыми проявлениями, что такое возраст старости и каковы его границы. Очевидно, что границы старости очень размыты. Кто-то чувствует себя глубокой старухой в 50 лет, а для некоторых и 80 лет не помеха для активной и интересной жизни. Основная трудность в определении этого понятия в том, что старение — процесс длительный, плавный, не существует точной границы, которая отделяет старость от среднего возраста.

По данным Л. Пресняковой, сегодня в российском массовом сознании не существует единого общепринятого представления о возрастной границе старости: этот порог практически с равной частотой опрошенные относят к интервалам от 50 до 54 лет, от 55 до 59 лет и от 60 до 64 лет. Начало старости, «размытое» в массовых представлениях «где-то после 50 лет», у женщин и мужчин чуть чаще соотносится со временем их выхода на пенсию (соответственно 55 и 60 лет) [4].

В целом старение — процесс индивидуальный, у одних людей он начинается раньше, у других позже. И. Григорьева полагает, что большое значение в оценке старения имеет возрастная самопрезентация, т. е. возраст, с которым

идентифицирует себя сам пожилой человек. Социальные аспекты самопрезентации, таким образом, тесно связаны с представлениями значительной части общества о том, в каком возрасте мужчину или женщину можно считать пожилыми или старыми, какое место в обществе должны они занимать [1].

На наш взгляд, истоки ранних представлений о старости следует искать в ответе на более «ранний» вопрос: что является *средним возрастом*? Опросы, проводимые нами в 2011—2012 гг., выявили, что большинство опрошенных (74,8 %) считают средним возрастом 35—40 лет. Нетрудно сделать вывод, что субъективно «порция жизни» человека составляет около 70 лет и последние полтора десятка лет в его мироощущении — это старость. Думается, внутреннее (субъективное, для себя) определение среднего возраста создает у человека представления о содержательной наполненности отрезков его жизни, фиксируя его социальную активность в каждом возрастном периоде. Небезынтересно, что, по результатам наших наблюдений, женщины, определяющие свой верхний рубеж среднего возраста большим числом лет, не считают постпенсионный период временем заката, они ведут активный образ жизни и тщательно относятся к уходу за своей внешностью.

Так, британская писательница С. Таунсенд одну из своих книг назвала «Публичные признания женщины средних лет в возрасте 55 $\frac{3}{4}$ » [5], т. е. старость для этой женщины еще долго не начнется. Отметим, что в российской выборке подобные цифры не приводились, и зададимся вопросом: а что, собственно, мешает нам — россиянкам — считать также?

По данным многочисленных исследований, в имплицитном представлении российской молодежи слова «старость» (так и просится добавить — «не радость»), «старая женщина», «старуха» обладают достаточно тоскливыми и безнадёжными характеристиками: закат жизни, унылая и непривлекательная внешность, неприятные манеры общения, дефицит физических, энергетических и социальных ресурсов и др. Принимая дефицит ресурсов различного рода, утрату социального статуса за объективные факторы, сосредоточим внимание на субъективных социально-психологических факторах старости — особенностях самопрезентации личности в пожилом возрасте, сделав акцент на особенностях внешности женщин и использования ими различных тактик самопрезентации.

Такая внешне разная старость

Традиционно в психологии старения выделяют *календарный (хронологический) возраст* — как объективный показатель, выражаемый в абсолютных физических единицах времени; *функциональный (биологический) возраст*, который отражает возрастную динамику физиологических функций, определяется генетическим компонентом, образом жизни, перенесенными заболеваниями, стрессовыми ситуациями, физической, психической и интеллектуальной активностью; *психологический возраст* — как показатель, характеризующий возрастные измерения психики. Большинство исследователей отмечает, что разграничение на периоды является условным, поскольку календарный (хронологический) и биологический, календарный и психологический возрасты не всегда совпадают. В аспекте несоответствия биологического и психологического возрастов хронологическому представляется интересным — через приз-

му внешне наблюдаемого самопрезентационного поведения женщин старшего возраста — рассмотреть различные типы старения женщин.

В результате проведенного нами эмпирического исследования с использованием методов включенного наблюдения, разработанных авторских анкет экспертной оценки внешне наблюдаемого поведения нами выделены пять условных типов самопрезентационного поведения женщин пенсионного возраста. Отметим, что названия типов собирательно определялись экспертами из числа сотрудников социальных центров для пожилых. Объектом нашего наблюдения явились 547 женщин, городских жительниц в возрасте от 56 до 92 лет. Период наблюдения составил 6 лет (2005—2011 гг.).

- Хронологический возраст **значительно выше** психологического и биологического

А. *Не по годам молодящаяся женщина* — 8,9 % (излишне яркий макияж, вплоть до крайнего варианта — гротескные черные брови, тени на все веко, ярко-розовая или красная помада; броские маникюр и педикюр; одежда и аксессуары, призванные демонстрировать сексуальную привлекательность, — короткие юбки, декольте, прозрачные и яркие ткани, обилие декоративных украшений, длинные распущенные волосы и т. п.).

Б. *Элегантная дама с шармом* — 7,6 % (неброский макияж глаз и губ; элегантная стрижка с укладкой; ухоженные руки с неярым маникюром; стильные украшения — либо золотые, либо серебряные, носимые не вместе; часто — брючный вариант одежды; аксессуары — шарфы, косынки, палантины и т. п., подобранные к обуви, сумке). Интересно отметить, что верхний предел возраста для этого типа женщин, встретившийся в нашем исследовании, был 92 года. Данный факт, по нашему мнению, лишь подтверждает то, что при желании можно быть элегантной независимо от возраста старости и физических показателей здоровья.

В. *Спортивная женщина* — 12,5 % (удобная одежда — стиль «уличный casual» (джинсы, слаксы, ветровки) либо спортивный; короткая стрижка; удобная обувь без каблука, часто спортивная; макияж, если присутствует, очень умеренный). Нередко встречаемый вариант среди иностранных пенсионеров — веселые и позитивные пожилые люди с искрой во взгляде, которые шутят, ходят в шортах и активно путешествуют.

- Хронологический возраст **значительно ниже** психологического и биологического

Г. *Тетка с «авоськой»* — 32,4 % (трикотажная одежда из ткани пестрой/цветастой расцветки; обилие украшений — либо золотых в большом количестве, либо бижутерии из крупных природных камней; короткая стрижка, иногда в комплекте с химической завивкой, либо волосы, сколотые на затылке заколкой). Во внешнем облике женщины этого типа часто ощущается общее отсутствие вкуса.

Д. *Рано состарившаяся женщина* — 38,6 % (отсутствие макияжа и маникюра, педикюра; унылая и бесформенная, часто давно вышедшая из моды одежда; прическа, не требующая укладки, — либо короткая стрижка, либо «узелок» на затылке; давно не крашенные волосы, с сильно отросшими корнями или полностью седые). Здесь могут встречаться два противоположных варианта характеристик внешнего вида: 1) очень опрятный и 2) неопрятный.

По нашему мнению, тип Д 1) представляет определенный психологический соблазн для женщин, которые испытывают чувство усталости (в силу разных причин) от необходимости иметь «товарный» вид на рынке межполовых отношений, и осознанный выбор этого стиля самопрезентации может сопровождаться появлением ощущения внутренней свободы от социальных условностей. Этот процесс возрастного «освобождения» блестяще описан в романе «Дама в синем» французской писательницы Н. Шатле [6].

Обобщая наши наблюдения и результаты проведенных фокус-интервью, можно отметить, что в целом окружающие судят о возрасте женщины по наличию или отсутствию привычки следить за собой: как утверждают респонденты (37,2 %), пожилой можно назвать женщину в возрасте от 50 лет, «которая все время брюзжит и не ухаживает за собой». И поскольку вербальное самопрезентационное поведение проявляется в использовании различных тактик самопрезентации, представляется необходимым рассмотреть особенности их использования женщинами старшего возраста.

Эмпирические исследования возрастных особенностей тактик самопрезентации

В 2003 г. нами было проведено первое социально-психологическое исследование по изучению возрастных особенностей тактик самопрезентации, объектом которого были женщины в возрасте от 23 до 60 лет. Выявлено, что между возрастом женщин и выраженностью некоторых тактик самопрезентации существует обратная взаимосвязь, т. е. чем старше женщина, тем реже она проявляет во внешнем поведении определенные тактики самопрезентации (по классификации С.-Дж. Ли и др.), в частности «оправдание с принятием на себя ответственности» и «преувеличение своих достижений». Таким образом, согласно данным этого исследования, чем старше женщина, тем реже она оправдывается с помощью весомых доводов и социально одобряемых причин и тем реже она подчеркивает значимость своих достижений, говорит о своих успехах и достоинствах [3].

В 2004 г. нами было проведено второе эмпирическое исследование, предметом которого явились гендерные, личностные и возрастные особенности тактик самопрезентации в различных возрастных группах женщин и мужчин (молодости, зрелости и старости; возрастной диапазон от 18 до 76 лет). Среди методов изучения индивидуально-психологических особенностей: личностных свойств, когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов «образа Я» — и самопрезентации были представлены:

— шкала самомониторинга М. Снайдера (Self-monitoring scale — M. Snyder, 1987);

— шкала измерения тактик самопрезентации С.-Дж. Ли, Б. Куигли и др. (Self-presentation tactic scale — S.-J. Lee et al., 1999), содержащая 12 тактик защитного и асертивного типов самопрезентации (табл. 2);

— шкала самооценки мотивации одобрения Д. Крауна и Д. Марлоу (Social desirability scale — D. Crowne, D. Marlowe, 1964);

— тест «20 высказываний КТО Я» М. Куна и Т. Макпартлэнда (Twenty statements self attitude test — M. Kuhn, T. McPartland, 1966);

— биографический опросник, BIV (Biographisches Inventar zur Diagnose von Verhaltenstorungen — R. Jager, S. Lischer et al., 1976);

— субтесты «Умозаключение», «Словарь» из методики оценки общих и специальных технических особенностей Дж. Фланагана (J. C. Flanagan, 1957).

По результатам исследования было выявлено следующее.

1. В целом гендерные различия в самопрезентационном поведении женщин и мужчин слабо дифференцированы. В то же время обнаружено, что для женщин характерна тенденция проявлять более ассертивное самопрезентационное поведение в старший возрастной период (от 45 лет) по сравнению с периодом молодости и зрелости ($p < 0,05$). Так, тактики «запугивание» и «негативная оценка других» в период зрелости используются женщинами более часто, чем в период зрелости. У мужчин, в свою очередь, отмечается склонность к менее частому использованию тактик ассертивного типа (в частности, тактик «запугивание» и «негативная оценка других») в период зрелости (старше 45 лет) по сравнению с периодом молодости и зрелости.

Представляется интересным отметить гендерные и возрастные различия в использовании тактик «препятствование самому себе» и «просьба/мольба». Содержание этих тактик заключается в вербальных высказываниях о своих болезнях, слабом здоровье и чрезмерной нагрузке как причинах своих неудач и обозначении своей слабости (или беспомощности) с целью получения желаемого. У женщин отмечается тенденция использовать эти тактики реже по мере увеличения возраста, а у мужчин — наоборот, с возрастом эти тактики используются чаще в социальном взаимодействии.

Рассматривая данные табл. 2, можно отметить статистически значимые различия между тремя возрастными группами (молодость, зрелость и зрелость) в отношении следующих тактик самопрезентации: «препятствование самому себе», «желание понравиться», «запугивание» и «приписывание себе достижений».

В отношении тактики «препятствование самому себе» выявлены различия между группой молодости (18—30 лет) и группами зрелости (31—45) и зрелости (от 45 лет). Таким образом, на раннем этапе акмеологического развития, в возрасте от 18 до 30 лет, люди используют внешние причины для оправдания своих неудач чаще, чем в периоды зрелости и зрелости. Что касается тактики «желание понравиться», ситуация противоположная: представители более старшего возраста (от 45 лет) используют ее более часто, чем люди молодого и зрелого возрастов.

Относительно тактик самопрезентации «запугивание» и «сообщение о своих достижениях» можно сказать, что статистически значимые различия обнаружены между группой молодости и группой зрелости, между группой зрелости и группой зрелости. Так, люди молодого возраста чаще, чем люди периода зрелости, проявляют угрожающее поведение по отношению к другим, а представители периода зрелости чаще говорят о своих успехах, достоинствах и преувеличивают их, чем представители периода зрелости.

Таблица 2

**Средние значения тактик самопрезентации
 в периоды молодости, взрослости и зрелости**

Типы тактик	Г р у п п ы		
	молодости (18—30 лет)	взрослости (30—45 лет)	зрелости (старше 45 лет)
Оправдание с отрицанием ответственности (З)	3,65	3,74	3,70
Оправдание с принятием ответственности (З)	3,95	3,83	3,90
Отречение (З)	3,85	4,08	4,14
Препятствование самому себе (З)	3,67*	3,14*	2,94*
Извинение (З)	6,25	6,39	6,27
Желание понравиться (А)	3,48*	3,27*	4,15*
Запугивание (А)	2,65*	2,03*	2,43
Просьба/мольба (А)	3,57	3,25	3,42
Сообщение о своих достижениях (А)	3,66	3,27*	4,11*
Преувеличение своих достижений (А)	3,43	3,27	3,69
Негативная оценка других	3,15	2,88	3,04
Пример для подражания (А)	4,03	4,25	4,46
Защитный тип самопрезентации	4,27	4,22	4,19
Ассертивный тип самопрезентации	3,40	3,13*	3,58*

* — различия значимы;

З — защитный тип тактики самопрезентации;

А — ассертивный тип тактики самопрезентации.

В целом можно отметить, что ассертивный тип самопрезентации становится преобладающим в поведении людей старшего возраста.

2. Определены статистически значимые различия между возрастными группами в отношении показателей *нейротизма, экстраверсии, социального положения и социальной активности*. Представители периода взрослости (30—45 лет) имеют менее высокий уровень тревожности и эмоциональной лабильности, чем люди молодого возраста (18—30 лет) и зрелого (от 45 лет). При этом у них также отмечается менее высокий, по сравнению с периодом зрелости, уровень общительности и импульсивности, отражаемый показателем «экстраверсия». Рассматривая показатели социальной активности и социального положения, можно отметить, что люди молодого и взрослого возраста имеют более высокий уровень напряженности в личных и социальных ситуациях, большие трудности при установлении контактов и раскрытии себя, чем люди зрелого возраста. Следовательно, у людей зрелого возраста отмечается лучшая по сравнению с предыдущими возрастными периодами социальная адаптированность и отсутствие робости в раскрытии себя другим.

Можно сделать вывод, что в периоды молодости и зрелого возраста люди проявляют в социальном взаимодействии сильные эмоциональные реакции, общительность, активность, импульсивность наряду с выраженной тревожностью и чувствительностью, благодаря субъективному ощущению свободы от

социально заданных «рамки поведения». В период же взрослости — от 30 до 45 лет — люди проявляют более низкий уровень эмоциональной лабильности, тревожности при частом выражении напряжения в личных и социальных ситуациях, по сравнению с периодом молодости и зрелости.

3. По результатам корреляционного анализа установлено, что, в отличие от мужчин, у женщин показатель мотивации одобрения отрицательно связан только с тремя тактиками ассертивного типа: «запугивание», «преувеличение своих достижений» и «негативная оценка других». Таким образом, чем более значимы для женщин оценки и мнения других людей, тем реже они говорят о своих успехах, достижениях и преувеличивают их, высказывают негативные оценки и критику в адрес других людей, демонстрируют угрожающее поведение.

4. У женщин отмечается большее количество взаимосвязей показателей интеллекта с тактиками самопрезентации, наиболее значимой является взаимосвязь оценок по тесту «умозаключение» с тактикой «запугивание». Чем выше у женщин способность к аналитико-синтетической деятельности, тем чаще они используют тактику запугивания, а также другие ассертивные тактики: «сообщение о своих достижениях», «преувеличение своих достижений», «негативная оценка других». При этом они также чаще используют тактику «извинение». Полагаем, что благодаря своему содержанию эта тактика используется людьми как некая «норма вежливости», поскольку предполагает извинение в случае собственной неправоты или «неправильного поведения» по отношению к окружающим. Таким образом, чем выше уровень интеллекта у женщин, тем шире их репертуар самопрезентационных тактик и тем чаще они используют тактику извинения как способ восстановления прежней, положительной идентичности в глазах окружающих.

5. Рассматривая структуры корреляций, полученные в женской выборке, представляется интересным отметить концентрированность показателей самооценки (по тесту «Кто Я») в поле тактики самопрезентации «препятствование самому себе». Чем более объективно оценивает себя женщина, осознавая свои социальные роли, тем менее часто она использует эту тактику в социальном взаимодействии, а чем меньше уровень осознанности своих социальных ролей у женщин и больше степень сфокусированности на особенностях своей внешности и характера, тем более часто женщины прибегают к этой тактике, объясняя причины своих неудач внешними обстоятельствами и препятствиями в виде болезней, слабого здоровья и чрезмерных нагрузок.

Обобщая результаты проведенных нами исследований, важно выделить такие особенности самопрезентации женщин старшего возраста, как активное использование в общении ассертивных тактик самопрезентации личности, среди которых часто присутствует тактика «запугивание», проявляющаяся в высказывании угроз, негативных оценок людей, их действий и др., и тенденция к *снижению мотивации социального одобрения*, что в целом выражается в коммуникативном поведении, не вызывающем симпатии у окружающих. Следует, однако, заметить, что поскольку мы использовали метод поперечных срезов, затруднительно делать однозначные выводы относительно динамики половозрастных изменений в самопрезентационном поведении и факторов, оказывающих влияние на этот процесс.

На наш взгляд, совершенно несправедливо, что российские женщины, по праву считающиеся одними из самых красивых женщин в мире в период своего расцвета, очень быстро соглашаются, что с вступлением в пенсионный возраст для них начинается время старости. Это глубочайшее заблуждение приводит к тому, что женщина часто поддается соблазну освободиться от необходимости держать «товарное лицо», «машет рукой» на свою внешнюю привлекательность, приходит к осознанному самоисключению из рынка активных социальных отношений и зачастую становится равнодушной к социальному одобрению, проявляя свое «внутреннее через внешнее» определенным стилем самопрезентации личности. Искусство старения — это очень важное искусство, которому нужно добросовестно учиться, поскольку никому из нас от старости не уйти. К сожалению, не так уж много пожилых российских женщин заботятся о своем внешнем виде и привлекательном самопрезентационном поведении. А ведь именно тогда, когда тело увядает, а красота угасает, становится особенно необходимым физические недостатки компенсировать продуманной самопрезентацией личности, а именно адекватным возрасту подбором невербальных и вербальных средств самопрезентации, в первую очередь оформлением внешности (одежда, прическа, макияж), и возмещать личным обаянием, достоинствами ума и сердца, иначе говоря — посредством навыков эффективной коммуникации с окружающими.

Библиографический список

1. Григорьева И. А. Социальное обслуживание пожилых и развитие сообществ: применим ли западный опыт в России? // Отечественные записки. 2005. № 3 (23). С. 154—167.
2. Пикулёва О. А. Психология самопрезентации личности. М. : ИНФРА-М, 2013. 320 с. (Научная мысль).
3. Пикулёва О. А. Самопрезентация личности в процессе социального взаимодействия // Вестн. СПбГУ. Сер. 6 : Философия, политология, социология, право, международные отношения. 2005. № 1. С. 85—91.
4. Преснякова Л. Социальный, материальный и эмоциональный климат старости в России // Отечественные записки. 2005. № 3 (23). С. 81—90.
5. Таунсенд С. Публичные признания женщины средних лет в возрасте 55 3/4 = Public Confessions of a Middle-Aged Woman aged 55 3/4. М. : Фантом, 2013. 384 с.
6. Шатле Н. Дама в синем ; Бабушка — маков цвет ; Девочка и подсолнухи : романы / пер. с фр. А. Васильковой. М. : СЛОВО/SLOVO, 2002. 352 с.
7. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. New York : Anchor books, 1959. 261 p.
8. Schlenker B. Self-presentation // Handbook of Self and Identity / M. Leary et al. New York : Guilford, 2003. P. 488—518.

Г. Г. Сорокин

БАБУШКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Последние пятьдесят лет в возрастной структуре населения России неуклонно возрастает доля представителей старшего поколения. Сегодня из 142 млн россиян 30,7 млн — граждане в возрасте старше трудоспособного [4, с. 109]. 72 % всех пенсионеров составляют женщины. При этом ожидаемая продолжительность жизни мужского населения — 62,9 лет, женского — 75 лет [2]. Россия медленно, но верно превращается в страну стариков. А точнее, в страну пожилых женщин. Изменение возрастной структуры Российской Федерации, с некоторым отставанием, подвержено общемировым тенденциям. Но и само старение населения в нашей стране, и процессы, ему сопутствующие, имеют некоторые специфические черты, предопределенные социально-экономическими детерминантами, а также менталитетом. Об одном из таких ментальных факторов, феномене русской бабушки, пойдет речь в данной статье.

В социальном портрете россиян старшего возраста присутствует ряд черт, предопределенных советской закваской: ориентация на ценности коллективизма, выносливость, трудолюбие, самоотдача и др. Г. Г. Силласте дает следующую характеристику представителю этой демографической группы: «Как правило, он энергичный трудоголик, работающий и после выхода на пенсию; человек, проработавший в полную силу десятки лет “на благо общества”, отдавший своей профессии все силы рук, разума и сердца. Он прожил трудную жизнь. Пережил тяжелые войны, трудился на восстановлении народного хозяйства, создал страну с мощной экономикой» (цит. по: [1, с. 4]). Многие социологи (В. В. Семёнова, В. А. Ядов, Т. Б. Рябова и др.) отмечают доминирование в ролевом наборе пожилых россиян социальных ролей, связанных с выполнением обязанностей бабушек и дедушек, воспитателей своих внуков и трансляторов культурного капитала. Характерный для России образ бабушки=мамы породил в социологии понятие «русская бабушка» (*russian babushka*). В отечественных источниках этот термин используется для характеристики пожилых женщин, самоотверженно служащих своим внукам. Русские бабушки не только проводят значительную часть свободного времени с внуками, но также очень много разговаривают с ними. Именно последнее обстоятельство оказывает на детей огромное воспитательное воздействие [5]. Для западных бабушек тесное общение с внуками является скорее исключением, чем правилом. Термин «русская бабушка», как ни парадоксально это звучит, вовсе не несет национальной окраски. Его возникновение, вероятно, связано с привычкой иностранцев (главным образом, американцев) называть русскими всех жителей бывшего СССР.

Отметим, что феномен русской бабушки в социологии иногда представляется в негативном свете. Им подчеркивается большая зависимость пожилых россиянок от семьи, а также стремление восполнить эту зависимость заботой о близких и обо всем обществе. Более того, наличие в обществе данного феномена рассматривается как индикатор его отсталости. Например, возникновение института бабушек в СССР нередко представляется как результат недостаточного количества и низкого комфорта учреждений по дошкольному и внешкольному воспитанию детей. Но все же в подавляющем большинстве современных источников этот феномен оценивается как социально значимый, отмечается его исключительная роль в воспитании молодого поколения. Хотя вспоминают о «русской бабушке» сегодня чаще как о чем-то уходящем в прошлое. Согласно прогнозам отечественных демографов (в частности, Н. М. Римашевской), социальные трансформации в российском обществе, связанные прежде всего с повышением экономической активности пожилых граждан, приведут к исчезновению в ближайшем будущем феномена русской бабушки [3].

Наши многолетние наблюдения за жизнью пожилых россиян также подтверждают прогнозы демографов. Но при этом мы считаем, что главным фактором исчезновения феномена русской бабушки является не повышение экономической активности пожилых людей, а тенденция увеличения в обществе нуклеарных семей, приводящая к отдалению детей от своих бабушек и дедушек. Это не может не сказаться на протекании процессов межпоколенного взаимодействия, и в том числе на воспитательном воздействии старшего поколения на молодежь. Что касается повышения экономической активности пожилых, то влияние этого фактора неочевидно. Нередко уже после выхода на пенсию россияне продолжают работать, чтобы поддержать своих детей и внуков. Это происходит тогда, когда внуки достигают среднего школьного возраста, и необходимости в постоянном присмотре за ними уже нет. Иными словами, и профессиональная активность пожилых россиянок часто вызвана заботой о своих близких.

Осенью 2012 г. нами было проведено социологическое исследование, далекое от темы данной статьи. Оно было направлено на изучение структуры досуга пожилых граждан. Неожиданно мы открыли для себя, что зачастую пожилые женщины оказываются стержнем, на котором держится вся их семья. Они не прогибаются под тяжестью жизненных обстоятельств, не падают духом, в то время как мужчины и более молодые родственники от отчаяния опускают руки. Приведем только несколько примеров, взятых из интервью с пожилыми жительницами Тюмени.

Н. Ф. (65 л.). Рано потеряла мужа. Выйдя на пенсию, занялась бизнесом. Пригодился многолетний опыт работы экономистом. Торговала одеждой на рынке, затем открыла несколько отделов в магазинах. Привлекла к семейному бизнесу обеих дочерей, фактически трудоустроила их. Очень много времени проводит с внуками. Дочери живут далеко, но детские сады специально выбрали так, чтобы бабушка могла забирать внуков.

М. Д. (70 л.). Единственного сына бросила жена, оставив ему двухлетнего ребенка. Мужчина не справился с этим потрясением и вскоре спился. Смыслом

жизни М. Д. стало воспитание внука. Она устроилась работать техничкой в учреждение, где когда-то до пенсии занимала должность инженера. Трудовую деятельность продолжала, пока внук не закончил университет.

Л. А. (62 г.). Сын и его жена погибли, оставив на попечение бабушки внука-студента. Пришлось перебраться из деревни в город, чтобы заботиться о нем. Ей удалось устроиться лаборантом в медицинское учреждение. Каждые выходные она навещает мужа — инвалида 2-й группы, который остался присматривать за деревенским домом и хозяйством. Деревня находится в 150 километрах от города.

Феномен русской бабушки — это очередное свидетельство уникальности российских женщин, для которых собственное счастье неотделимо от счастья и благополучия их близких. Нельзя однозначно сказать, исчезает ли феномен русской бабушки в нашей стране или он обретает новые формы. Но то, что в настоящее время значительная часть пожилых россиянок живет жизнью «русской бабушки», — неоспоримый факт. И это обстоятельство несет луч надежды и оптимизма в наше смутное демографическое будущее.

Библиографический список

1. *Богданов В.* Пенсия: время жить или доживать? // Родная газета. 2010. № 21. С. 4.
2. *Вишневский А.* Голикова «нарисовала» социальный портрет пожилого россиянина // Демоскоп. 2010. № 441—442. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0441/gossia01.php> (дата обращения: 20.07.2012).
3. *Римашевская Н. М.* Тесно, скучно и папа на работе... // Комс. правда. 2008. 11 февр. URL: <http://www.kp.ru/daily/24046.5/101255/> (дата обращения: 30.06.2012).
4. Российский статистический ежегодник, 2011 : стат. сб. М. : Росстат, 2011. 795 с.
5. *Семёнова В. В.* Бабушки: семейные и социальные функции прародительского поколения // Судьбы людей: Россия, XX век : биография семей как объект социологического исследования. М. : Ин-т социологии РАН, 1996. С. 326—354.

ГЕНДЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА

ББК 81.432.1-006

А. А. Григорян

К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНОЙ МАРКИРОВАННОСТИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Известно, что английский язык (как, впрочем, и подавляющее большинство других языков) не только антропоцентричен — он андроцентричен. Это находит отражение в целом ряде параметров структуры языка, среди которых можно выделить как гендерно-универсальные, так и гендерно-специфические характеристики. Представляется, что было бы неверно абсолютизировать ни универсальность, ни специфичность исследуемых свойств. Мы сосредоточимся на особенностях гендерной маркированности английского языка, т. е. мир, взятый в его вербализованном варианте, все же по-разному гендерно «окрашен». Это проявляется, в частности, в количественной и качественной представленности такого явления, как сексизм в языке, что, в свою очередь, ведет к различиям в стратегии и тактике попыток гендерно-сенситивного реформирования языка. Например, основной стратегией, которая применяется при проведении гендерных языковых реформ в англоговорящем мире, была стратегия гендерной нейтрализации (дегендеризация). В то же время во Франции и Германии усилия реформаторов, наоборот, были направлены на то, чтобы гендерный фактор ощущался как можно более явственно (регендеризация и/или энгендеризация). Такая разнонаправленность в какой-то степени объясняется наличием или отсутствием грамматической категории рода в соответствующих языках.

Если согласиться с тем, что мир конструируется и обретает смысл посредством языка, то вся наша (общечеловеческая) история, философия, религия, право являются результатом мужского восприятия и организации, структурирования мира. Учитывая, что мужской взгляд на положение дел в мире (мужская картина мира) транслируется столетиями, совершенно неудивительно, что именно он считается объективным, естественным и правильным. Действительно, между понятиями «привычное» и «правильное» очень легко поставить знак равенства. Именно поэтому мужские ценности считаются нормой и, следовательно, носят нормативный характер в самых разных лингвокультурах. Таким образом, получается, что в языке — не в последнюю очередь — следует

искать ключ к оспариванию и в конечном счете изменению сложившейся ситуации. Возможно, именно это имеется в виду в заявлении Д. Харауэй о том, что «grammar is politics by other means» [1, p. 3].

Учитывая сказанное и используя возможности Британского национального корпуса (British National Corpus — BNC), представляется интересным проанализировать ситуацию с гендерной маркированностью некоторых значимых сегментов лексико-грамматической системы английского языка. Прежде всего любопытно проследить ситуацию с различными формами обращений и титулами. Речь идет о словах типа *Miss, Mrs, Ms, chairman, chairperson, chair, doctor, lady, woman*, etc. Не секрет, что значительное количество людей считает бессмысленными, не заслуживающими внимания (в лучшем случае — забавными) попытки реформирования этого подраздела структуры языка. С другой стороны, на наш взгляд, важность подобных обозначений в языке трудно переоценить, поскольку они являются своеобразными индикаторами социального статуса женщин в обществе. Действительно, если к женщине обращаются *the Mrs* или *the little woman*, то это свидетельствует о ее замужнем статусе. Неудивительно поэтому, что женщины предпочли бы принимать активное участие в выборе слов, при помощи которых к ним обращаются и которыми их обозначают.

Известно, что традиционно некоторые сферы деятельности — особенно те, которые связаны с так называемыми *high status professions* (престижные профессии), — на Западе считаются мужскими. Соответственно и слова, обозначающие, например, врачей, относятся (по умолчанию) к мужчинам. Женщин же, профессионально занимающихся врачебной практикой, язык обозначает иначе: *lady/woman doctor* и даже *doctoresse*. Согласно данным BNC *woman doctor* встречается 20 раз, а *man doctor* — 1 раз; *lady doctor* — 13 раз, а *gentleman doctor* — ни разу; *male doctor* — всего 3 раза. Эти цифры и обозначения говорят сами за себя. Язык прибегает к различным модификациям родового термина *doctor* (суффиксация — *doctoresse*, создание сложных слов — *woman doctor*, использование имен прилагательных в препозиции к существительному — *female doctor*), чтобы показать, что речь идет не о норме, а о каких-то вариантах, отклонениях от нее. Справедливости ради отметим, что бывает и наоборот. Так обстоит дело, например, со словосочетаниями *male nurse, male midwife, male model, male prostitute*. Маркированным здесь является именно вариант с *male*, а нормой — просто *nurse, midwife, prostitute* и *model*. Неслучайно в BNC насчитывается 20 случаев *male nurse* и только один — *female nurse*; 13 — *male model* и всего 6 — *female model*; 6 — *male prostitute* и лишь 2 *female prostitute*. Во всех этих случаях едва ли можно говорить о престижных (с точки зрения социальной иерархии) профессиях. Заметим к тому же, что примеров, когда в роли базового термина выступает «женское» слово, очень немного. К уже упомянутым можно добавить, пожалуй, еще следующие две пары слов: *bride/bridegroom, widow/widower*.

Обращение *Ms*, введенное в обиход феминистами несколько десятилетий назад, можно считать своеобразным индикатором успешности проводимых реформ. По данным А. Пауэлс, количество женщин в Австралии, активно пользующихся этим обращением, почти удвоилось за период с 1986 по 1996 г.

[4, p. 144]. Аналогичные цифры приводит в своем исследовании и Дж. Холмс, опираясь на анализ ситуации, сложившейся с *Ms* в Новой Зеландии [2, p. 119]. Обратимся к BNC и сравним данные относительно частотности *Ms*, *Mrs*, *Miss* и *Mr*, полученные с помощью этого инструмента. Выясняется, что обращение *Ms* встречается 1680 раз, *Mrs* — 18 791 раз, *Miss* — 11 907 раз, а *Mr* — 51 433 раза. Несмотря на относительно большое количество случаев употребления титула *Ms*, его частотность все еще составляет порядка 6 % от всех вариантов обращений к женщинам. Кроме того, заметим, что частотность обращения *Mr* превышает суммарное количество всех «женских» обращений более чем в 1,5 раза. С. Ромейн полагает, что обращение *Ms* значительно лучше «прижилось» в США, чем в Великобритании. Она объясняет это характерным для культуры Британии большим вниманием к титулам и иным способам маркирования социального статуса [5, p. 310]. Неслучайно в британском варианте английского языка в большей степени сохраняются такие гендерно-маркированные титулы/обращения, как, например, *manageress* (102 случая фиксации в BNC) и *spinster* (156 случаев в BNC). При этом слово *spinster* ни разу не встретилось в американском Brown Corpus [ibid.]. Интересно, что слово *spinster* может служить хорошим примером того, как «женская половина» изначально равноправных, равнозначных пар слов имеет тенденцию к пейоризации своего значения. Так произошло со многими парами слов: *Sir/Madame*, *baronet/dame*, *master/mistress* и даже *king/queen*. Слово *spinster* изначально служило для обозначения прядильщиц, которые нередко были еще не замужем. Именно этот оттенок — не замужем — с течением времени вытеснил первоначальное значение и стал основным значением слова *spinster* в английском языке.

Обратимся к BNC на предмет обнаружения коллокаций со словом *spinster*. Проведенный анализ красноречиво свидетельствует об отрицательной окрашенности самого слова *spinster* и коллокаций с ним в английском языке. Справедливости ради отметим, что корпус дает несколько примеров нейтральных описательных прилагательных, встретившихся со словом *spinster*: *American*, *disabled*, *62-year-old*, etc. Большинство же словосочетаний имеют довольно ярко выраженный отрицательный характер. Речь, в частности, идет о таких вариантах, как: *gossipy*, *nervous*, *ineffective*, *dried up old*, *love-starved*, *sex-starved*, *over-made up*, *frustrated*, *lonely*, *cold-hearted*, *plain Jane*, *atrocious*, *despised*, *dreary old*, *prim*, etc.

Сравнение со словом *bachelor* — мужской половинкой пары *spinster/bachelor* — приводит к совсем иным результатам. Большинство коллокаций со словом *bachelor* либо нейтральны, либо положительны. Исключением, по данным BNC, является лишь словосочетание *bachelor wimp*, которое имеет явно выраженный отрицательный характер. Но оно встретилось лишь один раз. Приведенные примеры — еще одно доказательство того, что значения слов возникают в контексте, они конструируются и поддерживаются теми сочетаниями, в которых слово функционирует. В каком-то смысле можно утверждать, что изолированное слово не обладает четко выделяемым значением. Коллокации передают культурные ценности и стереотипы, которые язык аккумулирует на протяжении длительного времени.

В ставшей уже классической работе М. Шульц отмечается, что и относительно многих других обращений к женщине, которые когда-то были во вполне равноправных и равнозначных отношениях с соответствующими мужскими титулами, с течением времени наблюдается тенденция к обесцениванию, девальвированию [6]. В доказательство этого тезиса автор приводит следующие примеры. Слово *lord* продолжает сохранять свое изначальное значение, в то время как *lady* сегодня используется не только для обращения к женщинам высокого ранга. Исключением здесь может служить устойчивое выражение *first lady*, употребляющееся при обращении к жене первого лица государства. С другой стороны, еще в XVII в. у слова *lady* появилось значение *prostitute*, как и у слова *courtesan*, изначальное служившего для обозначения женщины при дворе монарха [ibid.]. Такая же история произошла и с парами *sir/madam*, *baronet/dame*, *master/mistress*. Мужская часть здесь сохраняет свое первоначальное значение и используется в качестве титулов и вежливых обращений. С женским компонентом этих пар слов ситуация выглядит совершенно иначе. У слова *madam* появился оттенок «хозяйка публичного дома»; *dame* приобрело значение «бабенка, дамочка» (правда, это в большей степени относится к американскому варианту языка); *mistress* также приобрело сексуальные коннотации. Заметим, что слово *mistress* шире используется в Великобритании, где оно является официальным титулом, используемым в системе школьного образования: *Headmistress*, *Vicemistress*.

В целом, сравнивая ситуации с лингвистическим реформированием в США и Великобритании, можно сделать вывод, что британский вариант отстает, запаздывает в реализации предлагаемых изменений. Это может показаться странным, т. к. обычно отстают (во всех смыслах) именно бывшие колонии. В науке даже существует специальное обозначение для этого феномена — *colonial lag* [3, p. 59—80]. Речь, как правило, идет о более консервативном характере колониальных вариантов английского языка. В частности, нередко пишут о сохранении американским вариантом формы страдательного причастия прошедшего времени *gotten* от глагола *get* и об использовании формы *fall* вместо *autumn*. Учитывая, однако, положение, занимаемое США в мире, сложившуюся ситуацию с лингвистическими новациями едва ли можно считать удивительной. Тем не менее, на наш взгляд, успех или неудачи в языковом реформировании трудно измерить только частотностью использования относительно новых форм обращений (например, *Ms* или *chairperson/chair*). Анализ наводит на мысли о том, что некоторые из этих форм используются так, что это скорее ведет к увековечиванию той гендерной асимметрии, которая закреплена в «старых» гендерно-маркированных словах. Не секрет, что именно к женщинам обращаются, используя слова и словосочетания *chairperson*, *chair*, *Madame chairperson* или даже *Madame chairman*. Иными словами, ни в коей мере не уменьшая значение и значимость усилий гендерно-сенситивной части англоговорящего мира, заметим, что ситуация с реальным реформированием может оказаться значительно сложнее, чем это можно было себе представить.

Библиографический список

1. *Haraway D.* Simians, Cyborgs, and Women : the Reinvention of Nature. New York : Routledge, 1991. 242 p.
2. *Holmes J.* A corpus-base view of gender in New Zealand // *Gender Across Languages / ed. by M. Hellinger, H. Busmann.* Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2001. P. 115—136.
3. *Marckwardt A.* American English. New York : Oxford University Press, 1958. 276 p.
4. *Pauwels A.* Spreading the feminist word : the case of the new courtesy title Ms in Australian English // *Gender Across Languages / ed. by M. Hellinger, H. Busmann.* Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2001. P. 137—152.
5. *Romaine S.* Communicating Gender. Mahwah : Erlbaum, 1999. 406 p.
6. *Schulz M.* The semantic derogation of women // *Language and Sex: Difference and Dominance / ed. by B. Thorne, N. Henley.* Rowley (MA) : Newbury House, 1975. P. 64—75.

АННОТАЦИИ

***Пушкарёва Н. Л.* Об эмпатии в антропологии и важности раздельного описания и изучения мужской и женской повседневности**

Рассматривается история повседневности как констелляция ежедневных практик мужчин и женщин в прошлом и настоящем. Автор делает попытку «разгендеризовать» быт и повседневные практики индивидов, показывая в то же время, насколько важна гендерная симметрия исследователя и автора текста, равно как проявление эмпатии для подобного исследования.

Ключевые слова: женщина, женская история, гендер, гендерная эмпатия, гендерная симметрия, история повседневности.

***Коростылёва Н. Н.* Гендерное измерение кадровых процессов на государственной гражданской службе**

Исследуются гендерные процессы и отношения, складывающиеся на государственной гражданской службе. Особое внимание уделяется гендерному анализу кадровых процессов на государственной службе.

Ключевые слова: гендерные процессы, гендерный анализ кадровых процессов, государственная служба.

***Гербут Н. А.* Влияние партийных характеристик на гендерное представительство в парламентах**

Исследуется влияние партийных организационных структур, идеологий, женских секций и специальных партийных правил на уровень представительства женщин в парламентах.

Ключевые слова: партийные характеристики, гендерное представительство, гендерные квоты, парламент.

***Козлова О. А.* Сватовство и характерные особенности российского предсвадебья XVII в. в аспекте женской истории**

Рассмотрены характерные особенности обрядности предсвадебного периода в России XVII в. в аспекте женской истории и специфики ее подхода к источникам. Проанализированы явления, имевшие непосредственную связь с этническим выражением традиций и обрядности и влиявшие на статус женщины в семье и обществе, установлена связь между патриархатными стереотипами и традицией, православными моральными установками. Доказана важность изучения гендерно-окрашенных сторон повседневности, раскрывающихся в чувствах и переживаниях женщин привилегированного сословия.

Ключевые слова: женская история, гендер, сватовство, свадьба, повседневность, быт, патриархат.

Чернова Ж. В. Рабочее место, дружественное семье: постановка проблемы

Статья посвящена анализу политического контекста и инструментов новой политики в отношении семьи — политики баланса семьи и работы. Автор анализирует понятие «рабочее место, дружественное семье», фокусируя внимание на преимуществах специальных мер поддержки, адресованных работодателем работникам с семейными обязанностями. Делается сравнение актуальной повестки дня в отношении семьи современных государств всеобщего благосостояния и современной российской семейной политики.

Ключевые слова: семейная политика; рабочее место, дружественное семье; корпоративная семейная политика.

Зеликова Ю. А. Что формирует родительские практики? Физическое наказание и воспитание в петербургских семьях

Рассматриваются практики физического наказания детей. Исследование показало, что применение физического наказания является для людей, занимающих низкое социальное положение, механизмом воспроизводства своего социального статуса. Креативный класс, творческие, образованные и независимые люди, как правило, отказываются от применения физических наказаний при воспитании своих детей. Традиционный тип семьи, где мужчина обеспечивает материальное благополучие, а женщина занимается воспитанием детей, не обуславливает снижения уровня применения физических наказаний. Полная семья не является гарантом более гуманного отношения к ребенку. Физическое наказание связано в первую очередь с воспитанием у детей традиционных ценностей, таких как трудолюбие, послушание и бережливость.

Ключевые слова: родительские стили, дисциплинарные практики, физические наказания, моральная интернализация.

Задворнова Ю. С. Дифференциация домашнего труда в российской семье: гендерные стереотипы и современные тенденции

На основании результатов исследования, проведенного в Ивановской области, анализируются особенности распределения домашней работы между супругами в современной российской семье. Изучены современные тенденции распределения гендерных ролей в сфере домашнего труда.

Ключевые слова: гендерная роль, гендерные стереотипы, домашний труд, концепция «гендерного дисплея».

Митягина Е. В. Ресурсы современных рабочих в условиях российской модернизации: гендерный аспект

Анализируются гендерные различия в ресурсах рабочих в условиях «двойной» российской модернизации. Женщины вынуждены работать на низкоквалифицированных должностях, что затрудняет их возможности для накопления ресурсов вторичной модернизации и активного участия в модернизационных процессах.

Ключевые слова: рабочие, ресурсы, гендерный подход, модернизация, стадии модернизации.

Пикулёва О. А. Самопрезентация женщин старшего возраста: российские особенности

Изучаются особенности самопрезентационного поведения российских женщин в старшем возрастном периоде — от 56 лет. Проблема женского старения рассматривается через призму авторского взгляда (субъективное самоопределение среднего возраста). Представлены результаты эмпирических исследований гендерных и возрастных особенностей тактик самопрезентации личности, анализируются типы самопрезентационного поведения женщин старшего возраста в связи с особенностями оформления их внешности, рассмотрены личностные особенности коммуникативного поведения женщин старшего возраста и использования ими различных тактик самопрезентации.

Ключевые слова: самопрезентация личности, тактики самопрезентации женщин, старость, гендерные особенности.

Сорокин Г. Г. Бабушки современной России

Результатом демографического старения населения Российской Федерации является значительное увеличение доли пожилых женщин в половозрастной структуре российского общества. Несмотря на то что тенденции старения населения несут в основном негативные последствия для общества, факт преобладания именно женщин среди представителей старшего поколения дает некоторые основания для оптимистического взгляда на будущее страны. Во многом это связано с комплексом культурных и ментальных характеристик пожилых россиянок, который получил в социологии название «феномен русской бабушки».

Ключевые слова: социология старости, гендерная социология.

Григорян А. А. К вопросу о гендерной маркированности английского языка

Статья посвящена вопросу о гендерной маркированности английского языка. Анализу подвергаются компоненты лексико-грамматической системы языка, свидетельствующие не просто об антропо-, но и андроцентричности английской лингвокультуры. Автор размышляет об успешности проводимого в различных странах языкового реформирования.

Ключевые слова: гендер, английский язык, языковое реформирование, титулы и обращения, сексизм.

SUMMARIES

Pushkareva N. L. About the empathy in anthropology and importance of separate description and investigation of male and female daily life

This article looks at the history of everyday life as constellation of everyday practices of men and women in the Past as well as in Present. The author is trying to engender «byt» (mode of life) and everyday life practices of individuals and to show how important the gender symmetry of researchers and texts authors as well as empathy of researcher is for its research.

Key words: woman, women's history, gender, gender empathy, gender symmetry, history of everyday life.

Korostyleva N. N. Gender dimension of personnel processes in the state civil service

The article is devoted to the study of gender processes in the state civil service. Special attention is paid to the analysis of the gender dimension of personnel processes in the state civil service.

Key words: gender processes, gender dimension of personnel processes, state civil service.

Gerbut N. A. The impact of party characteristics on gender representation in parliaments

This article explores the impact of party organizational structures, ideologies, women's sections, and special party rules on the level of representation of women in parliaments.

Key words: party characteristics, gender representations, gender quotas, parliament.

Kozlova O. A. Russian courtship and pre-wedding patterns in the XVII c. from the point of view of women historian

The article deals with pre-wedding rituals in Russia in the XVII c. The analysis of the major events that had direct contact with the manifestation of ethnic traditions and rituals is given. The article tracks the process of following society basic moral beliefs. We prove the importance of studying gender-colored aspects of everyday life, revealed in feelings and experiences of female members of the society, especially the example of the privileged class.

Key words: women history, gender, courtship, wedding, everyday life, domestic violence, patriarchy.

***Chernova Zh. V.* The workplace friendly to family: setting of the problem**

This paper deals with the political context and the tools of the new family policy — balance between family and work. The author analyzes the concept of family-friendly workplace by focusing on the benefits of special support measures addressed to the workers with family responsibilities by of the employer. A comparison is made between the urgent agenda on the family in the contemporary welfare states and in the actual Russian family policy.

Key words: family policy, family-friendly workplace, corporate family policy.

***Zelikova Ju. A.* What is forming parenting practices? Physical punishment and education in St. Petersburg families**

This article considers understudied topic how practices of children physical punishment are formed. The research has proved that use of physical punishment is the mechanism of social status reproduction for lower social strata. The creative class, creative, educated and independent people deny the use of physical punishment in the education of their children.

The traditional type of family, where the man provides material well-being and the woman educates the children, does not reduce the use of physical punishment. The two-parents family cannot guarantee more human attitude to the child. Physical punishment is applied primarily to educate such traditional values as hard work, thrift and obedience.

Key words: parent's styles, discipline practices, physical punishments, moral internalisation.

***Zadvornova Y. S.* Differentiation of housework in the Russian family: gender stereotypes and modern trends**

Based on the results of sociological research in the Ivanovo region characteristics of distribution of housework between spouses in modern Russian family are analyzed. Modern tendencies of gender roles separation in the housework sphere are considered.

Key words: gender role, genders stereotypes, housework, conception of «gender display».

***Mityagina E. V.* Contemporary workers' resources under conditions of Russian modernization: gender aspect**

The article contains the analysis of gender particularities of the workers' resources under the conditions of Russian «double» modernization. Women have to occupy low-skilled positions, which prevent them from accumulation of the secondary modernization resources and from active participation in the modernization process.

Key words: workers, resources, gender, modernization, stage of modernization.

***Pikuleva O. A.* Self-presentation of older women: Russian specifics**

This article discusses the features of self-presentational behavior of Russian women in the senior age (above 56 years). The problem of women's ageing is considered through the prism of the author's view on subjective self-determination of middle-aged women. The results of gender and age specifics of the self-presentation tactics are analyzed together with the types of self-presentational behavior of older women in connection with the shaping of their outward appearance. Personal features of older women communicative behavior and their use of various tactics of self-presentation are considered, too.

Key words: self-presentation, tactics of self-presentation of women, old age, gender peculiarities.

Sorokin G. G. Grandmothers of modern Russia

The result of demographic ageing of the Russian Federation's population is a significant increase of older women in the structure of the Russian society. The population ageing has a number of negative social consequences. But the predominance of women among the senior citizens gives a chance for more optimistic view of the country's future. It is connected to the complex of the elderly Russian women cultural and mental characteristics called in the sociology the «phenomenon of Russian babushka».

Key words: sociology of old age, gender sociology.

Grigoryan A. A. On English being a gendered language

The article concentrates on the English language being a gendered one. Special attention is drawn to different components of its lexico-grammatical structure testifying of the English language and culture being anthropo — as well as androcentric. The author ponders on the success of the gender language reforms being carried out in different countries.

Key words: gender, the English language, linguistic reforms, titles and forms of address, sexism.

АВТОРЫ НОМЕРА

- ГЕРБУТ**
Надежда Анатольевна соискатель отдела теоретических и прикладных проблем политологии, Институт политических и этнонациональных исследований им. И. Ф. Кураса НАН Украины (Киев).
gerbutn@i.ua
- ГРИГОРЯН**
Ашот Арамович доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Ивановский государственный университет.
yerkat@yandex.ru
- ЗАДВОРНОВА**
Юлия Сергеевна аспирантка кафедры общей социологии и феминологии, Ивановский государственный университет.
yulia-zadvornova@mail.ru
- ЗЕЛИКОВА**
Юлия Александровна кандидат социологических наук, доцент кафедры методов и технологий социологических исследований, НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург).
juliazelikova@hotmail.com
- КОЗЛОВА**
Ольга Андреевна аспирантка сектора этногендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.
koa100011@rambler.ru
- КОРОСТЫЛЁВА**
Наталья Николаевна доктор социологических наук, профессор кафедры государственной службы и кадровой политики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
beek@rambler.ru
- МИТЯГИНА**
Екатерина Владимировна кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии, заведующая научной социологической лабораторией, Вятский государственный гуманитарный университет; докторант кафедры общей социологии и социальной работы, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.
mityagina2004@yandex.ru
- ПИКУЛЁВА**
Оксана Анатольевна кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Высшая школа менеджмента СПбГУ.
opikuleva@inbox.ru

Авторы номера

ПУШКАРЁВА
Наталья Львовна

доктор исторических наук, профессор,
заведующая сектором этногендерных исследований,
Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.
pushkarev@mail.ru

СОРОКИН
Геннадий Геннадьевич

кандидат социологических наук,
доцент кафедры высшей математики,
Тюменский государственный
нефтегазовый университет.
sgena1@yandex.ru

ЧЕРНОВА
Жанна Владимировна

кандидат социологических наук, доцент кафедры
социологии, НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург).
chernova30@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА

- Пушкарёва Н. Л.** Об эмпатии в антропологии и важности раздельного описания и изучения мужской и женской повседневности 3

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА

- Коростылёва Н. Н.** Гендерное измерение кадровых процессов на государственной гражданской службе 12
- Гербут Н. А.** Влияние партийных характеристик на гендерное представительство в парламентах 18

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

- Козлова О. А.** Сватовство и характерные особенности российского предсвадебья XVII в. в аспекте женской истории 26
- Чернова Ж. В.** Рабочее место, дружественное семье: постановка проблемы 33
- Зеликова Ю. А.** Что формирует родительские практики? Физическое наказание и воспитание в петербургских семьях 42
- Задворнова Ю. С.** Дифференциация домашнего труда в российской семье: гендерные стереотипы и современные тенденции 51

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ

- Митягина Е. В.** Ресурсы современных рабочих в условиях российской модернизации: гендерный аспект 59

СОЦИОЛОГИЯ ВОЗРАСТА

- Пикулёва О. А.** Самопрезентация женщин старшего возраста: российские особенности 69
- Сорокин Г. Г.** Бабушки современной России 78

ГЕНДЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА

- Григорян А. А.** К вопросу о гендерной маркированности английского языка 81
- Аннотации* 86
- Авторы номера* 92

CONTENTS

GENDER STUDIES: METHODOLOGY AND METHODS

- Pushkareva N. L.** About the empathy in anthropology and importance of separate description and investigation of male and female daily life 3

GENDER POLICIES

- Korostyleva N. N.** Gender dimension of personnel processes in the state civil service 12
- Gerbut N. A.** The impact of party characteristics on gender representation in parliaments 18

FAMILY SOCIOLOGY

- Kozlova O. A.** Russian courtship and pre-wedding patterns in the XVII c. from the point of view of women historian 26
- Chernova Zh. V.** The workplace friendly to family: setting of the problem 33
- Zelikova Ju. A.** What is forming parenting practices? Physical punishment and education in St. Petersburg families 42
- Zadvornova Y. S.** Differentiation of housework in the Russian family: gender stereotypes and modern trends 51

GENDER ASPECTS OF LABOR AND EMPLOYMENT

- Mityagina E. V.** Contemporary workers' resources under the conditions of Russian modernization: gender aspect 59

AGE SOCIOLOGY

- Pikuleva O. A.** Self-presentation of older women: Russian specifics 69
- Sorokin G. G.** Grandmothers of modern Russia..... 78

GENDER LINGUISTICS

- Grigoryan A. A.** On English being a gendered language 81
- Summaries* 89
- Authors of the issue* 92

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Журнал «Женщина в российском обществе» издается на базе Ивановского государственного университета и Российского межвузовского центра гендерных исследований с 1996 года. За более чем десять лет, прошедших с выхода первого номера, журнал зарекомендовал себя как серьезное научное издание, посвященное разработке методологии гендерных исследований, научному осмыслению эволюции социального статуса женщин и мужчин, их роли в общественном развитии России, методическому обеспечению курсов по гендерной проблематике. География авторов научных статей представляет все крупные регионы России от Москвы до Дальнего Востока. С 2008 года наш журнал включен в список ВАК.

Основные задачи журнала:

— способствовать институционализации гендерного образования в вузах России через создание научно-методической базы для чтения курсов по специальностям различного профиля;

— интегрировать научное сообщество, занимающееся разработкой гендерной проблематики и представляющее авторитетных и молодых ученых России, докторантов, аспирантов;

— предоставить право первой публикации новому поколению молодых ученых.

Журнал «Женщина в российском обществе» выходит ежеквартально, распространяется бесплатно по предварительным заявкам ученых и библиотек.

Надеемся, что вы проявите интерес к нашему изданию и пожелаете сотрудничать с нами. Будем рады видеть вас среди авторов журнала. Мы поместим ваши научные статьи, рецензии на монографии и диссертации, переводы, обзоры конференций по следующим направлениям:

- теория и методология гендерных исследований,
- гендерная социология,
- проблемы гендерного равенства в политическом процессе,
- гендерные аспекты труда и занятости,
- гендерная лингвистика,
- женщины и мужчины в истории,
- гендерная педагогика и гендерное образование,
- гендерная психология,
- женское движение: традиции и современность.

Приглашаем вас на сайт журнала (www.womaninrussia.ru), на форуме которого можно принять участие в обсуждении направлений издания и проблематики статей.

По всем вопросам, связанным с публикацией и оформлением заявки на получение журнала, можно обращаться по электронной почте: gafizovanb@mail.ru, kodina_inna@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

С уважением

главный редактор журнала

«Женщина в российском обществе»,

доктор исторических наук, профессор О. А. Хасбулатова

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Материалы принимаются в электронном виде ответственным секретарем журнала.

Объем научных статей — 0,5 авт. л., т. е. 20 000 знаков с учетом пробелов (в исключительных случаях до 1 п. л.) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14.

2. Материал для журнала должен быть оформлен в такой последовательности: **БК**; на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** объемом 10—15 строк и **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы (к каждому пункту списка должен быть отсыл в тексте). Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленного материала следует указать фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность, адрес электронной почты (для публикации в журнале), а также полный почтовый адрес автора, его телефон (для рассылки журнала и взаимодействия с редакторами).

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материал, представляемый к публикации в журнале, будет проходить научную экспертизу и публиковаться, если редакционный совет получит положительную рецензию.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку и корректирование текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
№ 1 (70) — 2014

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Редактор *О. В. Боронина*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Подписано в печать 12.03.2014 г. Формат 70 x 108 ¹/₁₆.
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 6,5. Тираж 200 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41
E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru